

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издаётся под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.Д. Апресян (Москва). О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов	3
П.М. Аркадьев (Москва). Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем	34
А.М. Певнов (Санкт-Петербург). Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы	63
Ю.В. Адаскина (Москва). Аллокутивные формы баскского глагола	84
Е.А. Сорокина (Волгоград). К реконструкции древнегерманского института «свободный» ~ «зависимый»	103

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Д.В. Сичинава (Москва). Синонимия грамматических показателей: теоретические подходы лингвистики XIX–XXI веков. II Постструктурристские подходы	116
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

А.В. Архипов, М.А. Даниэль (Москва). <i>J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). Essentials of language documentation</i>	134
Владислав В. Аллатов (Москва). <i>Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context</i>	141
В.Ю. Гусс (Москва). <i>Z. Guençéva, J. Landaburu (éds.). L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et causasiennes</i>	145
М.А. Петрова (Москва). <i>M. Krause. Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker</i>	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

С.С. Ваулина (Калининград). Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению»	155
--	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Аллатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богусlavский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караполов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова

Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2008 г.

© 2008 г. Ю.Д. АПРЕСЯН

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ-КОЛЛОКАТОВ*

Исследуются глаголы, являющиеся значениями лексических функций OPER-LABOR-FUNC. В классической версии модели «Смысл ⇔ Текст» они признавались, с некоторыми оговорками, «семантически пустыми», а выбор конкретного глагола на роль манифестанта данной лексической функции от данного аргумента семантически не мотивированным. В статье показано, что все такие глаголы имеют собственное лексическое значение и что выбор конкретного глагола на роль манифестанта данной лексической функции от данного аргумента семантически мотивирован его собственным лексическим значением, с одной стороны, и семантическим классом и подклассом аргумента, с другой. Это позволяет строить оправданные прогнозы даже по поводу не вполне свободной лексико-семантической сочетаемости слов, существенно облегчающие работу лексикографа. В заключение предлагается откорректированная версия определений всех лексических функций рассматриваемого семейства.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теория лексических функций (ЛФ) является существенной частью модели «Смысл ⇔ Текст» И.А. Мельчука; см. [Жолковский, Мельчук 1967; Мельчук 1974; 1995; Mel'čuk 1997; 2004; Иорданская, Мельчук 2007] и словари [Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992; 1999].

В последние годы модель «Смысл ⇔ Текст» завоевала мировое признание; см. сборники работ посвященных ей Международных конференций [Proceedings 2003; East-West Encounter 2005; MTT 2007]. С учетом ее широкой известности отпадает необходимость в подробном представлении теории ЛФ. Достаточно сформулировать ее основный тезис – утверждение, что в каждом языке можно выделить несколько десятков значений достаточно высокого уровня абстракции ('высокая степень', 'начало', 'каузация', 'манифестация' и т.п.) и сопоставимое число типов семантических отношений между словами (синонимия, антонимия, конверсия и т.п.), каждое из которых выражается не одним словом, а большим классом слов. При этом выбор слова для выражения данного значения или данного семантического отношения не свободен, а определяется тем словом X (аргументом ЛФ), при котором оно выражается или которое характеризует.

Ниже я сосредоточусь на одном фрагменте формального аппарата ЛФ, материал которого достаточен для изложения всех интересующих меня тем. Речь пойдет о семействе ЛФ-коллокатов OPER-LABOR-FUNC, которое в настоящее время насчитывает около 30 ЛФ (с учетом суперпозиций с ЛФ INCEP = 'начало', FIN 'прекращение', CAUS 'каузация' и LIQU 'ликвидация')¹. Из других ЛФ-коллокатов в данной работе с

* Данная работа была поддержана грантами РГНФ № 03-04-00046а и № 06-04-00289а, грантом РФФИ № 05-06-80361, грантом Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ № НШ-5611.2006.6 и грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

¹ ЛФ-коллокатами предлагается называть синтагматические функции, манифестанты которых в прототипическом случае сочетаются с ключевым словом, либо подчиняясь ему, либо подчиняя его. В классической версии модели «Смысл ⇔ Текст» они назывались параметрами, но в современной лингвистике этот термин утвердился за другим классом предикатов.

минимальной степенью подробности разбираются только MAGN и MANIF; все остальные ЛФ либо вовсе не упоминаются, либо упоминаются лишь эпизодически.

Наиболее разнообразно представленная ЛФ избранного семейства – OPER1. Так были названы полуслужебные глаголы² типа *вести*, *давать*, *оказывать*, *проводить* и т.п., которые в сочетании с чисто синтаксическими производными существительными S0(X), образованными от полнозначного глагола X, иногда только фиктивного³, дают períфразы X-а с сохранением его подлежащего, т.е. первого актанта; при этом S0(X) выполняет функцию главного дополнения. Ср. *Правительство борется [X] с коррупцией* – *Правительство ведет [OPER1] борьбу [S0(X)] с коррупцией*; ср. также *разрешать* – *давать разрешение*, *помогать* – *оказывать помощь*, *экзаменовать* – *проводить экзамен* и т.п.

Вообще говоря, такие глаголы были выделены в традиционной лексикологии задолго до возникновения модели «Смысл ⇔ Текст»; назову хотя бы работы [Аничков 1937] и [Ожегов 1957]; ср. также [Арутюнова 1976: 84]. По их поводу обычно делались следующие два утверждения:

а) Глагол в подобных словосочетаниях не имеет собственного лексического значения или имеет ослабленное значение типа ‘делать то, что обозначено зависимым существительным’. Именно поэтому становятся возможны указанные «аналитические» períфразы полнозначных глаголов.

б) Все такие словосочетания обладают свойствами устойчивости и лексической связности (фразеологичности): не поддается семантическому объяснению, почему мы говорим *произносить речь* и *делать доклад*, но не наоборот; *оказывать влияние* и *производить впечатление*, но не наоборот; *испытывать гордость* и *питать надежду*, но не наоборот; и т.п. Тем самым они приобретают и свойство межъязыковой идиоматичности. Ср., например, *обращать внимание* и *pay attention* (букв. ‘платить внимание’), *произносить речь* и *make a speech* (букв. ‘делать речь’).

Однако дальше таких констатаций дело не шло. Вклад И.А. Мельчука и А.К. Жолковского в эту область лексикологии состоял в том, что они предложили универсальный формальный язык для описания несравненно более широкого класса несвободных словосочетаний, а именно язык ЛФ. Напомню определения ЛФ основного семейства функций-коллокатов, т.е. семейства OPER-LABOR-FUNC, с которым я буду иметь дело в дальнейшем.

OPER1 – см. определение и примеры выше; OPER2 – глагол, связывающий второй актант в роли подлежащего с названием ситуации (т.е. S0(X)) в роли главного дополнения: *A поддержал [X] Y-а* – *Y получил [OPER2] поддержку [S0(X)] от A*; OPER3 – глагол, связывающий третий актант в роли подлежащего с названием ситуации в роли главного дополнения: *A разрешил [X] Y-у B* (например, *пользоваться своим компьютером*) – *Y получил [OPER3] от A разрешение [S0(X)] на B*; LABOR1–2 – глагол, связывающий первый актант в роли подлежащего со вторым актантом в роли главного дополнения и с названием ситуации в роли второго дополнения: *A наказывает [X] Y-а* – *A подвергает [LABOR1–2] Y-а наказанию [S0(X)]*; FUNC0 – глагол, принимающий название ситуации в роли подлежащего: *Идет экзамен*; FUNC1 – глагол, связывающий название ситуации в роли подлежащего с первым актантом в роли главного дополнения: *Y-а знобит [X]* – *Y-а трясет [FUNC1] озноб [S0(X)]*.

Как следует из этих определений, глаголы всех перечисленных классов конверсы друг другу и, следовательно, могут служить средством синонимичного перифразирования предложений. Ср. *A произвел [OPER1] атаку на B* – *B подвергся [OPER2] атаке со стороны A* – *A подверг [LABOR1–2] B атаке*; *Y испытывает [OPER1] страх* – *Страх владеет [FUNC1] Y-ом*.

Из сказанного ясно, что язык ЛФ позволяет на единой основе решить две принципиально разные, хотя и связанные друг с другом задачи: (а) свести гигантское разнообра-

² Другие употребительные в современной лингвистике названия: ‘функциональные глаголы’, ‘полувспомогательные глаголы’, ‘глаголы-операторы’, ‘глаголы поддержки’, ‘глаголы широкой семантики’, ‘глаголы широкого семантического объема’, ‘расширители’.

³ Ср. такие заимствованные существительные, как *кампания*, *процесс*, *репортаж*, у которых нет реальных исходных глаголов.

зие устойчивых элементов словосочетаний во всех естественных языках к нескольким десяткам предположительно универсальных классов лексем с общими семантическими и синтаксическими свойствами, которые и были названы лексическими функциями; (б) сформулировать общие для всех языков правила перифразирования предложений; последние включают в себя в качестве частного случая традиционный класс аналитических períфраз с сохранением подлежащего исходного глагола (см. выше).

Существенным для осмыслиения этого лексического материала оказалось и введенное в [Мельчук, Холодович 1970] понятие диатезы, или соответствия между семантическими и синтаксическими актантами лексемы. Сейчас принято говорить, что первые различаются своими семантическими ролями в структуре предиката (ср. Агенс, Пациент, Адресат, Инструмент, Средство и т.п.), а вторые – своими синтаксическими функциями в составе предложения (ср. подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, предложное дополнение и т.п.). В предложении *Самолеты [A] атаковали колонну [Y] танков*, с активной формой глагола, *атаковать* характеризуется следующей диатезой: A = Агенс, подлежащее; Y = Пациент, прямое дополнение. В предложении *Колонна [Y] танков была атакована самолетами [A]*, с пассивной формой глагола, происходит мене диатезы: Y = Пациент, подлежащее, A = Агенс, косвенное дополнение.

Понятие диатезы является обобщением понятия залога; оказывается, что отношения, аналогичные залоговым, пронизывают всю лексико-семантическую систему языка, начиная с несвободных глагольно-именных словосочетаний. В частности, лексическим коррелятом активной формы глагола может быть OPER1, а лексическим коррелятом пассива – OPER2; ср. *Самолеты [A] атаковали колонну [Y] танков* = *Самолеты [A] произвели [OPER1] атаку на колонну [Y] танков*; *Колонна [Y] танков была атакована самолетами [A]* = *Колонна [Y] танков подверглась [OPER2] атаке самолетов [A]*. Ср. также *A оказывает влияние на Y – Y испытывает влияние (со стороны) A*.

Более того, такие же диатетические отношения представлены в актантном словообразовании (ЛФ S1, S2, S-LOC, S-RES, A1, A2, ADV1, ADV2 и т.д.)⁴ и в полнозначных лексических конверсивах (ЛФ CONV2–1, CONV3–1 и т.д.); ср. *Она владеет [X] двумя самыми красивыми замками на Луаре* = *Она – владелица [S1(X)] двух самых красивых замков на Луаре* = *Два самых красивых замка на Луаре – ее собственность [S2(X)]*; *Я знаю [X] эту книгу* = *Я знаком [A1(X)] с этой книгой* = *Эта книга мне знакома [A2(X)]*; *победа [X] A над Y-ом* = *поражение [CONV2–1(X)] Y-а от A*⁵.

⁴ Напомню, что Si – производное существительное, обозначающее i-го участника ситуации; Ai – обозначение действия, состояния или свойства i-го участника в форме прилагательного или адъективного оборота; ADVi – аналогичное наречие или адвебиальный оборот.

⁵ Последние два существительных заслуживают отдельного комментария. Они образованы от синонимичных переходных глаголов *победить* и *устар.* *поразить* соответственно и первоначально, как и *potesta agentis победитель* и *устар.* *поразитель*, сами употреблялись как синонимы. Это состояние было зафиксировано в Словаре Академии Российской, где у слова *поражение* усматривается значение «Разбитие, одержание верха в сражении»; ср. в «Истории Пугачева» А.С. Пушкина: *С донесением о своем уроне он представил Военной коллегии, что для поражения Пугачева нужны не слабые отряды, а целые полки* (СПушкин). В языке пушкинской эпохи существовало уже и новое значение слова *поражение* – ‘военная неудача, проигрыш сражения’, с мене диатезы (Агенс исходного значения становится вторым актантом, а Пациент – первым), которое позднее полностью вытеснило старое. Однако именно на основе вытесненного значения сложилась лексикографическая традиция, которая надолго пережила реальное употребление слова; ср. толкование БАСа («Полный разгром противника, выведение его из состояния боеспособности») и МАСа («разгром противника, выведение его из состояния боеспособности»). Лишь СУШ сумел уловить завершение энантиосемического сдвига, истолковав *поражение* как «военная неудача, разгром» (то же в СОШ и СШ: «Неудача в войне, борьбе, разгром»). Таким образом, бывшие синонимы *победа* и *поражение* приобрели, в результате мены диатезы в актантной структуре слова *поражение*, свойства антонимов (*наша победа vs. наше поражение*) или конверсивов (*победа Александра над персами vs. поражение персов от Александра*).

Как показывают даже эти немногочисленные примеры, аппарат ЛФ достаточно хорошо формализован, чтобы допускать реализацию на компьютере. С другой стороны, он настолько лингвистически содержателен, что обещает, в случае своей реализации, очень существенное продвижение для любой системы переработки текстов на естественных языках.

Предметом данной статьи будут некоторые результаты работы с аппаратом ЛФ, полученные в течение последних 15 лет Лабораторией компьютерной лингвистики ИППИ РАН и лично автором в ходе создания полифункционального лингвистического процессора ЭТАП; см., например [Апресян и др. 1989; 1992; Apresjan et al. 2002; 2003; 2007; Апресян 2004; 2006]. Сегодня в состав ЭТАПа входят: а) система англо-русского и русско-английского машинного перевода (полные формальные модели морфологии и синтаксиса обоих рабочих языков, морфологические словари объемом свыше 120 000 единиц каждый, комбинаторные словари приблизительно такого же объема, формальные правила перевода с английского языка на русский и с русского на английский); б) конверторы и деконверторы для универсального сетевого языка UNL (см. [Boguslavsky 2002; Boguslavsky et al. 2000; 2001; 2004]); в) компьютерная система перифразирования высказываний (см. [Апресян, Цинман 2002]); г) pilotные версии компьютерных учебников лексики русского и английского языков (см. [Apresjan 1996; Апресян и др. 2008]); д) система глубокой морфологической и синтаксической разметки текстов в полуавтоматическом режиме [Богуславский и др. 2003].

Очевидно, что при реализации аппарата ЛФ в прикладных системах, где он опробовался на массовом текстовом материале, а не на отдельных примерах, он не мог не претерпеть определенных изменений по сравнению с классической версией. Модификаций потребовали даже принципиальные теоретические положения. С них я и начну.

2. КОРРЕКЦИЯ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ЛФ-КОЛЛОКАТОВ

2.1. Семантическая мотивированность ЛФ OPER-LABOR-FUNC⁶

Создав принципиально новый теоретический и формальный аппарат, многократно расширявший и углубивший возможности исследования устойчивых словосочетаний, теория ЛФ, однако, сохранила верность двум названным выше тезисам традиционной теории лексикологии. ЛФ семейства OPER-LABOR-FUNC считаются «семантически пустыми» [Мельчук 1974: 93; Мельчук, Жолковский 1984: 84; Mel'čuk et al. 1999: 77] и «фразеологически связанными» [Мельчук 1974: 79; Mel'čuk et al. 1992: 31], так что выбор того или иного глагола как значения данной ЛФ от данной лексемы предстает как семантически немотивированный. Правда, при этом делаются важные оговорки. На с. 84 «Введения» к ТКС-у об OPER-ах, FUNC-ах и LABOR-ах сказано, что они «суть глаголы, оказывающиеся семантически пустыми в контексте ключевого слова C_0 » (выделено мной. – Ю.А.), а в примечании к этому месту «Введения» дано следующее разъяснение: «Эти глаголы могут быть действительно пустыми... или значащими, но тогда их собственный смысл включается в смысл их ключевого слова» [Мельчук, Жолковский 1984: 96]⁷.

Надо сказать, что основой и для утверждений о семантической пустоте ЛФ семейства OPER-LABOR-FUNC, и для утверждений о наличии у них некоторого общего смысла, включенного в смысл ключевого слова, послужил материал OPER1, который стал моделью для изучения других ЛФ. При этом, как это часто происходит с прототи-

⁶ В этом разделе воспроизводится, с существенными дополнениями, часть материала из работы [Апресян 2004].

⁷ Похожие мысли высказывались и позднее; см., например [Падучева 1991; Mel'čuk, Waner 1996; Reuther 1996].

пами, некоторые его особенности были гипертрофированы и не совсем законно экспонированы на все остальные ЛФ данного семейства.

Ниже я попытаюсь показать, что:

1. Любой глагол семейства OPER-LABOR-FUNC имеет собственное лексическое значение (т.е. никогда не бывает семантически пустым). Поэтому его выбор на роль данной ЛФ для данного аргумента семантически мотивирован, хотя и не свободен, и регулируется общим правилом семантического согласования. Последнее в стандартном случае состоит в том, что в значениях сочетающихся лексем есть какой-то совпадающий смысловой компонент⁸.

2. Степень семантической содержательности и мотивированности – разная для разных ЛФ, т.е. зависит от конкретной ЛФ. Она нарастает при переходе от OPER-ов к LABOR-ам и FUNC-ам, а внутри каждого из этих классов – от меньших номеров к большим.

3. В большинстве случаев степень семантической содержательности и мотивированности ЛФ-глагола недостаточна для выработки стопроцентно верных прогнозов и, тем самым, для формулировки правил. Однако она вполне достаточна для установления тенденций и формирования правильных лексикографических ожиданий.

Термину «лексикографическое ожидание» можно придать следующий более строгий смысл: если аргумент X функции F принадлежит к семантическому классу C, то можно ожидать [достаточно велика вероятность того], что F(X) будет выражаться лексемой L.

Понятие правильного лексикографического ожидания представляется мне исключительно важным. Оно позволяет сделать работу лексикографа более целенаправленной, а представление лексики в словаре – гораздо более системным, чем прежде.

Иллюстрировать предлагаемый тезис, ввиду ограниченности места, я буду главным образом на материале ЛФ OPER1, OPER2, OPER3, LABOR1–2, FUNC0 и FUNC1, притом с акцентом на втором из упомянутых свойств (мотивированности); семантическая содержательность этих ЛФ будет в фокусе внимания в разделе 4.

Выбор конкретных глаголов в качестве значений одной из перечисленных ЛФ имеет двойную семантическую мотивацию, или мотивацию на двух уровнях.

Во-первых, он мотивирован принадлежностью самого ЛФ-глагола и его аргумента к одному из классов фундаментальной классификации предикатов. Так я называю классификацию глаголов Маслова-Вендлера, известную также под названием аспектуальной, таксономической и т.п.⁹ В нашей лингвистике интерес к ней оживился после работы [Булыгина 1982]; см. также [Гловинская 1982; 2001; Падучева 1996; 2004; Зализняк Анна, Шмелев 2000] и ряд других работ.

В том варианте классификации, который был разработан автором (см. [Апресян 2003; 2004]), различается до 16 классов верхнего уровня, из которых здесь понадобятся четыре:

а) Действия – глаголы, у которых в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘делать’ и которые обозначают ситуацию, обычно укладывающуюся в один раунд наблюдения; ср. *идти* (за хлебом), *писать* (письмо), *читать* (книгу);

⁸ Так семантическое согласование было определено в известных работах М. Мастерман, Й. Уилкса, К.С. Джоунса, Б. Потье, У. Вайнрайха, В.Г. Гака и других еще в 60–70-х гг. прошлого века.

⁹ Обоснование предлагаемого термина дано в [Апресян 2006: 76 и сл.]. Одним из самых неудачных названий этой классификации представляется мне популярное в типологической литературе название «акциональная классификация предикатов». Термин «акциональный» теряет свое естественное содержание, потому что акциональными оказываются предикаты не только со значением действия, деятельности, занятия или поведения, когда человек действительно что-то делает, но и предикаты со значением состояния, свойства, существования и т.п.

б) Деятельности – глаголы, обозначающие совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, но обычно не укладывающихся в один раунд наблюдения; ср. *воевать, воспитывать, руководить, торговать* (с Китаем);

в) Процессы – глаголы, обозначающие самопроизвольное изменение объекта, т.е. изменение, протекающее без вмешательства чьей-л. воли, ср. *выветриваться, вымирать, расти, сокращаться*;

г) Состояния – глаголы, в значениях которых обнаруживается семантический кварк стативности (об этом понятии см. [Апресян 1994]), ср. *видеть, знать, нуждаться, стыдиться*; для простоты ‘состояние’ можно считать неопределенным понятием.

Эпизодически упоминаются еще свойства (неопределенное понятие, ср. *виться* [о волосах], *картавить*) и события. События – это не контролируемые чьей-либо волей ситуации (в этом отношении они похожи на процессы), которые мыслятся как не имеющие длительности. Часто их именами являются глаголы, содержащие указание на моментальность даже в форме НЕСОВ: *встречать* (случайное), *получаться*, *происходить*.

Во-вторых, выбор конкретного глагола на роль OPER1, OPER2, OPER3, LABOR1-2, FUNC0 или FUNC1 мотивирован принадлежностью существительного (аргумента данной ЛФ) к достаточно узкому семантическому подклассу внутри определенного класса предикатов.

2.1.1. OPER1

OPER1 от действий – это лексемы, значение которых либо включает в свой состав семантический примитив ‘делать’ в роли главного компонента толкования, либо сводится к нему, либо по крайней мере содержит семантический кварк акциональности. Ср. наиболее типичные значения OPER1 от действий – *бросать (вызов), вносить (предложение), говорить (комplименты), давать (совет), делать (шаг), наводить (критику), наносить (удар), оказывать (влияние), отдавать (приказ), подавать (совет), предпринимать (действия), предъявлять (требование), принимать (решение), приносить (извинения), проводить (сравнение), производить (обстрел), совершать (посадку), устраивать (прием), читать (лекцию)*. Все они бесспорно акциональны, т.е. содержат в вершине толкования примитив ‘делать’.

OPER1 от деятельности обычно выражается глаголом *вести*; ср. *вести агитацию, борьбу, войну, боевые действия, дела, предвыборную деятельность, жизнь, двойную игру, кампанию, дозиметрический контроль, летопись, тайное наблюдение, осаду, переговоры, переписку, подкоп, поиски, полемику, пропаганду, судебный процесс, саперные работы, разведку, расследование, счета, торговлю, учет, хозяйство, хронику текущих событий*. Точно так же выражается OPER1 и от близких к деятельностим сложных действий, особенно таких, которые требуют двух или более участников: *вести беседу, бой, дебаты, допрос, перестрелку, разговор, семинар, экзамен*.

Выбор глагола *вести* на роль OPER1 от деятельности требует более пространного комментария. Деятельности, как было сказано выше, складываются из многих неоднородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель. Это сложные ситуации, реализация которых требует не только умения производить какие-то простые действия, но и знания того, как их следует координировать друг с другом, чтобы достичь цели. Тот, кто воюет, расследует преступление или торгует дачными участками, должен знать гораздо больше того, кто просто дерется, ищет потерянный кошелек или продает дачный участок. В связи с этим представляется допустимой гипотеза, что указание на знание входит в содержание имен деятельности по крайней мере как элемент прагматической информации. Тогда становится понятно, почему в качестве OPER1 от деятельности был выбран и закрепился именно глагол *вести*.

Стартовой точкой стершейся метафоры, представленной в сочетаниях *вести борьбу, учет* и т.п., является основное значение глагола *вести*. Оно реализуется в словосо-

чтаниях и предложениях типа *вести кого-л. за руку* <под руку, за повод, на поводке>, *вести гостей к столу*, *вести пленных на расстрел*, *вести лошадь с водопоя*, *вести кого-л. закоулками*, *Через перевал нас вел опытный проводник*; Алферов, уже знакомый с расположением театра, вел меня за руку (Куприн, БАС); *Провожатый вел куда-то через анфиладу темных комнат* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса); *В правой руке у Аполека был ящик с красками, левой он вел слепого гармониста* (И. Бабель. Миниатюры); [Он] вел кота в милицию, таща бедного зверя за передние лапы (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Пуделя на поводке вел старик интеллигентного вида* (Ф. Абрамов. Потомок Джима).

На основе этих и других подобных примеров можно предположить, что в исходное значение глагола *вести* в его прототипическом употреблении тоже входит смысл ‘знать’. Тот, кто ведет, не просто идет вместе с кем-то, он должен знать, как попасть в пункт назначения из стартовой точки перемещения. Приведем слегка упрощенное толкование этой лексемы: *A₁ ведет A₂ в A₃ из A₄ по A₅* = ‘Имея цель сделать так, чтобы человек A₂ попал из места A₄ в место A₃, и зная путь из A₄ в A₃ через пространство A₅, человек A₁ делает так, что A₂ идет в A₃, и направляет его перемещение через A₅, идя вместе с ним’.

В пользу ‘знать’ как компонента значения *вести* косвенно свидетельствуют и толкования этого глагола в словарях; ср. ‘Помогая идти, направлять движение кого-н.’ (СУШ); ‘Направлять чье-л. движение, показывать путь’ (БАС); ‘Идя вместе, направлять движение, помогать идти’ (МАС); ‘Идя вместе, направлять движение кого-л., помогать или заставлять идти с собой’ (БАС-2). Очевидно, что ‘направлять движение’ и ‘показывать путь’ может только тот, кто знает, куда надо идти и как.

Тот же смысл хорошо ощутим в переносных значениях глаголов *вести* и *водить*, в их многочисленных производных и в сложных словах с корнем *вод-*; ср. *водить экскурсии*; *ведущий* и *ведомый* [о летчиках в парных полетах]; *устар. вожатый* (*Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь, и велел Савельичу дать ему полтину на водку* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)), *вождь*, *поводырь*, *проводник* [в горах]; *экскурсовод*; *путеводитель*.

Какой-то след этого смысла сохраняется, очевидно, и в значении *вести* как ЛФ OPER1 от имен деятельности. Тем самым значение деятельности оказывается семантически согласованным с ЛФ-значением глагола *вести*.

Нельзя считать случайной и согласованность по виду: у *вести*, как и у большинства глаголов со значением деятельности, нет формы СОВ.

OPER1 от процессов выражается глаголами с пассивным значением, поскольку первый актант таких глаголов выполняет семантическую роль Пациента – сущности, которая изменяет свое пространственное положение, состояние или свойства не по своей воле, а в результате воздействия на нее внешних факторов. Наиболее употребительными из них являются глаголы *подвергаться* и *претерпевать*, причем в словарях *претерпевать* обычно толкуется через ‘подвергаться’, а «пассивность» *подвергаться* самоочевидна; впрочем, несколько разъяснений на этот счетдается в разделе 2.1.2. Примеры: *подвергаться выветриванию, качке, колебаниям, коррозии, метаморфозе, мутации, обесценению, распаду, старению; претерпеть деформацию, изменения, метаморфозу, превращение, трансформацию*.

В роли OPER1 от состояний чаще всего выступают синонимичные глаголы *испытывать* и *питать*, ср. *испытывать боль, вожделение, гнев, голод, гордость, жажду, желание, зависть, зуд, колебания, лишения, мучения, нехватку, нужду, похоть, ревность, сомнения, страх, стыд, ужас; питать доверие, иллюзии, любовь, надежду, страх*. Оба глагола идеально семантически согласованы с аргументами-существительными, потому что в их лексические значения входит смысл ‘состояние’. Ср. следующие словарные толкования: *испытывать* = ‘пребывать, находиться в каком-л. душевном, физическом и т.д. состоянии; чувствовать, ощущать’ (МАС); ‘чувствовать, ощущать’, при *чувствовать* = ‘испытывать какое-нибудь чувство, физическое или душевное состояние’ (БАС); *питать* = ‘испытывать, ощущать то, что выражено су-

ществительным' (МАС); 'испытывать по отношению к кому, чему-либо какое-либо чувство' (БАС).

Как было сказано выше, семантическую мотивированность выбора глагола на роль ЛФ OPER1 можно проследить и на гораздо более глубоком уровне.

Так, давать особенно охотно сочетается с двумя семантическими классами акциональных существительных: а) некоторыми речевыми актами, ср. давать благословение, гарантию, зарок, инструкцию, клятву, команду, комментарий, консультацию, напутствие, обещание, объяснение, ответ, отвод, отзыв, позволение, приказ, присягу, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, слово, совет, согласие, указание; б) названиями сигналов, ср. давать гудок, знак, отбой (*Федеральный центр должен дать отбой кампании против мэров (Новости России)*), устар. отправление (– *Можно отправление давать?* – спросил я (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора)), сигнал.

Как известно, всякий речевой акт предполагает как минимум три актанта: Говорящего, Содержание сообщения и Адресата, причем Содержание сообщения в прототипическом случае выступает в роли второго актанта, а Адресат – в роли третьего актанта; ср. *Он [первый актант] обещал мне [третий актант], что приедет [второй актант]*. Семантическая роль Адресата в конечном счете сводится к роли Получателя: Адресат – это Получатель сообщения. Но Получатель – это третий актант глагола давать в значении физической передачи. Тем самым выбор давать на роль OPER1 от речевых актов оказывается неслучайным: Получатель физического действия закономерно превращается в Адресата информационного при переходе от основного значения давать к лексико-функциональному¹⁰.

Столь же естественно получается семантическое объяснение выбора давать на роль OPER1 от существительных второго класса, т.е. имен сигналов. Хотя сигналы не являются речевыми актами в собственном смысле слова, у них безусловно есть семантический актант с ролью Адресата – того лица, для которого сигнал предназначен и которое должно на него реагировать каким-то действием; ср. явиться по сигналу, где Агент явиться совпадает с Адресатом сигнала. Ср. также синонимы штурмовой сигнал и штурмовое предупреждение: второй из них произведен от глагола предупредить, в актантную структуру которого Адресат безусловно входит. Просто при сигналах этот актант обычно не выражается их собственным синтаксическим зависимым¹¹.

Делать предпочитается с двумя семантическими классами акциональных существительных: а) одноактными, относительно простыми, часто моментальными действиями, ср. делать бросок, вдох, взнос, вспышивание, вставку, выбор, выдох, выпад, выстрел, движение, зарубку, засечку, круг, надпись, надрез, установку, ошибку, перенос, поворот, прививку, приписку, прокол, прыжок, разрез, рывок, скидку, снимок, трюк, ударение, укол, ход, шаг; сюда же относятся ментальные акты делать вывод, допущение, заключение и конативные акты делать попытку, усилие; б) некоторыми речевыми актами, в том числе отрицательно оцениваемыми, ср. делать втык, выговор, замечание, заявление, комплимент, объявление, предложение, предупреждение, признание.

Производить, ближайший синоним делать, заменимый на него в ряде контекстов, предпочитается ему в сочетании с акциональными существительными, обозначающи-

¹⁰ М.Я. Гловинская отметила (устно) еще одну особенность давать как ЛФ-глагола: обычно он сочетается с названиями нейтральных или «положительных» речевых актов (см. примеры выше); нельзя, однако, *давать кому-л. запрет или *давать кому-л. проклятие. Из этой тенденции, конечно, есть исключения (ср. давать выговор <строгача> кому-л., давать нагоняй, давать отвод кому-л.). однако она вполне осмыслена: дают, как правило, то, что нужно Получателю.

¹¹ Сигналы – еще один интересный класс предикатов, при которых семантически обязательный актант (Адресат) не всегда может быть выражен их собственным синтаксическим зависимым.

ми более сложные ситуации, чаще всего связанные с изменением существовавшего ранее положения вещей. Отметим две особенности таких существительных. Во-первых, они во многих случаях имеют в своем составе префикс *пере-*, который сам по себе указывает на разного рода изменения в местонахождении, состоянии и оценках объектов¹². Во-вторых, они часто обозначают масштабные явления и события. Ср. *производить переадресовку, переаттестацию, перебазирование, переброску войск, перевооружение, (военный) переворот, перегруппировку, передислокацию, переизбрание, переключение, перемотку, переоборудование, переоценку, перепечатку, перепланировку, переработку, перерасчет, перeregистрацию, пересмотр, перестановку, пересчет, переучет, переэкзаменовку*. Если учесть, что глагол *производить* в своем основном значении описывает сложные действия или деятельности (*производить танки <самолеты, компьютеры> vs. делать табуретку*) и, в силу своей официальности и книжности, тоже тяготеет к обозначению масштабных явлений, можно будет полнее оценить, насколько глубоким является семантическое согласование глагола и существительного¹³.

Совершать предпочитается другим OPER-ам в контексте следующих семантических классов акциональных существительных: а) существительных, часто интерпретационных, со значением отрицательно оцениваемых действий, ср. *совершать агрессию, адюльтер, грех, злодеяние, кражу, ограбление, ошибку, пластилин, подлог, потраву, прегрешение, предательство, преступление, промах, проступок, убийство*; ср. редкие исключения – *совершать подвиг, совершать поступок* («с большой буквы»), *совершать чудо*; б) существительных со значением перемещений на значительные расстояния, ср. *совершать виток вокруг земли, полный кругооборот, круиз, марш через всю Европу, обход, объезд, паломничество, перелет, кругосветное плавание, поездку по стране, посадку, путешествие, челночные рейсы, турне, хадж, экскурсию*; в) существительных со значением обрядовых и ритуальных действий, ср. *совершать богослужение, обрезание, обряд, омовение, ритуал, службу, туалет, церемонию*. Во всех случаях употребления *совершать*, отчасти тоже в силу его книжности, речь идет о значительных, крупномасштабных событиях; ср. *Он совершил роковую ошибку при неправильности *Он совершил орфографическую ошибку [надо: сделал]*.

Перейду к процессам. *Подвергаться* в роли OPER1 от процессов предпочитается с существительными, обозначающими: а) собственно изменение: *подвергаться изменениям, качке, колебаниям, метаморфозе, мутации, ротации, сжатию, умляуту*; б) разрушение или нарушение нормального состояния, ср. *подвергаться выветриванию, коррозии, обесценению, облучению, омертвению, разрушениям, разрыву, разъеданию, распаду, старению, усадке, эрозии*.

Наконец, есть дополнительная семантическая мотивация для выбора *питать* в роли OPER1 от состояний. Во-первых, *питать*, в отличие от *испытывать*, сочетается почти исключительно с именами внутренних ментальных или эмоциональных состояний человека; нельзя, например, **питать боль, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку* [физические состояния]; **питать голод, жажду, похоть* [физиологические состояния]; **питать лишения, нехватку, крайнюю нужду* [материальные состояния]. Во-вторых, *питать* сочетается преимущественно с именами так называемых чувствотношений, т.е. слов типа *анттипатия, доверие, любовь, нежные чувства, ненависть, неприязнь, отвращение, презрение, привязанность, пристрастие, приязнь, расположение*.

¹² Ср. толкования четвертого и пятого значений этого префикса в МАСе: «4) превращение чего-л. во что-л., переведение чего-л. из одного состояния в другое» (*перековать мечи на орала*); «5) изменение направленности действия» (*передоверить, переслать*).

¹³ Из указанной закономерности выбивается, на первый взгляд, словосочетание *производить впечатление* (*на кого-л.*). Однако более внимательный анализ показывает, что *впечатление* обозначает не действие по глаголу *впечатлять*, а лишь его результат, т.е. оставшийся в сознании человека А (первый актант *впечатления*) след воздействия на него фактора У (второй актант *впечатления*); ср. *мое впечатление от этой картины*. Следовательно, *производить* – не OPER1 от *впечатления*, а CAUS2FUNC1.

жение, симпатия, слабость (= ‘нежные чувства’), *сострадание, сочувствие, уважение*, описывающих эмоциональное или ментальное отношение субъекта к какому-то другому человеку или неживому объекту¹⁴. Редкие исключения – *питать иллюзии, надежду, страх*. Встречающиеся в литературе XIX века словосочетания *питать замысел, идею, намерение*, по данным МАС и БАС, устарели; это подтверждается и данными современных корпусов. В результате *питать* в роли OPERI стал семантически гораздо более однородным.

На рассмотренных фактах стоит задержаться. На первый взгляд кажется невероятным, чтобы язык так чутко реагировал на тонкое различие между чувствами-состояниями и чувствами-отношениями. Поэтому полезно будет привести краткую сводку других языковых особенностей обоих классов существительных¹⁵, не оставляющих сомнений в том, что именно язык, независимо от психологической науки, заметил и зафиксировал доступными ему средствами различие между чувствами-состояниями и чувствами-отношениями.

1) Любое слово со значением чувства-состояния указывает на причину его возникновения, ср. *беспокоиться <превождаться> из-за отсутствия писем, бояться упасть, возмущаться наглостью перекупщиков, восхищаться картинами Рембрандта, злиться на соседей, обижаться на любые замечания, огорчаться из-за пустяков, опасаться ранних заморозков <что начнутся заморозки>, радоваться приезду родителей, сердиться на детей, стыдиться своих лохмотьев, Приходит покойная свекровь, удивляется, что из ее комнаты вынесены вещи* (М. Гаспаров. Записи и выписки) и т.п. Чувства-отношения предполагают не только причины, сколько мотивировки, основания, объяснения; ср. *Люблю ее за веселый нрав, Презираю его за трусость; Гумми обожал Давина – за красоту, за ум, за человеческое отношение* (А. Битов. Преподаватель симметрии); *Баян – давно уже ненавидел славян за их гордость* (Н.М. Карамзин. История государства Российского).

2) Чувства-состояния обычно, хотя и не всегда актуальны (см. приведенные примеры), между тем как чувства-отношения всегда постоянны и в этом отношении напоминают свойства. Ср. известный пример Т.В. Булыгиной: *Мне нравится это вино* (в ситуации, когда я пробую конкретный напиток) vs. *Я люблю это вино* (высказывание о вкусах, т.е. не о конкретном напитке, а о марке вина, к которой я питаю пристрастие)¹⁶. Поэтому слова со значением чувства-состояния свободно употребляются в актуально-длительном значении НЕСОВ, а словам со значением чувства-отношения такое употребление противопоказано; ср. *Посмотри, как он радуется, но не *Посмотри, как он любит это вино.*

3) Существительные со значением чувств-состояний, в основном, сохраняют управляющие свойства исходного глагола; ср. *боязнь упасть, возмущение наглостью перекупщиков, надежда на приезд родителей, огорчения из-за пустяков, опасения, что начнутся заморозки* и т.п. Существительные со значением чувств-отношений единственно меняют управляемый винительный падеж исходного глагола на предложно-именную группу *к + ДАТ*: *антипатия <доверие, любовь, нежные чувства, ненависть, неприязнь, отвращение>*¹⁷, *почтение, презрение, привязанность, пристрастие, при-*

¹⁴ Несколько менее стандартны, но встречаются в текстах и сочетания *питать к кому-л. нежность, пиетет, почтение*.

¹⁵ Две из них – обязательное указание на причину и «кратковременность» чувств-состояний – были отмечены еще в пионерской работе [Иорданская 1970: 3, 5, 12].

¹⁶ Любопытно, что у соответствующего английского глагола *love* есть оба рассматриваемых значения, причем значение (актуального) состояния обычно реализуется при эмфатическом ударении на *love*: *I ¹¹¹love this wine!*

¹⁷ В литературе уже обращалось внимание на перестройку по аналогии управляющих свойств этого слова; модели *к + ДАТ*, мотивированной чисто семантически, предшествовала модель *от + РОД*, мотивированная формально. Ср. у А.С. Пушкина: *Отец ее, несмотря на отвращение свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким* (БАС).

язнь, расположение, симпатия, слабость (= ‘нежные чувства’), сострадание, сочувствие, уважение> к кому-л.

4) В роли ЛФ INCEOPER1 от существительных со значением чувств-отношений выступает глагол *проникаться* <проникнуться>, практически не сочетающийся с чувствами-состояниями. Ср. Трусевич беседовал с Рыссом на конспиративной квартире два дня, проникся к нему полным доверием (Ю. Семенов. Непримиримость); Я это сделал не потому, что проникся жалостью к ее ванессе (В. Набоков. Другие берега); Побеседовав с ним три дня, он проникся интересом к этому старому человеку (Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны); Он проникся любовью к людям и открыл им тайны, узнанные на небесах (Б. Акунин. Азазель); С того дня он проникся к белобрысому шестикласснику лютой ненавистью (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса); Старый пьяничка ни на кого не обиделся, а к Ивану Васильевичу даже проникся почтением (Ю. Трифонов. Обмен); Но Александр Шамильевич как-то сразу проникся ко мне симпатией – за непосредственность, что ли (Г. Вишневская. Галина. История жизни); Проникаясь жалостью и состраданием к брату, он решил поделиться с ним самым сокровенным (Ч. Айтматов. Ранние журавли); Проникся он ко мне сочувствием, понимаешь ли, стариk (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); И отец вдруг почувствовал всем своим существом, что сын проникся к нему уважением (Ф. Искандер. Авторитет); Прапорщик сначала дулся, – но довольно быстро приучился и, кажется, даже проникся романтическими чувствами (Б. Акунин. Турецкий гамбит)¹⁸.

5) В роли ЛФ CAUSFUNC0 (или CAUSFUNC1) от существительных со значением чувств-состояний чаще всего выступает глагол *вызывать*: *вызывать беспокойство, возмущение, восторг, восхищение, зависть, обиду, радость, ревность, страх, тревогу, удивление, ужас* и т.п. Тот же глагол в роли той же ЛФ возможен и для большинства существительных со значением чувств-отношений; ср. *вызывать доверие, любовь, ненависть* и т.п. Однако при них эта ЛФ выражается еще и глаголом *внушать*, который создает образ воздействия извне на внутренний мир человека. Ср. *внушать антипатию, доверие, жалость, любовь, отвращение, симпатию, сочувствие, уважение*. От существительных со значением чувств-состояний такое выражение ЛФ CAUSFUNC0 (или CAUSFUNC1) по крайней мере нестандартно, если не вовсе невозможно.

В заключение этого раздела рассмотрю четыре класса более специфических аргументов, OPER1 от которых выражается не только семантически прозрачно, но и гораздо более единообразно, чем в других случаях: существительные со значением болезней, катастрофических событий, ущерба и особняком стоящий класс организаций.

Болезни – это ситуации, промежуточные между процессами и состояниями. От названий любых болезней (*ангина, артрит, ветрянка, грипп, корь, пневмония, СПИД*,

¹⁸ В текстах встречаются всего два сочетания *проникнуться* с названиями чувств-состояний, которые отвечают современной литературной норме, – *проникнуться верой* и *проникнуться сознанием*: *Хочу именно изнутри проникнуться верой, а не просто исполнять все посты и следовать правилам* (Межконфессиональный Христианский форум); *Ивашин сразу посерезнел, снова проникся сознанием исключительности своей профессии* (А. Рыбаков. Дети Арбата). В других правильных сочетаниях *проникнуться* с названиями чувств-состояний этот глагол используется в значении ‘заразиться чужими чувствами’, а не в значении INCEOPER1; ср. *И вдруг мы получили возможность ... «услышать» их [древних новгородцев] мысли, проникнуться их заботами, горестями и радостями* (В.Л. Янин. Археология древнего Новгорода); *Я чувствовал волнение взрослых, отчасти сам проникся им* (Ф. Искандер. Утраты); *Ее автор – проникся духом и стилем поэмы* (А. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов). Все другие сочетания с глаголом *проникнуться*, встречающиеся в текстах, выходят за пределы литературной нормы. Ср. *До мозга костей он проникся гениальностью бюрократизма* (М. Веллер. Приключения майора Звягина); *Кречмар – проникся вдруг необычайным раздражением* (В. Набоков. Камера обскура); *Старик проникся текстом и декламировал с выражением* (М. Веллер. Положение во гроб).

туберкулез, уремия и т.п.) OPER1 выражается либо глаголом *болеть*, с акцентом на идею процесса (*Мои дети часто болеют ангиной*), либо связкой + *болен*, с акцентом на идею состояния (*Мои дети больны гриппом*).

OPER1 от названий катастрофических событий единообразно и вполне мотивированно выражается глаголом *терпеть* (СОВ *потерпеть*): *терпеть аварию, бедствие, катастрофу, крушение, неудачу, поражение, фиаско*. Точно так же эта ЛФ выражается от существительных семантически близкого к катастрофам класса *потери, убытки, урон, ущерб*. Однако в данном случае возможно еще одно ее выражение – глаголом *нести* (*потери, убытки, урон, ущерб*), причем и здесь есть форма СОВ *понести*. Обе формы СОВ уникальны в том отношении, что они возможны только от ЛФ-значений глаголов *терпеть* и *нести*. Никакие другие значения этих глаголов форм СОВ не имеют.

Наконец, OPER1 от названий организаций, в особенности созданных для решения определенной задачи или наделенных управляющими функциями, выражается преимущественно глаголом *входить в: входить в администрацию президента, в аппарат премьера, в ассоциацию свободных художников, в бюро отделения, в делегацию, в кабинет министров, в комиссию, в комитет, в кооператив, в корпорацию, в Лигу Наций, в Общественную палату, в правление кооператива, в президиум, в секцию, в совет, в товарищество*.

2.1.2. OPER2

Глаголы этого класса, как было отмечено в разделе 1, выполняют ту же синтаксическую и коммуникативную роль, что и грамматическая форма СТРАД. Поскольку последняя в русском языке образуется только от акциональных глаголов, преимущественно транзитивных, ЛФ OPER2 должна быть определена прежде всего для аналогичных акциональных существительных. Это имена действий, воздействий и деятельности. Ср. *испытывать давление, нести наказание, находить поддержку, встречать прием, проходить проверку, числиться в розыске, наталкиваться на сопротивление, держать экзамен*.

Единственный класс неакциональных существительных, имеющих OPER2, – это названия положительных чувств-отношений. От них данная ЛФ единообразно выражается глаголом *пользоваться: пользоваться доверием <любовью, симпатией, уважением> своих однокурсников*. Вообще же OPER2 от неакциональных существительных крайне редок, причем ни список его аргументов, ни список выражающих его глаголов не поддаются никакому семантическому обобщению; ср. *представлять (интерес), стоять перед (препятствием), терпеть (несправедливость)*.

В основном классе аргументов OPER2, т.е. существительных со значением действия, воздействия или деятельности, второй актант выполняет семантическую роль Пациента. Это как раз та семантическая роль, которую играет первый актант процессов. Значит, функцию OPER2 от действий, воздействий и деятельности должен выполнять глагол, являющийся ЛФ OPER1 от процессов.

Действительно, наиболее частым значением OPER2 от указанного класса аргументов является глагол *подвергаться <подвергнуться>*, имеющий ярко выраженное пассивное значение. Более того, он предполагает Пациента, который находится во власти Агента и в какой-то мере лишен собственной воли. Это значение сохраняет связь со значением его этимона – древнерусского глагола *въргнути* ‘бросить’ – и живо ощущается в производных *ввергнуть, низвергнуть, нисровергнуть, отвергнуть, свергнуть* и даже *извергнуть* в устаревшем значении ‘изгнать’; ср. *Люди с отвращением отвернутся от вас и общество извергнет вас из себя* (Белинский, МАС). У глагола *подвергаться* значение подчиненности, подконтрольности чужой воле подчеркнуто еще и префиксом *под-*.

За глаголом *подвергаться* <подвергнуться> идут, в порядке убывания частотности в роли OPER2, глаголы *получать, находиться (под), быть (под) и испытывать*. Все они очевидным образом имеют пассивное значение.

Пассивность значения *получать* следует из того, что для него невозможна синтетическая форма СТРАД, наиболее чувствительная к акциональности; ср. *Сигналы из космоса принимаются наземными станциями слежения*, но не **Сигналы из космоса получаются наземными станциями слежения*. Пассивность значения глаголов *находиться и быть* в роли OPER2 следует, во-первых, из их изначальной стативности и, во-вторых, из того, что они управляют предлогом *под*. Наконец, о пассивности значения *испытывать* свидетельствуют его словарные толкования; ср. ‘претерпевать что-л., подвергаться чему-л.’ (МАС), ‘претерпевать, подвергаться’ (БАС).

Подвергаться в качестве значения ЛФ OPER2 стоит вне конкуренции, причем его выбор на эту роль семантически настолько хорошо мотивирован, что допускает возможность прогнозирования. Как было сказано выше, основных классов производных существительных, выступающих в качестве ключевых слов при OPER2 = *подвергаться* (в пределах рассматриваемого материала) – три: это имена действий, воздействий и деятельностей.

На втором, более глубоком уровне мотивации обнаруживается связь глагола *подвергаться* со следующими более компактными семантическими классами существительных: а) именами агрессивных действий и деятельностей; ср. *подвергаться агрессии, аресту, атаке, бойкоту, бомбардировке, взысканию, вивисекции, влиянию, воздействию, гипнозу, гонениям, давлению, действию, допросу, изгнанию, изнасилованию, импичменту, клевете, критике, мучениям, наказанию, налету, налогообложению, нападению, нападкам, насилию, насмешкам, обвинению, обстрелу, обструкции, ограблению, оскорблению, осмеянию, остракизму, осуждению, побоям, порицанию, порке, преследованиям, пытке, разграблению, разрушению, суду, табу, травле, цензуре, штрафу, эксплуатации* (синонимом *подвергаться* в ряде таких словосочетаний является глагол *испытывать*: *испытывать влияние, воздействие, давление, действие*); б) близко примыкающими к ним существительными со значением изучения или проверки какого-то объекта; ср. *подвергаться анализу, изучению, инспекции, испытанию, исследованию, контролю, обследованию, обсуждению, осмотру, переоценке, пересмотру, проверке, рассмотрению, экзамену, экспертизе*; в) существительными со значением обработки или переработки какого-то объекта; ср. *подвергаться (холодному) копчению, обработке, операции, очистке, перегонке, переработке, пересадке, чистке*.

Второй глагол, достаточно часто являющийся значением ЛФ OPER2 от имен действий, – *получать*. Обозначая пассивный акт в своем основном значении, он сохраняет этот критический признак в роли OPER2, ср. *получить взбучку, нагоняй*.

На более глубоком уровне мотивации можно отметить, что глагол *получать* в роли OPER2 предпочитается со следующими классами аргументов: а) речевыми актами: *получать благословение, взыскание, выговор, инструкцию, консультацию, нагоняй, напутствие, одобрение, отвод, отзыв, отказ, согласие*; относительно таких речевых актов, как *гарантия, обещание, объяснение, ответ, позволение, признание, приказ, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, совет, указание* глагол *получать* выступает в роли OPER3, см. выше замечания о семантической структуре прототипического речевого акта; б) существительными со значением помощи (особенно материальной) и вознаграждения; ср. *получать вознаграждение, вспомоществование, грант, дотацию, компенсацию, награду, поддержку, помочь, премию, субсидию*; в) существительными со значением удара: *получить затрещину, оплеуху, пинок (под зад), пощечину, удар, щелчок (по носу)*.

Следующие по употребительности глаголы в роли OPER2 – *находиться (под чем-л.) и быть (под чем-л.)*. Они предпочтитаются с существительными, которые обозначают: а) агрессивные или другие отрицательные воздействия на объект: *находиться <быть> под арестом, воздействием (наркотиков), епитимьей, запретом, обстрелом, огнем, следствием, судом*; б) власть или контроль над объектом: *находиться*

<быть> под владычеством, властью, влиянием, давлением, контролем, наблюдением, надзором, началом, обаянием, опекой, присмотром, протекторатом, руководством, управлением, юрисдикцией; в) защиту объекта: находиться <быть> под защитой, охраной, прикрытием.

2.1.3. LABOR1-2

Разнообразие возможных значений этой функции по сравнению с OPER1 и даже с OPER2 существенно сокращается. Есть всего пять глаголов – *подвергать, предавать, осыпать, держать и относиться* – каждый из которых выражает ее от многих аргументов (см. о них ниже). В большинстве же случаев класс аргументов для глагола, выступающего в роли LABOR1–2, включает от одного до трех существительных. Ср. *награждать кого-л. аплодисментами, окружать кого-л. заботой <вниманием>, преподносить что-л. в дар <в подарок>, принимать что-л. во внимание, содержать кого-л. под стражей, содержать что-л. в чистоте <в образцовом порядке>, сопровождать что-л. комментарием*.

Три самых крупных класса аргументов для ЛФ LABOR1–2 – имена действий, состояний и чувств-отношений.

От имен действий эта ЛФ чаще всего выражается глаголом *подвергать*, причем список ее аргументов можно получить за счет некоторого сокращения из списка аргументов для глагола *подвергаться* в роли OPER2.

Основных классов, как было сказано выше, три: а) имена «агрессивных» действий; ср. *подвергать кого-что-л. аресту, атаке, бойкоту, бомбардировке, взысканию, висекции, воздействию, гипнозу, гонениям, допросу, зачистке, импичменту, критике, мучениям, наказанию, обстрелу, обструкции, осмеянию, остракизму, осуждению, порицанию, порке, преследованием, пытке, разрушению, сомнению, суду, травле, цензуре, чистке, штрафу, эксплуатации*; б) близко примыкающие к ним существительные со значением изучения или проверки какого-то объекта; ср. *подвергать что-л. анализу, изучению, инспекции, испытанию, контролю, обследованию, осмотру, переоценке, пересмотру, проверке, рассмотрению, экзамену, экспертизе*; в) существительные со значением обработки или переработки какого-то объекта; ср. *подвергать что-л. обработке, очистке, перегонке, переработке, пересадке*.

Синонимом *подвергать* в значении ЛФ LABOR1–2 является уходящий или книжный глагол *предавать*, который часто толкуется именно как ‘подвергать’. Он, однако, имеет гораздо более узкую лексическую область действия, сочетаясь, в основном, с именами агрессивных актов; ср. *предавать кого-л. анафеме, забвению, казни, мучениям, огню, осмеянию, проклятию, смерти, суду*. За пределами этого класса остаются синонимичные существительные *гласность* и *огласка*, тоже сохраняющие элемент отрицательной оценки (и *гласность*, и *огласка* явным образом нежелательны для кого-то). В XIX веке были возможны сочетания *предавать* со стилистически нейтральными существительными *тиснение* = ‘опубликование’ (*предать книгу тиснению*) и *погребение* (*предать кого-л. погребению*), но сейчас они вышли из употребления, так что степень семантической мотивированности *предавать* как LABOR1–2 существенно возросла.

Заслуживает внимания еще один специфичный для LABOR1–2 тип акциональных аргументов – существительные в форме МН или собирательные существительные. Они обозначают агрессивные или дружелюбные, но не нейтральные действия, физические или речевые. В обоих случаях значением этой ЛФ чаще всего является глагол *осыпать*. Ср. *осыпать кого-л. бранью, (критическими) замечаниями, насмешками, оскорблениями, проклятиями, угрозами, ударами, упреками; осыпать кого-л. знаками внимания, комплиментами, ласками, милостями, похвалами, поцелуями, почестями*. Впрочем, это – не совсем чистый LABOR1–2: в нем присутствует еще указание на большое количество квантов действия или на его большую интенсивность.

От имен состояний LABOR1–2 почти стандартно выражается стативным глаголом *держать*, преимущественно с предлогами *в* (чём), *на* (чём), *под* (чем). Два основных класса аргументов можно охарактеризовать следующим образом: а) имена состояний, по большей части отрицательно оцениваемых, указывающих на подчиненность или подконтрольность второго участника ситуации – обязательно человека – ее первому участнику или внешнему каузатору; ср. *держать кого-л. в загоне, в заключении, в строгой изоляции, в кулаке, в напряжении, в неволе, в плену, в повиновении, в полном подчинении, в своих руках, в страхе, в узде, в цепях; держать кого-л. на (коротком) поводке, на привязи, на расстоянии; держать кого-л. под арестом, под башмаком, под (своей) властью, под (своим) влиянием, под давлением, под каблуком, под колпаком, под контролем, под наблюдением, под надзором, под обстрелом, под присмотром, под стражей, под угрозой чего-л.*¹⁹; б) имена состояний, указывающих на то, что для их поддержания требуются постоянные усилия, причем второй участник ситуации – не человек; ср. *держать что-л. в (образцовом) порядке, в равновесии, в секрете, в тайне, в чистоте.*

В третьем случае, когда аргументами LABOR1–2 являются имена чувств-отношений, эта ЛФ тоже почти стандартно и вполне предсказуемым образом выражается глаголом *относиться*; ср. *относиться к кому-чему-л. с вниманием, с любовью, с ненавистью, с неодобрением, с одобрением, с осторожностью, с отвращением, с подозрением, с презрением, с симпатией, с сочувствием, с терпением, с уважением.*

2.1.4. FUNC0

FUNC0, наряду с FUNC1, достигает в рассматриваемом семействе максимума семантической мотивированности. Этот эффект легко объяснить: подлежащим при обеих ЛФ является не имя человека, которому можно предицировать практически бесконечное число трудно обобщимых действий, деятельности, поведений, состояний, свойств, параметров, отношений и т.п., а имя ситуации. Ясно, что каждая ситуация проявляет себя гораздо более единообразно.

FUNC0 от большинства деятельности и относительно сложных действий, особенно таких, которые требуют двух и более участников, выражается глаголом *идти*²⁰: *Идет беседа, Идет бой, Идет борьба, Идет война, Идут дебаты, Идет допрос, Идет игра, Идет кампания, Идет осмотр, Идут переговоры, Идет переписка <перестрелка>, Идут поиски, Идет прием посетителей <судебный процесс>, Идут саперные работы, Идет расследование, Идет семинар, Идет торговля, Идет экзамен.* Это хорошо согласуется с тем фактом, что OPER1 от деятельности и относительно сложных действий выражается преимущественно глаголом *вести*, в основное физическое значение которого входит смысл ‘идти’ (см. словарные толкования в пункте 2.1.1). След этого смысла сохраняется и в приведенных выше стершихся метафорах.

¹⁹ Многие из перечисленных существительных, например, *загон, колпак, поводок, привязь, узда, цепь*, имеют и прямые значения, в которых они входят в большой семантический класс артефактов – обычно инструментов или помещений, – имеющих вполне определенное назначение. Таковы, помимо только что названных, существительные *аngar, банк, гараж, замок, клетка, конура, корда, свора, стойло, тайник, тюрьма, якорь* и т.п. Все эти существительные тоже сочетаются с глаголом *держать*, однако при них он является значением другой ЛФ, а именно LABREAL1–2, и поэтому утрачивает ту семантическую специфику, которая присуща ему в функции LABOR1–2. Ср. *держать кого-что-л. в ангаре, в банке (деньги), в гараже, в загоне (свиней), под замком (свой архив), в клетке (птицу), под колпаком, в конуре, на корде (лошадь), на поводке, на привязи, на своре (собак), в стойле, в тайнике, в тюрьме, в узде, на цепи, на якоре.*

²⁰ Интересные соображения о глаголе *идти* в рассматриваемом значении и его аналоге *течь* содержатся в работе [Апресян В. 1992].

Рассмотренные словосочетания интересны еще в одном отношении. ЛФ FUNC0 сама по себе значит ‘существовать’, ‘иметь место’. Тем самым все глаголы, представляющие эту ЛФ, являются экзистенциальными и, подобно другим экзистенциальным глаголам, в нейтральных нераспространенных утвердительных предложениях предшествуют своим подлежащим (аргументам функции), см. примеры выше. Возможность (а в ряде случаев даже обязательность) такой препозиции сказуемого может считаться формальным тестом для ЛФ FUNC0.

Это позволяет отличить ЛФ-сочетания данного класса от внешне предательски похожих на них словосочетаний, в которых тот же глагол *идти* в контексте имени деятельности, особенно под эмфатическим ударением, приобретает значение положительной оценки. Ср. фразы *Бизнес идет*, *Дела идут*, которые по умолчанию значат, что бизнес или дела идут normally или хорошо. Для них препозиция сказуемого нестандартна (ср. ^{??}*Идут дела*) или недопустима (ср. **Идет бизнес*).

В таких сочетаниях представлена не ЛФ FUNC0, а ЛФ FACT0-M, введенная в [Апресян 2001] со следующим определением: «Х находится в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего)». Различие между FUNC0 и FACT0-M хорошо видно в минимальной паре *Идет (крупная) игра* (FUNC0) и *Игра (у него) идет* (FACT0-M).

Выражаемый по умолчанию смысл ‘normally’ или ‘хорошо’ является слабым и зачеркивается в контексте явно выраженного противоположного смысла; ср. *Игра у него идет плохо*. Похожий эффект возникает в контексте отрицания, которое взаимодействует со значением *идти* нестандартным образом. В предложении типа *Игра у него не идет* не отрицается, что игра имеет место; утверждается только, что она идет плохо. Это объясняется тем, что *не* воздействует не на верхинный смысл ‘находится в состоянии’, а на вложенный слабый смысл ‘normally’, с pragmatically обычной для таких случаев переинтерпретацией ‘не normally’ в ‘плохо’.

Добавлю, что в этом отношении *идти* в роли FACT0-M от имен деятельности ведет себя точно так же, как глаголы со значением normalного функционирования артефактов (при условии их употребления в абсолютивной конструкции): *Игра (не) идет*, *Клей (не) клеит*, *Пила (не) пищит*, *Нож (не) режет*.

Перейду к FUNC0 от аргументов других семантических классов. От названий большинства процессов, особенно стихийных, FUNC0 часто выражается полнозначными глаголами, которые иногда целиком повторяют лексические значения своих ключевых существительных: *Дует ветер*, *Бушует гроза <шторм>*, *Льет дождь* (ср. *Льет, как из ведра*), *Горит огонь*, *Метет метель* (ср. *Мело, мело по всей земле / Во все пределы* (Б. Пастернак. Зимняя ночь)), *Полыхает пожар*, *Идет <падает> снег*.

FUNC0 от существительных, обозначающих неконтролируемые статические состояния природной среды, выражается статическим глаголом положения в пространстве *стоять*: *Стоит духота <жара>*, *Стоят морозы*, *Стоит хорошая погода*, *Стоит распутица*, *Стоит тишина*.

FUNC0 от существительных типа *авария*, *беда*, *взрыв*, *инцидент*, *история*, *катастрофа*, *несчастье*, *пожар*, *столкновение* и т.п., обозначающих события, выражается, тоже вполне предсказуемым образом, глаголами *происходить* или *случаться*. *Беда*, более идиоматично, может еще и *стрястись*.

2.1.5. FUNC1

Приведем примеры: *Вина <ответственность> лежит на ком-л.*, *Гнев <ненависть, ярость> клокочет / кипит в ком-л.*, *Голод <лихорадка> терзает / мучит кого-л.*, *Догадка <мысль> осеняет кого-л.*, *Зависть <ревность> мучит кого-л.*, *Заявление <предложение, приглашение, приказ, просьба> поступает от кого-л.*, *Несчастье <неудача, участь> постигает кого-л.*, *Озноб пробирает / трясет / бьет кого-л.*, *Печаль <тоска> гложет / снедает кого-л.*, *Приключение <авария, беда, инцидент>*

случается / происходит с кем-л., Радость <страх> владеет кем-л., Удача <успех> сопутствует кому-л.

В основе всех этих примеров лежат настолько прозрачные и красноречивые метафоры, что отпадает необходимость в комментариях. Самоочевидно, почему мы говорим *В нем склоняется ненависть* и *Его осеняет догадка*, а не **В нем склоняется догадка* и **Его осеняет ненависть*.

2.2. Семантическая мотивированность других ЛФ-коллокатов: MAGN

Теория ЛФ начиналась с функции MAGN = ‘большая степень того, что обозначено ключевым словом’, с примерами типа *тяжелая болезнь*, *жгучий брюнет*, *бурный восторг*, *заклятый враг*, *железная дисциплина*, *закадычный друг*, *строгий контроль*, *грубая ошибка*, *мертвая тишина*, *густой туман*, *кромешная тьма* и т.п. Нельзя сказать **закадычный враг* и **заклятый друг*, **бурный контроль* и **строгий восторг*, **кромешная тишина* и **мертвая тьма*, **тяжелый туман* и **густая болезнь* и т.д., и кажется невозможным объяснить делаемые языком предпочтения. Столь же идиоматичным и, следовательно, этноспецифичным выглядел и выбор значений MAGN для сравнимых аргументов в других языках. По-английски, например, MAGN от слова *illness* ‘болезнь’ выражается словом *grave* ‘серьезный’, а от *fog* ‘туман’ – как раз словом *heavy* ‘тяжелый’.

Конечно, пока в поле нашего зрения находятся единичные примеры, трудности такого рода неизбежны. Но когда опорное существительное, скажем, *контроль*, встает в один ряд с аналогичными по смыслу словами *инспекция*, *критика*, *надзор*, *присмотр*, *проверка*, *цензура*, *экзамен*, и когда оказывается, что ЛФ MAGN от них тоже может выражаться словом *строгий* (*строгая инспекция* <*критика, проверка, цензура*>, *строгий надзор* <*присмотр, экзамен*>), выбор прилагательного объясняется. Все эти действия и деятельности только тогда достигают своих целей, когда их субъект руководствуется правилами, а не чувствами, т.е. не знает синхронизации. *Строгий* лишь усиливает это значение. Ср. также слова, в значение которых входит модальность *долженствования* и MAGN от которых тоже выражается этим прилагательным: *строгая диета* <*дисциплина*>, *строгий закон* <*запрет, приказ*>, *строгое требование*.

Столь же легко объясняется выбор прилагательного *бурный* в качестве значения ЛФ MAGN от *восторг*. Это – одно из самых распространенных значений MAGN для существительных, обозначающих сильные эмоции; ср. *бурный восторг*, *бурная радость*, *бурное веселье* <*ликование*>, *бурные переживания* < *страсти, чувства, эмоции*>. Понятно, почему это так. Сильные эмоции метафоризуются как водные стихии во время волнения – они *буруют*, *кипят*, *переливаются*, *бьют через край*, *захлестывают*, *наполняют* или *переполняют* человека или его органы чувств (сердце, душу), у них бывают *всплески*, и *бурными* они бывают в силу той же логики²¹. Кроме того, *бурным* может быть и то, что является первопричиной таких эмоций, например, *темперамент*, а также действия, в которых они проявляются; ср. *бурное аплодисменты*, *ovationи*, *рыдания*.

Еще одна сфера, где кипят страсти и где поэтому становится уместным уподобление стихиям, – различные формы столкновения мнений. Ср. *бурные дебаты*, *бурная дискуссия*, *бурное обсуждение*, *бурный протест*, *бурный спор*.

Чтобы убедиться, что указанные семантически мотивированные связи – не случайность, посмотрим на некоторые другие значения ЛФ MAGN в английском и русском языках.

²¹ «Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидким теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих “форму” сосуда» ([Арутюнова 1976: 98]; там же небольшая история вопроса).

В английском языке слово *heavy* ‘тяжелый’ предпочтется в качестве значения ЛФ MAGN от следующих аргументов: а) имен осадков и ряда других атмосферных и природных явлений: *heavy cold* ‘сильный мороз’, *heavy dew* ‘обильная роса’, *heavy fog* ‘густой туман’, *heavy rain* ‘проливной дождь’, *heavy storm* ‘сильная буря’; б) существительных, в значение которых входит идея расходов: *heavy debt* ‘огромный долг’, *heavy duties* ‘высокие пошлины’, *heavy expenses* ‘большие расходы’, *heavy price* ‘высокая цена’, *heavy taxes* ‘высокие/обременительные налоги’; в) некоторых имен деятеля, связанных с идеей получения удовольствия: *heavy buyer* ‘солидный покупатель’, *heavy drinker* = ‘сильно пьет, здоров пить’, *heavy eater* ‘любитель поесть, обжора’, *heavy sleeper* = ‘спит, как сурок’, *heavy smoker* ‘заядлый курильщик’.

В русском языке можно отметить предпочтение прилагательного *тяжелый* в качестве значения MAGN от трех других классов существительных: а) имен заболеваний, травм и травматических воздействий, ср. *тяжелая болезнь* <операция, рана, язва желудка>, *тяжелый больной*, *тяжелый бред*, *тяжелое воспаление легких* <заболевание, оскорблечение>, *тяжелое первное потрясение*; б) имен деятельности и задач, требующих от человека больших усилий, ср. *тяжелый бой* <труд>, *тяжелая задача* <обязанность>, *тяжелая миссия* <работа>; в) существительных, в значение которых входит идея переживания: *тяжелое горе*, *тяжелое испытание* <переживание>, *тяжелая потеря* <утраты>.

Рассмотрим в заключение прилагательное *глубокий*, которое является типичным значением MAGN сразу для шести тесно связанных между собой семантических классов аргументов. Это: а) эмоциональные и ментальные состояния, ср. *глубокая благодарность* <признательность>, *глубокая вера* <ошибка, убежденность, уверенность>, *глубокое возмущение*, <восхищение, горе, отчаяние, переживание, разочарование, чувство>, *глубокая грусть* <печаль, скорбь>, *глубокий интерес*, *глубокое внимание* <заблуждение, сомнение, убеждение, чувство>, *глубокая обида* <озабоченность>; б) чувства-отношения: *глубокое доверие* <отвращение, презрение, сострадание, сочувствие, уважение>, *глубокая антипатия* <любовь, ненависть, преданность, привязанность, симпатия>; в) интеллектуальные операции: *глубокий анализ*, *глубокая аналогия*, *глубокая интрига*, *глубокая критика*, *глубокие размышления*; г) продукты интеллектуальной деятельности: *глубокая гипотеза* <идея, концепция, мысль, теория>, *глубокий комментарий*, *глубокое исследование*; д) интеллектуальные способности, свойства и атрибуты личности: *глубокие знания*, *глубокое образование*, *глубокий ум*; е) воздействия и результаты воздействий: *глубокое влияние* <воздействие, впечатление, изменение>, *глубокая рана* <травма>, *глубокий кризис*. За пределами этих классов остается несколько с трудом поддающихся обобщению аргументов, MAGN от которых выражается тем же прилагательным: *глубокий сон* <траур, цвет>, *глубокая тишина*²².

²² В пользу семантической мотивированности этой ЛФ свидетельствует и тот факт, что в языке есть регулярные способы образования слов со значением MAGN, имеющих прозрачную семантическую структуру, хорошо согласующуюся со значением слов-аргументов. Назовем один из них – прилагательные вида «не + основа глагола X + суффикс -им-, -ем-» со значением ‘такой, который невозможно X’: *невосполнимая* (*утрата*), *невыразимая* (*прелесть*), *незабываемое* (*впечатление*), *неизбежный* (*вывод*), *неизгладимое* (*воспоминание*), *неизлечимая* (*болезнь*), *неисправимый* (*оптимист*), *неиссякаемое* (*воображение*), *неистребимая* (*вера*), *неисчислимый* (*вред*), *ненасытное* (*любопытство*), *неописуемый* (*восторг*), *непоколебимая* (*твёрдость* <решимость, уверенность>), *непоправимый* (*ущерб*), *непреодолимый* (*импульс, страх*), *непреодолимая* (*трудность*), *непрекаемый* (*авторитет*), *непримиримый* (*враг*), *непростительная* (*ошибка*), *неразрешимый* (*конфликт* <спор>), *неразрывная* (*дружба*), *нерушимый* (*союз*), *несмыкаемое* (*оскорблениe*), *несокрушимая* (*мощь*), *нестерпимая* (*боль*), *неувядаемая* (*слава*), *недержимый* (*рост цен*), *неукротимый* (*порыв, гнев*), *неумолимая* (*смерть, судьба*), *неутешное* (*горе*).

2.3. Семантическая мотивированность набора ЛФ для слова-аргумента

До сих пор в фокусе нашего внимания была определенная лексема L , выражающая лексическую функцию F от некоторого класса аргументов X_1, X_2, \dots, X_n . Был сделан вывод, что выбор L мотивирован значением самой функции F , лексическим значением L и семантическим классом и подклассом, к которому принадлежат аргументы X_1, X_2, \dots, X_n . Теперь поставим в некотором смысле обратную задачу: фиксируем ровно один аргумент X , но рассмотрим не одну ЛФ, а все множество определенных для него F_1, F_2, \dots, F_k и возможные способы их выражения, а именно лексемы L_1, L_2, \dots, L_k . Можно ли от них ожидать той же степени семантической мотивированности?

В 1979 г. была напечатана провокативная (здесь этот англизм как нельзя более уместен) статья В.А. Успенского «О вещных коннотациях абстрактных существительных», в которой был впервые поставлен этот вопрос. В эпоху, когда и авторы теории ЛФ, и их последователи свято верили в лексическую связность, идиоматичность, полную непредсказуемость значений ЛФ, В.А. Успенский предположил, что выбор значений многих ЛФ может быть объяснен, исходя из «вещных» коннотаций слова-аргумента. Ключевым примером было существительное *авторитет*. Из того, что хороший авторитет может быть *большим, весомым, прочным, твердым*, авторитет «второго сорта» – *хрупким*, а ложный авторитет – *дутым* и что *дутый авторитет* может *лопнуть*, В.А. Успенский заключил, то ли в шутку, то ли всерьез, что в русском языке авторитет мыслится в виде сплошного шара, в хорошем случае большого и тяжелого, в плохом – маленького и легкого [Успенский 1979: 145]. Другой класс словосочетаний – *высокий авторитет, высоко держать свой авторитет, Авторитет поколебался, Авторитет упал, уронить свой авторитет, расшатать <ниспровергнуть> чужой авторитет* и т.п. – дал ему основание для предположения, что «авторитет держат на специальном возвышении, которое должно быть устойчиво» [Там же: 145–146].

В работе [Апресян В., Апресян Ю. 1993] было выражено сомнение, что такие вещные коннотации действительно присущи слову *авторитет* и, следовательно, что с образа шара можно «считывать» предсказываемые им ЛФ-сочетания. *Дутыми*, например, могут быть *бюджет, вексель, (судебное) дело, план, предприятие, реклама, слава, цифры, чеки*, а некоторые из этих объектов, например, *(судебное) дело, предприятие или план*, могут и *лопнуть*, не говоря уж о том, что *лопаются (кукурузные) зерна, семенные коробочки, почки, стручки, веревки, трости, швы, мешки, покрышки, стаканы, стекла* и многие другие предметы, которые ни под каким видом нельзя представить в виде шаров.

Тем не менее, хотя конкретный пример кажется неубедительным, лежащая в его основе мысль безусловно замечательна. Следует допустить, что совокупность метафорических сочетаний, характерных для данного существительного, может иметь единый источник. Таким источником чаще всего бывают какой-то смысл или смыслы, входящие в его лексическое значение.

Вообще говоря, если выбор значения данной ЛФ от данного аргумента мотивирован (пусть не на сто процентов) каким-то смысловым компонентом в лексическом значении последнего, простая логика подсказывает, что вся или большая совокупность значений ЛФ-коллокатов должна быть аналогичным образом мотивирована в силу тех же законов семантического согласования. Иными словами, от совокупности ЛФ для данного слова-аргумента естественно ожидать какой-то последовательности и системности.

Посмотрим с этой точки зрения на существительное *контроль*. Вот его основные глагольные коллокаты семейства OPER–LABOR–FUNC, включая суперпозиции с ЛФ INCEP ‘начало’, FIN ‘прекращение’, CAUS ‘каузация’ и LIQU ‘ликвидация’: *быть <находиться> под контролем (OPER2), подвергаться контролю (OPER2), держать кого-л. под контролем (LABOR1–2), подвергать что-л. контролю (LABOR1–2), попадать под контроль (INCEPOPER2), выходить из-под контроля (FINOPER2), ста-*

вить что-л. под контроль (CAUSOPER2), выводить что-л. из-под контроля (LIQUOPER2).

Многие из этих ЛФ определены для следующих групп существительных: а) *власть, влияние*, б) *арест, стража*, в) *обстрел, огонь*, г) *наблюдение, надзор*. Они разделяют со словом *контроль* то общее семантическое свойство, что создают представление об объекте, который в той или иной мере находится во власти Агента. Замечательно, что значения большинства ЛФ от этих четырех аргументов выражаются точно так же, как от слова *контроль*; ср. быть <находиться> под властью, попадать под власть, выходить из-под власти, выводить кого-л. из-под власти; быть <находиться> под влиянием, подвергаться влиянию, держать кого-л. под (своим) влиянием, попадать под влияние, выходить из-под влияния; быть <находиться> под арестом, подвергаться аресту, подвергать кого-л. аресту, держать кого-л. под арестом, попадать под арест, выходить из-под ареста; быть <находиться> под стражей, держать кого-л. под стражей, попадать под стражу, выходить из-под стражи; быть <находиться> под обстрелом, подвергаться обстрелу, подвергать что-л. обстрелу, попадать под обстрел, выходить из-под обстрела, выводить кого-л. из-под обстрела; быть <находиться> под огнем, держать кого-л. под огнем, попадать под огонь, выходить из-под огня, выводить кого-л. из-под огня; быть <находиться> под наблюдением, подвергаться наблюдению, держать кого-л. под наблюдением, попадать под наблюдение; быть <находиться> под надзором, держать кого-л. под надзором, попадать под надзор, выходить из-под надзора.

В сущности, эти примеры иллюстрируют набор лексикографических ожиданий, которые должны формироваться у составителя словаря при обработке очередной порции материала на основании знания закономерных семантических связей между ЛФ, возможными семантическими классами их аргументов и способами их выражения в данном классе. Ясно, насколько более системным может стать представление не вполне свободной сочетаемости слов в словаре при условии знания этих закономерностей.

2.4. Об алгебре ЛФ

ЛФ семейства OPER–LABOR–FUNC образуют некую алгебру, фрагменты которой уже демонстрировались выше. Говоря об «алгебре ЛФ», можно иметь в виду четыре рода формальных связей между ними:

1) Двусторонние перифрастические отношения между предложениями, устанавливаемые на основе аппарата ЛФ; они упоминались в разделе 1. Ср. *В то лето в моде [X] были [OPER1] длинные юбки = В то лето была [FUNC0] мода [X] на длинные юбки = В то лето модными [A1(X)] были [COPUL] длинные юбки*.

2) Импликативные отношения между предложениями; так, если к произвольной лексической функции F семейства OPER–LABOR–FUNC добавить значение INCEP, то из INCEPF будет следовать F, но не наоборот (одностороннее перифразированье). Ср. *В то лето в моду [X] вошли [INCEPOPER1] длинные юбки = В то лето установилась [INCEPFUNC0] мода [X] на длинные юбки = В то лето модными [A1(X)] стали [INCEPCOPUL] длинные юбки ⇒ В то лето в моде [X] были [OPER1] длинные юбки* и т.д.

3) Импликативные отношения между ЛФ в словаре: если у лексемы X есть ЛФ INCEPOPERi, FINOPERi, CAUSOPERi или LIQUOPERi, велика вероятность того, что у нее будет и ЛФ OPERi; обратное неверно. Точно такие же вероятностные импликации-ожидания можно было бы сформулировать и для аналогичных серий сложных ЛФ с корнями LABORij и FUNCi. В их основе лежит вполне тривиальная закономерность: существование составных единиц с большей вероятностью предполагает существование простых единиц, чем наоборот.

Возможна еще одна серия «словарных» импликаций, отражающая похожую закономерность (знак ⇒ должен читаться как вероятностная импликация).

OPER2 ⇒ OPER1; LABOR1–2 ⇒ OPER1; FUNC1 ⇒ OPER1;

$\text{FINFi} \Rightarrow \text{INCEPFi}$ ($\text{Fi} = \text{OPERj} / \text{LABORjk} / \text{FUNCj}$)²³;
 $\text{LIQUFi} \Rightarrow \text{CAUSFi}$ ($\text{Fi} = \text{OPERj} / \text{LABORjk} / \text{FUNCj}$).

4) Импликативные отношения между значениями (= способами выражения) ЛФ в словаре; именно они создают основу для формулировки лексикографических ожиданий и поэтому заслуживают более подробного обсуждения.

Выше было установлено, что глагол *давать* в роли OPER1 особенно охотно сочетается с существительными, обозначающими речевые акты, ср. *давать благословение, гарантию, зарок, инструкцию, клятву, команду, комментарий, консультацию, напутствие, обещание, объяснение, ответ, отвод, отзыв, позволение, приказ, присягу, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, слово, совет, согласие, указание*. От того же класса аргументов возможны сочетания с глаголом *получать* в роли ЛФ OPER2 или OPER3: *получать благословение, взыскание, выговор, гарантию, инструкцию, консультацию, нагоняй, напутствие, обещание, объяснение, одобрение, ответ, отвод, отзыв, отказ, позволение, признание, приказ, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, совет, согласие, указание*.

Легко заметить, что для словосочетаний *получать взыскание, выговор, отказ* нет коррелятов **давать взыскание, выговор, отказ*, а для словосочетаний *давать зарок, клятву, присягу, слово* нет коррелятов **получать зарок, клятву, присягу, слово*. За вычетом этих немногочисленных исключений налицо нестрогие импликации-ожидания следующего вида:

Если $\text{OPER1}(X) = \text{давать}$ и $X = \text{'речевой акт'}$, то велика вероятность того, что $\text{OPER2}(X)$ или $\text{OPER3}(X) = \text{получать}$; если $\text{OPER2}(X)$ или $\text{OPER3}(X) = \text{получать}$ и $X = \text{'речевой акт'}$, то велика вероятность того, что $\text{OPER1}(X) = \text{давать}$.

Глаголы *давать* и *получать* являются конверсивами в своих основных значениях и сохраняют это свойство в переносных ЛФ-значениях.

Однако в подавляющем большинстве случаев такие импликации-ожидания верны только в одну сторону. В связи с этим вернемся к глаголам *подвергаться* и *подвергать* в роли ЛФ OPER2 и LABOR1–2 от имен действий (см. выше).

Если $\text{LABOR1–2}(X) = \text{подвергать}$ и $X = \text{'действие'}$, то $\text{OPER2}(X) = \text{подвергаться}$ (см. материал в разделах 2.1.2 и 2.1.3).

Прогноз в обратном направлении (если $\text{OPER2}(X) = \text{подвергаться}$ и $X = \text{'действие'}$, то $\text{LABOR1–2}(X) = \text{подвергать}$) имел бы меньшую достоверность. ЛФ OPER2 развита в языке гораздо лучше, чем ЛФ LABOR1–2, т.е. представлена гораздо большим числом глаголов от гораздо большего числа аргументов. Поэтому есть существительные, от которых возможна ЛФ OPER2 = *подвергаться*, но отсутствует или выглядит необычно ЛФ LABOR1–2 = *подвергать*. Таковы, например, слова *агрессия, влияние* (в отличие от *воздействие*), *изгнание* (в отличие от *наказания*), *клевета, налет, нападение, обвинение, ограбление* (в отличие от *разграбления*), *оскорбление* и ряд других.

Посмотрим, наконец, на глаголы *вести* и *идти* в роли OPER1 и FUNC0 от имен действий (и примыкающих к ним сложных действий). Семантическая связь между ними в этом случае настолько тесная, что возможен почти стопроцентно правильный прогноз в виде импликации.

Если $\text{FUNC0}(X) = \text{идти}$ и $X = \text{'деятельность'}$, то $\text{OPER1}(X) = \text{вести}$.

Подчеркну, что и в этом случае прогноз в обратном направлении (если $\text{OPER1}(X) = \text{вести}$ и $X = \text{'деятельность'}$, то $\text{FUNC0}(X) = \text{идти}$) имел бы гораздо меньшую достоверность. Объяснение такое же, как и в случае с OPER2 и LABOR1–2: ЛФ OPER1 развита в языке гораздо лучше, чем ЛФ FUNC0, т.е. представлена гораздо большим числом глаголов от гораздо большего числа аргументов. Легко указать и семантический класс аргументов, у которых есть OPER1 = *вести*, но нет FUNC0 = *идти*. Это названия

²³ Интересное исключение: у слова *сознание* ≈ ‘неотключенная способность воспринимать мир’ есть FINOPER1 = *терять сознание*, но нет INCEOPER1: *приходить в сознание* – более сложная ЛФ.

всякого рода письменных документов: можно вести записи, дозиметрический контроль, летопись, счета, хронику текущих событий, но ни один из этих видов деятельности не может идти.

Похожими системными отношениями связаны ЛФ-значения многих приставочных глаголов, производных от *вести* и *идти*. Ср. *вводить кого-л. в кабинет (министров), в комиссию, в комитет, в правление, в совет* [CAUSOPER1] и *входить в кабинет (министров), в комиссию, в комитет, в правление, в совет* [OPER1; кстати, в этом случае всегда возможна ЛФ S1(X) = член (*кабинета министров, комиссии, правления, совета и т.п.*)]; *выводить кого-л. из-под контроля, надзора, обстрела, огня, опеки, удара* [LIQUOPER1] и *выходить из-под контроля, надзора, обстрела, огня, опеки, удара* [FINOPER1]; *приводить кого-л. в бешенство, в восторг, в негодование, в ужас, в ярость* [CAUSOPER1 от имен сильных эмоций] и *приходить в бешенство, в восторг, в негодование, в ужас, в ярость* [INCEOPER1 от имен сильных эмоций]; *проводить испытания, обследование, осмотр, проверку* [CAUSFUNC0] и *проходить испытания, обследование, осмотр, проверку* [OPER2].

3. ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ЛФ

Материал некоторых ЛФ дает основания для утверждения, что возможен еще один, по-видимому, более глубокий вид их семантической мотивации. Речь идет о мотивации предпочтения, отдаваемого конкретным языком какой-то одной ЛФ в ущерб другим ЛФ того же семейства. Такие предпочтения могут корениться в общем строе языка, т.е. объясняться его типологическими особенностями.

В работах по языковой картине мира большое внимание уделяется так называемым этноспецифическим значениям. Если отвлечься от тонкостей, этноспецифическим можно признать такое значение, которое систематически выражается в данном языке относительно простыми единицами разной природы – лексемами, граммемами, синтаксическими конструкциями и аффиксами; при этом конфигурация входящих в него смыслов настолько своеобразна, что в других языках она не выражается сопоставимыми по простоте языковыми единицами.

Одним из характерных для русского языка значений такого рода некоторые исследователи (см., например [Wierzbicka 1992; Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев 2002; Апресян 2006]) считают представление о том, что многое в жизни происходит как бы само собой, без вмешательства субъекта, в результате действия каких-то непонятных и неподвластных ему сил. Это значение усматривается в словах *жребий, маяться, не-прикаянность, повезло, рок, судьба, суждено, томиться, тоска, хочется* и других подобных; в безличных формах глагола; в некоторых неопределенно-личных и безличных синтаксических конструкциях, в частности, в конструкции *Мне (сегодня) работает <не работает, с трудом поется, легко пишется>*. Поэтому по многих типах высказываний на русском языке в фокусе внимания оказывается сама ситуация, в которую кто-то попадает, а не ее главный участник. В этом отношении русскому языку противопоставляется английский, где в фокусе внимания обычно находится именно «субъект установки», даже если он не оказывает особого влияния на существование или развитие ситуации.

Указанные семантические типологические особенности языков интересным образом преломляются в предпочтениях, которые они отдают тем или иным ЛФ семейства OPER–FUNC. Русский язык, с его склонностью к бессубъектным конструкциям, более широко, чем английский, использует глаголы класса FUNC1, при которых функцию подлежащего выполняет не субъект (Агенс, Экспериенсер, Обладатель), а название ситуации. Английский язык, наоборот, придает исключительное значение фигуре субъекта и поэтому предпочитает ЛФ класса OPER1, при которых именно субъект выполняет функцию подлежащего. Поэтому в ряде случаев получается системное расхождение между способами выражения одной и той же мысли в русском и английском языках. Ср. следующие типичные способы описания эмоциональных и менталь-

ных состояний человека: У него [дополнение] были опасения [подлежащее] по этому поводу – *He* [подлежащее] had certain apprehensions [дополнение] on this account, где он = *he* и опасения = *apprehensions* обмениваются своими синтаксическими функциями. Ср. также Тоска гложет <снедает, точит> его – *He is consumed with melancholy*, Радость владеет им – *He is full of joy*, Любопытство разбирает его – *He cannot suppress his curiosity*, Ревность мучит его – *He is tortured with jealousy*, У него на уме что-то другое – *He has something else on his mind* и т.п.

Данное типологическое расхождение ярко проявляется и в других слоях лексики. Ср., например, описания таких физических или физиологических состояний, как кашель, голод, жажда и т.п.: Его бил <донимал> кашель – *He had a bad fit of coughing*; Его мучит голод <жажды> – *He's going through the tortures of hunger <thirst>*; Эта мелодия до сих пор звучит у меня в ушах – *I can still hear this melody in my ears*; Противный вкус рыбы до сих пор у меня во рту – *I can still feel the unpleasant taste of fish in my mouth* и т.п.

Гораздо более частное, но, тем не менее, любопытное типологическое расхождение между русским и английским языками в области ЛФ обнаруживается на материале ЛФ MANIF = ‘создавать для наблюдателя возможность воспринять X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором первый актант ситуации выполняет функцию подлежащего, а имя самой ситуации – функцию главного дополнения)’.

В русском языке эта ЛФ представлена глаголами выражать (благодарность, желание, мнение, одобрение, озабоченность, порицание), проявлять (вкус, лояльность, любопытство, неудовольствие, осторожность, расположение, терпение), демонстрировать (свою волю, готовность, лояльность, решимость, чувства), высказывать (свое мнение, мысль, сомнения) и рядом других, а также – несколько менее банально – глаголами оказывать (внимание, доверие, знаки внимания, почести, уважение, честь), выказывать (неудовольствие, расположение, страх, тревогу), изливать (чувства).

В английском языке существуют аналогичные способы выражения MANIF, например, *express one's opinion, regret, sympathy; offer an apology, homage, an opinion, one's congratulations; signify one's approval, one's consent, one's satisfaction; vent one's grief, a grievance, an opinion; voice one's approval, one's dissatisfaction, one's grievance, one's protest*.

Однако в нем есть еще один весьма специфичный, совершенно не представленный в русском языке способ выражения значения, весьма близкого к MANIF, – метонимически употребленный мимический глагол типа *frown, glare, grin* и т.п. В принципе все эти глаголы нетранзитивны, однако при выражении значения манифестации они употребляются как транзитивные: ср. *frown one's disapproval <disgust>* ‘хмуриться в знак неодобрения <отвращения>’, *glare defiance <hatred>* ‘смотреть с вызовом <с ненавистью>’, *grin approbation <one's approval, assent, delight>* ‘усмехнуться в знак одобрения <согласия, восхищения>’, *look one's consent <one's thanks>* ‘взглядом выражать согласие <признательность>’, *nod one's approval <assent, comprehension>* ‘кинуть в знак одобрения <согласия, понимания>’, *smile assent <forgiveness, thanks>* ‘улыбнуться в знак согласия <прощения, благодарности>’.

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ЛФ И НОВАЯ СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Определения всех ЛФ (в количестве 116), используемых в системе ЭТАП-3, были уточнены автором на основе изложенных выше соображений и опубликованы в составе коллективной работы [Апресян и др. 2008]. Ниже кратко воспроизводятся только определения ЛФ рассмотренного выше семейства, без чего данная статья утратила бы автономность.

В основе обновленной системы определений лежит тезис, что глаголы всех рассмотренных выше классов семантически содержательны, т.е. что каждый из них имеет собственное лексическое значение. В пользу этого свидетельствуют два рода соображений – чисто эмпирические и теоретические.

Эмпирическим свидетельством является тот факт, что когда значением данной ЛФ от данного аргумента является не один глагол, а сразу несколько, они далеко не всегда являются точными синонимами. Обычно один из них, как и в синонимических рядах полнозначных слов, оказывается доминантой, т.е. наиболее употребительной и самой нейтральной семантически и стилистически лексемой. Остальные глаголы обнаруживают большую или меньшую смысловую специфику. Рассмотрю в качестве примеров некоторые значения ЛФ OPER1 и OPER2.

OPER1. *Сделать* в роли OPER1 от существительных вывод *<заключение>* имеет более общее значение, чем *прийти к* (выводу *<заключению>*). *Прийти* в метафорическом значении, представленном в этих ЛФ сочетаниях, сохраняет связь со своим исходным значением и поэтому может предполагать относительно более сложный и долгий путь от каких-то фактических или логических предпосылок через взвешивание различных «за» и «против» к окончательному суждению.

Сделать можно любую ошибку. Допускают обычно досадные ошибки, крупные или мелкие, а совершают крупные ошибки с серьезными последствиями.

Выдвигать обвинение против кого-то может всякий человек в самых разных обстоятельствах и при разной степени уверенности в справедливости своих подозрений, а *предъявляет обвинение кому-то* преимущественно официальное лицо в рамках официальной процедуры при наличии достаточных оснований для такого действия.

OPER2. *Находиться под* в роли OPER2 создает представление о статичной ситуации; ср. *находиться под властью* *<под гнетом, под защитой, под наблюдением, под покровительством, под управлением>*. Синонимичный ему глагол *подвергаться* предполагает, как правило, динамичную ситуацию (действие или деятельность) и поэтому сочетается с такими существительными, в значение которых входит акциональный компонент; ср. *подвергаться допросу, инспекции, исследованию, контролю, обследованию, обстрелу, проверке, экзамену*. Нельзя, однако, **подвергаться власти*.

Если существительное имеет только акциональное значение, то глагол *находиться под* в роли OPER2 от него невозможен; ср. неправильность **находиться под допросом <под инспекцией, под исследованием, под обследованием, под проверкой, под экзаменом>*.

Если существительное имеет и акциональное, и результативное (стативное) значение или употребление (ср. *арест, запрет, контроль*), то *подвергаться* – это OPER2 от акционального значения/употребления (ср. *подвергаться аресту <запрету, контролю>*), а *находиться под* – OPER2 от результативного значения/употребления (ср. *находиться под арестом <под запретом, под контролем>*).

Отдельного комментария заслуживают случаи, когда в качестве OPER2 возможны сразу три глагола – *находиться под, подвергаться и испытывать*. Сочетания с первым из них по-прежнему описывают статичную ситуацию, а сочетания со вторым – динамичную, о чем свидетельствует возможность формы СОВ; ср. *находиться под влиянием <под давлением> кого-л., находиться под действием наркотиков vs. подвергаться <подвергнуться> влиянию <давлению> кого-л., подвергаться <подвергнуться> действию наркотиков*.

Глагол *испытывать* по признаку статичности – динамичности занимает промежуточное положение между *находиться под* и *подвергаться*. С одной стороны, он описывает относительно однородное состояние и в этом отношении подобен стативному глаголу *находиться под*. С другой стороны, он образует форму СОВ и в этом отношении подобен динамичному глаголу *подвергаться*. Однако у него есть и отличие от обоих его синонимов в роли OPER2.

Находиться под и *подвергаться* описывают ситуацию более или менее объективно, так сказать, со стороны, а *испытывать* привлекает внимание к субъективному состоянию Пациента, к его личной реакции на данное воздействие и слегка эмпатичен. Об этом косвенно свидетельствуют достаточно частые оценочные определения при ключевом существительном и атрибуты типа *на себе, на своей шкуре* при самом глаголе *испытывать*. Ср. следующие примеры с различных сайтов и лент Интернета: Ека-

теринбург находится в числе 13 городов Свердловской области, которые испытывают наиболее неблагоприятное влияние экологии; Шанхай начал испытывать влияние неблагоприятной мировой экономической ситуации; Ежегодно примерно 700000 американцев, особенно старше 65 лет, испытывают побочные действия лекарственных препаратов; На своей... шкуре испытал действие такой вот девственницы; Кто на себе испытывал действие заговора?; Стивен Хокинг испытывает действие невесомости [Это сообщение о решении знаменитого английского физика в том же тексте было снабжено его собственным комментарием: Непосредственно испытать невесомость будет для меня совершенно восхитительно].

Легко заметить, что в некоторых из этих примеров *испытывать* нельзя заменить глаголами *находиться под* и *подвергаться*. Ср., например, неправильность предложения **Ежегодно 700000 американцев, особенно старше 65 лет, находятся под побочными действиями лекарственных препаратов и странность предложения [?]Ежегодно 700000 американцев, особенно старше 65 лет, подвергаются побочным действиям лекарственных препаратов.*

Вообще говоря, одних этих эмпирических свидетельств вполне достаточно, чтобы признать факт семантической содержательности ЛФ-глаголов обсуждаемого семейства, но для полноты полезно посмотреть и на теоретическую сторону дела.

Главным теоретическим свидетельством в пользу их семантической содержательности является тот факт, что все ЛФ-глаголы, как и любые другие языковые единицы, подчиняются общим правилам семантического согласования. Но любое семантическое согласование, как уже было сказано в разделе 2.1, состоит в повторении какого-то смысла в значениях двух сочетающихся друг с другом элементов. Какая же часть значения аргумента повторяется в лексическом значении полувспомогательного глагола данного семейства ЛФ?

Ответ на этот вопрос будет разным в зависимости от того, о какой ЛФ идет речь. Наиболее ясный случай – ЛФ OPER1: в лексическом значении таких глаголов повторяется общее значение того класса фундаментальной классификации предикатов, к которому принадлежит ее аргумент. Если аргумент обозначает действие, то OPER1 будет содержать смысл ‘делать’; если аргумент обозначает состояние, то OPER1 будет содержать смысл типа ‘быть в состоянии, испытывать’; если аргумент обозначает свойство, то OPER1 будет содержать смысл типа ‘иметь’²⁴.

Наиболее близкой к OPER1 является ЛФ LABOR1–2, поскольку это – единственная глагольная ЛФ, кроме OPER1, которая сохраняет подлежащее исходного глагола. Как было показано выше, в подавляющем большинстве случаев глаголы, реализующие эту функцию, имеют либо значение ‘подвергать’ (для имен действий), либо значение ‘держать’ (для имен состояний), либо значение ‘относиться’ (для имен отношений).

Глаголы, являющиеся значениями всех остальных ЛФ семейства OPER–FUNC–LABOR, реализуют некий диатетический сдвиг по сравнению с диатезой исходного полнозначного глагола и образованного от него существительного. Поэтому в них значение класса фундаментальной классификации предикатов, к которому принадлежит

²⁴ Правилам семантического согласования подчиняются, естественно, все ЛФ-коллокаты. Однако характер правил для разных ЛФ разный. Сравним, например, ЛФ OPER1 и REAL1 = ‘Использовать X в соответствии с его предназначением (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’. Аргументами последней являются названия всякого рода артефактов – инструментов, транспортных средств, учреждений и т.п. Если в значениях глаголов OPER1 повторяется значение того класса фундаментальной классификации предикатов, к которому принадлежит аргумент функции, то в значениях глаголов REAL1 повторяется гораздо более частный и, следовательно, более богатый смысл – указание на назначение данного артефакта, которое входит непосредственно в толкование соответствующего существительного X; ср. *резать ножом, рубить топором, ехать на поезде, лететь на самолете, лечиться в больнице, учиться в школе*: нож предназначен для того, чтобы им резать, поезд – чтобы на нем ехать и т.д.

аргумент функции, будет представлено в преобразованном виде – с поправкой на соответствующую диатезу. Например, для ЛФ OPER2 от имен действий это будет значение типа ‘подвергаться’. Хотя этот глагол сам по себе, подобно грамматической форме СТРАД, не обозначает чистого действия (его денотат скорее всего нечто промежуточное между действием и процессом), сочетается он, в частности, с акциональными существительными. Иными словами, «поправка на соответствующую диатезу» в данном случае состоит в том, что смысл ‘действие’ переходит из семантики слова в его синтаксику.

В обновленных определениях ЛФ семейства OPER-LABOR-FUNC была сделана попытка учесть, пусть не во всех деталях, изложенные выше факты. Иначе говоря, они семантизированы: определение каждой ЛФ включает в свой состав толкование общей части лексических значений реализующих ее глаголов и указание на то, что выбор конкретного глагола на роль данной ЛФ обусловлен лексико-семантически (последним предлагаемые ниже определения отличаются и от варианта, опубликованного в [Апресян и др. 2008]). В других отношениях предлагаемая версия следует первоисточнику, т.е. системе из [Мельчук 1974].

В определениях используются следующие обозначения: X – ключевое слово; P1, P2, P3 – актанты ключевого слова; P0 – неучастник ситуации, или внешний актант (обычно – каузатор или ликвидатор ситуации X).

Собственно определение сопровождается подборкой примеров в виде глагольно-именных словосочетаний или предложений, включающих в свой состав аргумент данной ЛФ. Значения ЛФ, если их больше одного, перечисляются через косую черту; список значений не претендует на полноту. Подборка включает от двух до двенадцати примеров на каждую ЛФ, хотя в реально собранном материале их существенно больше – до нескольких сотен для наиболее употребительных ЛФ.

OPER1 = ‘Делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: *иметь авторитет/пользоваться авторитетом, говорить с акцентом, производить атаку/идти в атаку, испытывать беспокойство, вести бой, бросать взгляд, оказывать влияние, делать выбор, давать гарантию, быть в моде, наносить оскорбление, наносить удар*.

INCEOPER1 = ‘Начать делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: *входить в азарт, обращаться в бегство, получить/завоевать большинство, вступать в брак, достигать возраста, приходить в восхищение, проникаться доверием, входить в моду, приобретать способность, впадать в транс, надевать траур*.

FINOPER1 = ‘Перестать делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: *терять авторитет, прекращать борьбу, выходить из моды, забывать обиду, отбрасывать осторожность, отказываться от решения, терять/утрачивать способность, освобождаться от страха, терять терпение/выходить из терпения, снимать траур*.

CAUSOPER1 = ‘Делать так, что P1 делает X, имеет X или находится в состоянии X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: *бросать кого-л. в бой, поднимать кого-л. на борьбу, облекать кого-л. властью, приводить кого-л. в восторг, ввергать кого-л. в депрессию,водить кого-л. в заблуждение, награждать кого-л. медалью, облагать кого-л. налогом, доводить кого-л. до отчаяния, приводить/погружать кого-л. в панику, облагать что-л. пошлиной, приводить кого-л. к присяге*.

LIQUOPER1 = ‘Делать так, что P1 перестает делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 – функцию главного дополнения, а X – функцию второ-

степенного дополнения)’: выводить кого-л. из боя, отстранить/отрешить кого-л. от власти, исключать кого-л. из клуба, освобождать кого-л. от ответственности, лишать кого-л. права, отучать кого-л. от привычки, поднимать что-л. из руин.

OPER2 = ‘Подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р2 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: подвергаться агрессии, получать благословение, быть в блокаде, находиться под властью, пользоваться доверием, быть под защитой, подвергаться наказанию/нести наказание, терпеть несправедливость, стоять перед препятствием.

INCEOPER2 = ‘Начать подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р2 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: срывать аплодисменты, попадать в блокаду, привлекать/приковывать взгляд, завоевать доверие, попадать под контроль, получать отпор, попадать в поле зрения, входить в привычку, поступать в продажу, наталкиваться на сопротивление/встречать сопротивление, снискать/завоевать уважение.

FINOPER2 = ‘Перестать подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р2 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения)’: выходить из-под влияния, терять/утрачивать чье-л. доверие, терять интерес (для кого-л.), лишаться поддержки, освобождаться из-под стражи.

CAUSOPER2 = ‘Делать так, что Р2 подвергается X-у, находится в состоянии X или испытывает X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р0 или Р1 выполняет функцию подлежащего, Р2 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: сажать кого-л. под арест, ставить что-л. под контроль, подвергать кого-л. опасности, давать что-л. на отзыв, оставлять кого-л. на попечение, оставлять кого-л. под присмотром, давать что-л. на рецензию, давать кого-л. под суд, передавать что-л. под управление, отправлять / посыпать / отдавать / давать что-л. на экспертизу.

LIQUOPER2 = ‘Делать так, что Р2 перестает подвергаться X-у, находится в состоянии X или испытывает X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р0 или Р1 выполняет функцию подлежащего, Р2 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: освобождать кого-л. от власти, спасать кого-л. от казни, выводить что-л. из-под контроля, ограждать кого-л. от критики, выводить кого-л. из-под обстрела, освобождать кого-л. от экзамена.

LABOR1–2 = ‘Подвергать Р2 действию X, держать Р2 в состоянии X или вести себя по отношению к Р2, проявляя X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р1 выполняет функцию подлежащего, Р2 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: подвергать что-л. анализу, награждать кого-л. аплодисментами, принимать что-л. во внимание, преподносить что-л. в дар, сопровождать что-л. комментарием, держать кого-л. под контролем, подвергать кого-л. наказанию, относиться к чему-л. с осторожностью, обращаться к кому-л. с просьбой, содержать кого-л. под стражей, относиться к чему-л. с терпением, одарить кого-л. улыбкой.

INCEPLABOR1–2 = ‘Начать подвергать Р2 действию X, держать Р2 в состоянии X или вести себя по отношению к Р2, проявляя X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р1 выполняет функцию подлежащего, Р2 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: брать что-л. в аренду, подвергать кого-л. аресту / сажать / брать кого-л. под арест, брать что-л. в долг, брать кого-л. под защиту, брать что-л. под наблюдение, принимать что-л. в расчет.

FINLABOR1–2 = ‘Перестать подвергать Р2 действию X, держать Р2 в состоянии X или вести себя по отношению к Р2, проявляя X (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р1 выполняет функцию подлежащего, Р2 – функцию главного дополнения, а X – функцию второстепенного дополнения)’: освобождать кого-л.

из-под ареста, лишать кого-л. своей дружбы, выводить что-л. из-под контроля, выводить кого-л. из-под обстрела, лишать кого-л. поддержки, избавлять кого-л. от хлопот.

FUNC0 = ‘Х имеет место (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего)’: *Авария происходит/случается, Аплодисменты гремят, Болезнь течет, Ветер дует, Война идет, Костер горит, Метель метет, Пожар полыхает/бушиет, Различие есть/наблюдается, Слухи ходят, Тишина стоит/царит, Шторм бушует.*

INCEP FUNC0 = ‘Х начинает иметь место (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего)’: *Аплодисменты вспыхивают/раздаются / грязнули, Бой вспыхивает / завязывается / начинается / закипает, Ветер поднимается, Восстание вспыхивает, Кризис разразился, Надежда рождается / возникает, Разговор завязывается, Спор загорается / возникает / завязывается, Тишина воцаряется, Тучи собираются, Хаос наступает.*

FIN FUNC0 = ‘Х перестает иметь место (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего)’: *Аплодисменты умолкают / утихают / затихают / смолкают, Беспокойство исчезает, Болезнь проходит, Буря улеглась / кончилась, Ветер стихает / утихает, Гнев улетучивается / проходит / остывает, Коалиция распадается, Облака рассеиваются, Огонь тухнет, Радость улетучивается, Терпение истощается.*

CAUS FUNC0 = ‘Делать так или быть причиной того, что Х имеет место (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р0 или Р1 выполняет функцию подлежащего, а Х – функцию главного дополнения)’: *вызывать аварию, развязывать войну, поднимать восстание, открывать дебаты, провоцировать кризис, разбивать / ставить лагерь, закладывать основу, сеять панику, вводить цензуру, назначать / устанавливать цену, творить чудеса.*

LIQU FUNC0 = ‘Делать так, что Х перестает иметь место (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Р0 или Р1 выполняет функцию подлежащего, а Х – функцию дополнения)’: *останавливать / обуздывать агрессию, снимать блокаду, вылечить болезнь, устранить / утолить боль, закрывать / прекращать диспут, сносить дом, подавлять желание, расторгать / аннулировать контракт, снимать лагерь, подавить / раздавить мятеж, побороть отчаяние, распустить парламент.*

FUNC1 = ‘Х есть у Р1 или характеризует Р1 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего, а Р1 – функцию главного дополнения)’: *Вина лежит на ком-л., Власть принадлежит кому-л., Впечатление осталось у кого-л., Голод терзает кого-л., Зависть точит кого-л., Запах исходит от чего-л., Заслуга принадлежит кому-л., Заявление поступает от кого-л., Лихорадка мучит кого-л., Удача сопутствует кому-л., Энергия кипит / бурлит в ком-л.*

INCEP FUNC1 = ‘Х начинает быть у Р1 или характеризовать Р1 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего, а Р1 – функцию главного дополнения)’: *Агония начинается у кого-л., Акцент появляется у кого-л., Аппетит пробуждается / разыгрался у кого-л., Беспокойство охватывает кого-л. / овладевает кем-л., Гнев обуял кого-л., Догадка осеняет кого-л., Мнение складывается / формируется у кого-л., Ненависть просыпается / закипает в ком-л., Опыт появляется / накапливается у кого-л., Подозрение закрадывается в душу кого-л., Препятствие возникает перед кем-л., Шанс выпадает кому-л.*

FIN FUNC1 = ‘Х перестает быть у Р1 или характеризовать Р1 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором Х выполняет функцию подлежащего, а Р1 – функцию главного дополнения)’: *Акцент пропадает у кого-л., Интерес угасает / пропадает у кого-л., Надежда угасает у кого-л. / покидает кого-л., Обида проходит у кого-л., Опасение исчезает у кого-л., Смущение покидает кого-л., Сомнения покидают / оставляют кого-л. / рассеивается у кого-л., Сон пропадает у кого-л. / покидает кого-л., Удача изменяет кому-л.*

CAUSFUNC1 = 'Делать так или быть причиной того, что X есть у P1 или характеризует P1 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X – функцию главного дополнения, а P1 – функцию второстепенного дополнения)': *придавать блеск чему-л., возлагать вину на кого-л., вызывать желание у кого-л., присваивать звание кому-л., вселять надежду в кого-л., брать обещание с кого-л., наносить поражение кому-л., приносить удачу кому-л., ставить цель перед кем-л., наложить штраф на кого-л.*

LIQFUNC1 = 'Делать так или быть причиной того, что X перестает быть у P1 или характеризовать P1 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X – функцию главного дополнения, а P1 – функцию второстепенного дополнения)': *портить аппетит кому-л., отказывать в визе кому-л., лишать кого-л. информации, снимать ношу с кого-л., отводить опасность от кого-л., снимать ответственность с кого-л., лишать <лишить> кого-л. права / отнимать / отбирать право у кого-л., искоренять привычку у кого-л., лишать кого-л. ума.*

FUNC2 = 'X действует на P2, касается P2 или состоит в P2 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P2 – функцию главного дополнения)': *Вина состоит / заключается в чем-л., Возмездие настигает кого-л., Выбор падает на что-л., Заключение сводится к чему-л., Запрет лежит на чем-л., Кара настигает кого-л. / обрушивается на кого-л., Опасность нависает над кем-л., Оскорблении сыплются на кого-л., Ошибка состоит / заключается в чем-л., Удар обрушивается на кого-л.*

CAUSFUNC2 = 'Делать так, что X происходит с P2 или воздействует на P2 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X – функцию главного дополнения, а P2 – функцию второстепенного дополнения)': *накладывать арест на что-л., давать бой кому-л., привлекать внимание к чему-л., выдвигать обвинение против кого-л., создавать опасность для кого-л., предъявлять претензию кому-л.*

LIQFUNC2 = 'Делать так, что X перестает воздействовать на P2 (лексико-семантически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X – функцию главного дополнения, а P2 – функцию второстепенного дополнения)': *отводить взгляд от чего-л., снимать запрет с чего-л., снимать обвинение с кого-л., отводить опасность от кого-л., снимать осаду с чего-л.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничков 1937 – И.Е. Аничков. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языко-знанию / Сост. и отв. ред. В.П. Недялков. СПб., 1997 (впервые опубликовано в 1937 г.).
- Апресян 1994 – Ю.Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах // ИРАН СЛЯ. № 4. 1994.
- Апресян 2001 – Ю.Д. Апресян. О лексических функциях семейства REAL – FACT // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej. Białystok, 2001.
- Апресян 2003 – Ю.Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2003.
- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // ВЯ. № 4. 2004.
- Апресян 2006 – Ю.Д. Апресян. Основания системной лексикографии // В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян и др. 1989 – Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, А.В. Лазурский, Н.В. Перцов, В.З. Санников, Л.Л. Цинман. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1989.

- Апресян и др. 1992 – Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, А.В. Лазурский, Л.Г. Митюшин, В.З. Санников, Л.Л. Цинман. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Апресян и др. 2008 – Ю.Д. Апресян, П.В. Дяченко, А.В. Лазурский, Л.Л. Цинман. О компьютерном учебнике лексики русского языка // Русск. яз. в науч. освещении. 2008. № 2 (14).
- Апресян, Цинман 2002 – Ю.Д. Апресян, Л.Л. Цинман. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // Русск. яз. в науч. освещении. 2002. № 2 (4).
- Апресян В. 1992 – В.Ю. Апресян. «Природные процессы» в сфере человека // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Апресян В., Апресян Ю. 1993 – В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- БАС-2 – Большой академический словарь русского языка. Т. 2. М., СПб., 2005.
- Богуславский и др. 2003 – И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, В.Г. Сизов, И.С. Чардин. Использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе // Cognitive modeling in linguistics–2003. Варна, 2003.
- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Жолковский, Мельчук 1967 – А.К. Жолковский, И.А. Мельчук. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967. Вып. 19.
- Зализняк Анна, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Иорданская 1970 – Л.Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.
- Иорданская, Мельчук 2007 – Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук 1995 – И.А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. М.; Вена, 1995.
- Мельчук, Жолковский 1984 – И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. Вена, 1984.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. М., 1970. № 4.
- Ожегов 1957 – С.И. Ожегов. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2.
- Падучева 1991 – Е.В. Падучева. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. 1991. № 5.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Словарь Академии Российской – Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 5. М., 2005.
- СОШ – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- СПУШ – Словарь языка Пушкина в четырех томах. М., 2000.
- СУШ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. М., 1939.
- СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. Авторы словаря: Н.Ю. Шведова, Л.В. Куркина, Л.П. Крысин. М., 2007.

- Успенский 1979 – В.А. Успенский. О вещественных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Шмелев 2002 – А.Д. Шмелев. Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Apresjan 1996 – Ju. Apresjan. Enseignement du lexique assisté par ordinateur // Lexicomatique et dictionnaires. IVes Journées scientifiques du réseau thématique «Lexicologie, terminologie, traduction». Lyon, France, 28, 29, 30 septembre 1995. Montréal, 1996.
- Apresjan et al. 2002 – Ju.D. Apresjan, I.M. Boguslavsky, L.L. Iomdin, L.L. Tsinman. Lexical functions in NLP: Possible uses // M. Klenner, H. Visser (eds.). Computational linguistics for the New Millennium: Divergence or synergy? Proceedings of the International symposium held at the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 21–22 July 2000. Frankfurt am Main, 2002.
- Apresjan et al. 2003 – Ju. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin, A. Lazursky, V. Sannikov, V. Sizov, L. Tsinman. ETAP-3 Linguistic processor: a full-fledged NLP implementation of the Meaning-Text theory // Proceedings 2003 Meaning-Text theory. First international conference on Meaning-Text theory. Paris. Ecole normale supérieure, Juin 16–18, 2003.
- Apresjan et al. 2007 – Ju.D. Apresjan, I.M. Boguslavsky, L.L. Iomdin, L.L. Tsinman. Lexical functions in actual NLP-applications // L. Wanner (ed.). Selected lexical and grammatical issues in the Meaning-Text theory. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Boguslavsky 2002 – I. Boguslavsky. Some lexical issues of UNL // Proceedings of the First international workshop on UNL, other Interlinguas and their Applications. Las Ramas, Paris, 2002.
- Boguslavsky et al. 2000 – I. Boguslavsky, N. Frid, L. Iomdin, L. Kreidlin, I. Sagalova, V. Sizov. Creating a universal networking module within an advanced NLP system. Coling, 2000. V. 1.
- Boguslavsky et al. 2001 – I. Boguslavsky, I. Chardin, N. Frid, N. Grigoriev, S. Grigoryeva, L. Iomdin, L. Kreidlin, V. Sizov. UNL from the linguistic point of view // Electrotechnical laboratory sigmatics. Tokyo, 2001.
- Boguslavsky et al. 2004 – I. Boguslavsky, L. Iomdin, V. Sizov. Multilinguality in ETAP-3. Reuse of linguistic resources // Proceedings of the workshop «Multilingual linguistic resources. 20th International conference on computational linguistics». Geneva, 2004.
- East-West Encounter 2005 – East-West Encounter. Second International conference on Meaning ⇔ Text theory. Moscow, 2005.
- Mel'čuk 1997 – I. Mel'čuk. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997.
- Mel'čuk 2004 – I. Mel'čuk. Actants in semantics and syntax // Actants in semantics // Linguistics. New York, 2004.
- Mel'čuk et al. 1984 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Jordanskaja, A. Lessard. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Jordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Jordanskaja, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk et al. 1999 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Jordanskaja, S. Mantha, A. Polguère. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.
- Mel'čuk, Wanner 1996 – I.A. Mel'čuk, L. Wanner. Lexical functions and lexical inheritance for emotion lexemes in German // L. Wanner (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996.
- MTT 2007 – Meaning-Text theory 2007. Proceedings of the 3rd International conference on Meaning-Text theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 69. München; Wien, 2007.
- Proceedings 2003 – Proceedings 2003 Meaning-Text theory. First International conference on Meaning-Text theory. Juin 16–18. Paris, 2003.
- Reuther 1996 – T. Reuther. On dictionary entries for support verbs: the case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // L. Wanner (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996.
- Wierzbicka 1992 – A. Wierzbicka. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford, 1992.

© 2008 г. П.М. АРКАДЬЕВ

ТЕОРИЯ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ*

В данной статье критикуется так называемая «дискриминаторная» концепция падежного маркирования, исходящая из ведущей роли принципа различительности в организации падежных систем и падежного маркирования. На материале языков с двухпадежными системами, относящихся к индоиранской и юто-ацтекской группам языков, демонстрируется, что случаи нарушения принципа различительности являются высоко систематическими и мотивированы наблюдаемыми в самых разных языках принципами иконического соотношения между семантико-прагматическими свойствами участников ситуации и обозначающих их именных групп. Для описания и объяснения этих и других фактов предлагается модифицированная теория падежного маркирования, использующая принципы и метаязык Теории оптимальности.

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В типологии и теории грамматики последних нескольких десятилетий утвердилась традиция анализировать модели падежного оформления «ядерных» семантико-синтаксических отношений в языках мира в терминах «глобальных» стратегий кодирования – (номинативно-)аккузативной, эргативной, активной и т.п. (см., например [Comrie 1978; 1989/1981: ch. 6; Dixon 1979; 1994; Nichols 1992; Lazard 1994; Primus 1999], а также [Кибрик 1992: гл. 14, 15; 2003: ч. III]). В основе данной теории (называемой в дальнейшем «дискриминаторной»), о которой подробнее пойдет речь в разд. 1, лежат принципы экономии (язык не использует морфологический материал в тех случаях, когда это не является необходимым для целей коммуникации) и различности (слушающий должен иметь возможность различить участников поливалентной ситуации). Несмотря на то, что данная теория падежного маркирования показала свою эффективность при анализе целого ряда фактов, она не раз подвергалась обоснованной критике, направленной как на исходные постулаты этой концепции, так и на привлечение внимания к фактам, которые не могут быть описаны и объяснены в ее рамках (см. среди прочего [Тестелец 2003: ч. 4; Primus 1999; Butt, King 2002]).

У данной статьи две основные цели. Во-первых, обсудив «дискриминаторную» концепцию падежного маркирования (разд. 1) и указав на отмечавшиеся в литературе ее слабые места, я приведу (разд. 2) ряд фактов, представленных в языках с двухпадежными системами (о последних см. подробнее [Аркадьев 2005; Arkadiev 2006; 2008b]), которые принципиальным образом противоречат данной теории. Во-вторых, я пред-

* Данная статья является расширенной версией статьи [Arkadiev 2008a]; отдельные ее положения были представлены в виде докладов на конференции «Синтаксические структуры» (Москва, апрель 2007 г.) и на 7-м международном конгрессе типологов (ALT-VII, Париж, сентябрь 2007 г.). Я благодарен П. де Сварту, Х. де Хооп, П.В. Иосаду, А.Е. Кибрику, Л.И. Куликову, А.Б. Летучему, А.Л. Мальчукову, Т.М. Николаевой, В.А. Плунгяну и Я.Г. Тестельцу, а также анонимным рецензентам ВЯ и участникам дискуссий на указанных конференциях за ценные замечания. Работа выполнена при частичной поддержке Фонда Содействия отечественной науки.

ложу модификацию концепции падежного маркирования (разд. 4), которая, по моему мнению, способна единообразно и непротиворечиво описать и объяснить наблюдаемые факты, сохраняя при этом все достижения «дискриминаторной» теории. Предлагаемый здесь анализ основывается на предпосылках и формализме Теории оптимальности [Prince, Smolensky 2004/1993], основные положения которой изложены в разд. 3.

1. «ДИСКРИМИНАТОРНАЯ» ТЕОРИЯ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ

В основе «дискриминаторной» теории падежного маркирования лежат понятия, связанные с ситуациями и их участниками, как они концептуализируются человеческим языком. С одной стороны, разграничиваются ситуации (и, соответственно, предикаты и предложения) одноместные и двухместные, а среди последних постулируются «канонические» или «прототипические» (см., например [Hopper, Thompson 1980] или [Лакофф 1981/1971; Testelec 1998; Næss 2006]) переходные ситуации, т.е. такие, которые обозначают активное воздействие обладающего волей и контролирующего ситуацию агента на претерпевающего неконтролируемое им изменение состояния пациента. С другой стороны, участники указанных ситуаций, несмотря на существующие между ними семантические различия, объединяются в три больших класса (см. [Comrie 1978; Dixon 1979]): S (от англ. *sole*) – единственный участник одноместной ситуации, A (агент переходной ситуации или более агентивный участник двухместной ситуации) и P (пациент переходной ситуации или более пациентивный участник двухместной ситуации).

Для указанных трех участников логически возможны следующие способы кодирования, схематически представленные на рис. 1:

- 1) аккузативный, объединяющий S и A и противопоставляющий их P;
- 2) эргативный, напротив, объединяющий S и P и противопоставляющий их A;
- 3) нейтральный, объединяющий все три роли;
- 4) контрастивный, различающий все три роли;
- 5) «квиннейтральный»¹, объединяющий участников двухместной ситуации (A и P) и противопоставляющий их участнику одноместной ситуации (S).

Рис. 1. Стратегии кодирования ядерных ролей S, A и P

Указанные пять потенциальных типов кодирования распределены в языках мира весьма неравномерно (ср., например [Nichols 1992: 90]): наиболее частотны аккузативная и эргативная стратегии, нейтральная и контрастивная встречаются существенно реже, а квиннейтральная, как полагали основоположники «дискриминаторной» теории падежного маркирования, вообще не встречается (см., например [Comrie 1978: 379 ff.])². Подобное статистическое распределение нуждается в объяснении, которое было сформулировано в терминах принципов экономии и различительности, ср. [Comrie 1978: 380, перевод мой]: «Употребление ненулевых показателей синтаксиче-

¹ Данный термин принадлежит мне.

² На самом деле, квиннейтральная стратегия представлена в ряде языков с двухпадежными системами, см. разд. 3.

ских функций [например, паджей. – П.А.] в языках мира ожидается прежде всего в тех случаях, когда наиболее вероятно неоднозначное восстановление синтаксических функций в отсутствии таких показателей». Из данной формулировки вытекает, что, с одной стороны, падежные показатели с наибольшей вероятностью употребляются тогда, когда они необходимы для того, чтобы избежать неоднозначности (различительность), а, с другой стороны, они скорее не употребляются в тех случаях, где в них нет непосредственной необходимости (экономичность).

Частные следствия принципа экономичности таковы (ср. там же):

1. Для роли S вообще не требуется никакого специального кодирования, т.к. она синтагматически ничему не противопоставлена.
2. Разные подтипы роли S (в частности, агент и пациент) могут быть нейтрализованы, т. к. их значение может быть восстановлено из контекста.
3. Из двух участников переходной ситуации достаточно эксплицитно маркировать лишь одного, поскольку другой будет выделяться «по остаточному принципу».

Из этих трех следствий вытекает, в частности, что наиболее экономичными (и не нарушающими при этом принципа различительности) являются такие стратегии, в которых, во-первых, роль S объединяется с одной из «переходных» ролей, противопоставляясь другой, т.е. аккузативная и эргативная стратегии, и, во-вторых, формально маркированной при помощи падежного аффикса является лишь эта отдельно кодируемая переходная роль. И действительно, в значительном большинстве языков с падежным маркированием ядерных ролей формально маркированными падежами являются именно аккузатив (кодирующий роль P) и эргатив (кодирующий роль A). Тем самым, принцип экономии предсказывает не только структуру и статистическое преобладание аккузативной и эргативной стратегий кодирования, но и их морфологическое устройство.

Переходя к принципу различительности, отмечу, что он не требует того, чтобы наиболее противопоставленные семантические роли, т.е. синтагматически соположенные участники двухместной ситуации A и P, формально различались во всех случаях. Принцип различительности утверждает лишь, что когда соотношение между участниками ситуации и выражающими их именными группами не может быть однозначно восстановлено на основании тех или иных их содержательных признаков, язык находит средства для устранения возможной омонимии. Последняя возникает в тех случаях, когда оба участника – A и P – расположены близко на шкалах одушевленности (1) [Silverstein 1976; Dixon 1979] и референциальности (2) [Bossong 1985; Aissen 2003].

шкала одушевленности

- (1) 1 л. > 2 л. > 3 л. > личные имена > лица > одушевленные > неодушевленные
- шкала референциальности
- (2) 1, 2 лицо > личные имена > определенные > неопределенные > нереферентные

Так, в том случае, когда один из участников является одушевленным или лицом, а другой – неодушевленным или не-лицом (животным), высока вероятность, что роль A выполняет первый, роль P – второй. Напротив, когда оба участника являются одушевленными или неодушевленными, вероятность их смешения повышается.

В связи с этим следует различать два важных подтипа принципа различительности, которые я назову парадигматическим и синтагматическим (ср. [de Hoop, Malchukov 2006]). Эти подпринципы различаются как «сферой действия», так и вытекающими из них следствиями. Синтагматическая различительность оценивает предложения, в которых присутствуют оба участника – A и P, – и требует, чтобы в случае, если они близки по своим семантико-прагматическим характеристикам, предложение содержало эксплицитное указание на роль соответствующих имен-

ных групп. Рассмотрим пример из папуасского языка форе [Donohue, Donohue 1997]³:

форе (языки Восточного нагорья Новой Гвинеи)

- (2) a. *yaga*: *wá* *aegýue*
свинья человек бьет
'Человек забивает свинью'. / '*'Свинья нападает на человека'.
- b. *aragá-ta* *mási* *aegýue*
девочка-ERG мальчик бьет
'Девочка бьет мальчика.'
- c. *wa* *yága:-wata* *aegýue*
человек свинья-ERG бьет
'Свинья нападает на человека'.

В предложении (3a) именные группы 'человек' и 'свинья' занимают неодинаковое положение на шкале одушевленности, и принцип синтагматической различительности (точнее, та его версия, которая грамматикализована в форе, поскольку, очевидно, каждый язык по-своему членит иерархии одушевленности и референциальности) предсказывает, что в данном случае каждой из них можно однозначно приписать семантическую роль. Напротив, именные группы в предложении (3b) занимают одинаковую позицию на данной шкале, и потому для снятия омонимии используется морфологический показатель, оформляющий именную группу с ролью А. Наконец, в предложении (3c) соотношение именных групп на шкале одушевленности инвертировано по сравнению с «типичным» соотношением семантических ролей и семантических классов имен: роль А выполняет референт, занимающий более низкое положение на шкале одушевленности, нежели референт именной группы с функцией Р; такая ситуация также маркируется морфологическим падежным показателем на участнике с ролью А.

Парадигматическая различительность, напротив, оценивает не соотношение двух синтагматически соположенных именных групп, а соответствие семантико-прагматических свойств участника с данной ролью некоторому «прототипу», и требует, чтобы «непрототипический» участник получал особое кодирование. Согласно общепринятым в «дискриминаторной» теории мнению, «прототипический» А является одушевленным и определенным (а еще лучше – локутором [Кибрик 2003: 149–151], т.е. участником речевого акта), а «прототипический» Р, напротив, – неодушевленным и неопределенным (ср., в частности, [Comrie 1979]). «Типичные» А и Р, в соответствии с принципом экономии, не получают формального маркирования, а «непрототипические», т.е. одушевленные/определенные Р и неодушевленные/неопределенные А оформляются специальными показателями. Важно отметить, что употребление этих показателей не зависит от синтагматического контекста: если оба ядерных участника переходного предложения оказались непрототипическими, то они оба получают специальное оформление. В качестве примера рассмотрим данные австралийского языка дирбала [Dixon 1972: 59–60]:

³ В примерах используются следующие сокращения: ABS – абсолютив, ACC – аккузатив, ART – artikel, CAUS – каузатив, COP – связка, DIR – прямой падеж, DUR – дуратив, ERG – эргатив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, IMP – императив, M – мужской род, NEG – отрицание, NF – нефинитная форма, NML – номинализация, NOM – номинатив, NPAST – непрошедшее время, OBJ – объектный падеж, OBL – косвенный падеж, PERF – перфект, PFV – перфектив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PVB – преверб, REAL – реалис, REL – релятивизатор, SG – единственное число, TEMP – нефинитная форма глагола с темпоральным значением.

- дирбал (пама-ньюнга, Северо-Восточная Австралия)
- (4) a. *bayi* *uaga* *baŋgil* *fiŋimbiri*-*ri* *balgan*
 ART.M.ABS мужчина(ABS) ART.F.ERG женщина-ERG бьет
 'Женщина бьет мужчину'.
 b. *ŋaŋa* *ŋinipa* *balgan*
 я:NOM ты:ACC бью
 'Я бью тебя'.
 (5) a. *ŋaŋa* *bayi* *uaga* *balgan*
 я:NOM ART.M.ABS мужчина(ABS) бью
 'Я бью мужчину'.
 b. *ŋaygina* *baŋgil* *uaga-ŋgu* *balgan*
 я:ACC ART.M.ERG мужчина-ERG бьет
 'Мужчина бьет меня'.

Пример (4) иллюстрирует случаи, когда оба участника занимают одинаковое положение на иерархии одушевленности (которая в дирбал и других австралийских языках основное противопоставление проводит между локуторами и не-локуторами). При участниках не-локуторах (4a) морфологическое оформление получает «непрототипический» А, Р же остается немаркированным. Обратная ситуация наблюдается в (4b), где оба участника – локуторы; здесь маркируется уже «непрототипический» Р, а А никак не оформляется. Здесь мы имеем дело с классическим примером «расщепленной» эргативности, когда падежное оформление существительных следует эргативной стратегии, а местоимения кодируются по аккузативной модели. Более сложный случай представлен в примере (5), где один из участников – локутор, а другой – нет. Здесь ни одна именная группа может не маркироваться, когда оба участника – «прототипические», т.е. А является локутором, а Р – не-локутором (5a). При обратном соотношении, т.е. когда оба участника отклоняются от «прототипа», морфологически оформляются обе именные группы (5b). Несмотря на некоторую неэкономичность такой системы, она чрезвычайно иконична: чем больше степень отклонения ситуации от «канонической», тем больше морфологического материала содержится в предложении, ее описывающем.

Так, в общих чертах, выглядит «дискриминаторная» теория падежного маркирования. Перед тем, как перейти к ее критике, следует отметить ее основное достоинство: эта концепция действительно адекватно предсказывает целый ряд нетривиальных конкретно-языковых и типологических фактов, такие как (а) само наличие различных стратегий кодирования ядерных ролей; (б) определенный характер сочетания разных стратегий оформления в пределах одного языка; (в) статистическое преобладание аккузативной и эргативной стратегий над остальными; (г) морфологические свойства падежных показателей, в частности, большую формальную сложность показателей, оформляющих «непрототипических» участников ситуации. Более того, рассмотренная концепция объясняет указанные факты при помощи небольшого числа интуитивно правдоподобных понятий и принципов.

И тем не менее, при всех своих очевидных достоинствах, «дискриминаторная» концепция имеет целый ряд серьезных недостатков, причем не «технического» свойства, устранимых при незначительной модификации понятийного аппарата теории, но самых фундаментальных, требующих, как представляется, коренного пересмотра ее базовых принципов.

Во-первых, постулат о примате различительной роли падежного маркирования (а не, например, наиболее очевидной сигнификативной, служащей не различению, а выражению семантико-синтаксических отношений) требуется доказать, что, насколько мне известно, никогда сделано не было, зато против него было приведено не-

мало аргументов (см., в частности, уже ранние работы [Mallinson, Blake 1981: ch. 2; Wierzbicka 1981; 1983; Du Bois 1987], а также [Тестелец 2003: 64–68; Primus 1999; Wunderlich, Lakämper 2001, Song 2001: 156–167]). Более того, необходимость в поверхностном различении ИГ, выполняющих роли А и Р, как было показано в ряде работ (см. опять же ранние статьи [Moravcsik 1978; Plank 1980]) является далеко не столь наивной, как обычно предполагается, и многие языки попросту не имеют грамматикализованных средств их различить, либо вообще, либо в ряде контекстов (ср. разнообразные примеры в работе [Plank 1980]). Принцип различительности, несомненно, важный для функционирования систем падежного маркирования, вовсе не всегда играет решающую роль и должен рассматриваться лишь как один из факторов, причем далеко не всегда сильнейший⁴.

Во-вторых, большие сомнения связаны и с принятой в «дискриминаторной» теории интерпретацией иерархии одушевленности и ее связи с «прототипическими» А и Р: тот факт, что именные группы с неодушевленными референтами реже выступают в функции А, нежели именные группы с одушевленными референтами, и наоборот, тривиален, т.к. вытекает из самого определения этих ролей. Утверждение же, что среди именных групп с одушевленными референтами роль А более всего свойственна локаторам, не вытекает ни из каких очевидных предпосылок и, более того, не подтверждается статистическими фактами (см. [Wierzbicka 1980: 132–142; 1981; Mallinson, Blake 1981: 83–86; Blake 2001/1994: 136–142; Тестелец 2003: 64–68]). Наконец, более частное утверждение о том, что «прототипический» Р является неодушевленным и неопределенным, явным образом противоречит авторитетной и доказавшей свою эффективность концепции переходности, выдвинутой в работе [Horner, Thompson 1980], где в качестве одного из критериев «канонической» переходности постулируется именно высокая степень индивидуализации Р. Иными словами, Р прототипического переходного предложения как раз должен быть одушевленным и определенным, в противном случае он может быть опущен, подвергнут инкорпорации в предикат, или понижен в синтаксическом ранге, что приводит к тому, что предложение перестает быть переходным (более подробное обсуждение этой проблемы см. в работах [Næss 2004; 2006]).

В-третьих, «дискриминаторная» теория оказывается неспособна предсказать и объяснить целый ряд фактов, казалось бы, прямо относящихся к ее компетенции. Так, данная теория предполагает, что наиболее экономичные и различительные стратегии падежного кодирования – аккузативная и эргативная – должны встречаться в языках мира с примерно одинаковой частотой. Тем не менее, это предсказание не выполняется; по данным Дж. Николс [Nichols 1992: 101], из языков с падежным оформлением ядерных ролей аккузативную стратегию имеют в качестве единственной или основной 58% языков, а эргативную – лишь 28%. Такая разница в частотности явно неслучайна и должна следовать из каких-нибудь принципов устройства языка; «дискриминаторная» теория, однако, никаких гипотез о причинах такого неравногораспределения, насколько мне известно, не выдвигала (ср. попытки объяснения этого феномена в совершенно других терминах в монографии [Primus 1999])⁵.

Наконец, «дискриминаторная» теория оставляет за пределами своего рассмотрения целый ряд фактов, которые плохо в нее укладываются или же не укладываются вовсе. Само по себе это обстоятельство не является недостатком – никакая хорошая теория не может объяснить всех фактов. Тем не менее, эти факты, часть которых будет рас-

⁴ Ср. убедительную демонстрацию этого на совершенно другом материале в статье [Киблик 2007].

⁵ По-видимому, аккузативная и эргативная стратегии различаются с точки зрения диахронической стабильности [Маслова 2004]: как показано в работе [Maslova, Nikitina 2006], вероятность перехода от аккузативной стратегии к эргативной в ходе языкового развития ниже, чем вероятность обратного перехода. Причины такого различия, однако, пока остаются загадкой.

смотрена ниже, обнаруживают чрезвычайно существенные черты межъязыкового сходства, и, при своей немногочисленности, явно неслучайны и, более того, могут быть естественным образом мотивированы и объяснены. Именно наличие таких фактов и приводит к необходимости пересмотреть и модифицировать данную концепцию и предложить такой понятийный аппарат, который был бы способен инкорпорировать как эти «выбивающиеся» факты, так и те, что уже получили объяснение.

2. «РАСЩЕПЛЕННОЕ» ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМАХ

В данном разделе будет рассмотрен ряд данных, в принципе, известных, но прежде ускользавших от внимания типологов и специалистов по падежному маркированию, которые рассматривали их в качестве не более чем курьезных и несистематических исключений. Непредвзятый взгляд на эти данные и их внимательное сопоставление с более известными фактами показывает, однако, что эти кажущиеся «исключения» на самом деле могут быть мотивированы общими принципами устройства языка.

Как уже упоминалось в разд. 1, с точки зрения принципов экономии и различительности пять логически возможных типов падежного кодирования ядерных семантико-сintаксических отношений (S, A и P) могут быть оценены как более или менее «естественные» или «функциональные». В наибольшей степени удовлетворяют этим принципам аккузативная и эргативная стратегии; нейтральная стратегия является наиболее экономичной, но неразличительна; контрастивная, наоборот, максимально различительна, но неэкономична. Наконец, квинтэссенция стратегия в этих терминах является «наихудшей»: она не только не удовлетворяет требованию различительности, но и, в отличие от нейтральной, неэкономична, из всех возможных различий проводя наименее «существенное» – между непереходной ролью S и переходными ролями A и P. Неудивительно, что само существование такой стратегии кодирования ставилось основоположниками «дискриминаторной» теории под сомнение, а единственной реакцией на сообщения о том, что такая стратегия засвидетельствована в ряде иранских языков (см. статьи [Raupe 1979; 1980]), было лишь указание на то, что данный тип исключительно редок и представлен в близкородственных языках, и потому не заслуживает внимания типологов (ср. [Dixon 1994: 203], где такая система трактуется как «несомненно, нестабильная» именно в силу ее несоответствия принципу различительности, или [Comrie 1989/1981: 125], где она описывается как «промежуточная стадия распада более ранней эргативной системы падежного маркирования и перехода к номинативно-аккузативной системе»).

Рассмотрим, однако, более подробно падежное маркирование в одном из языков, где отмечена квинтэссенция стратегия. Это язык вафси, относящийся к группе диалектов Центрального Ирана (северо-западная подгруппа иранских языков). Вафси является типичным иранским языком с двухпадежной системой, возникшей в результате редукции более древней многопадежной (см. [Керимова, Растиоргуева 1975]; двухпадежные системы в индоиранских языках подробно рассмотрены в статье [Аркадьев 2006]); категория падежа имеется в нем у всех именных частей речи и выражается кумулятивно с категориями числа и рода. Прямой падеж служит в основном для выражения ядерных ролей, косвенный же, помимо ряда ядерных функций, может оформлять также роли приименного определения и адресата/реципиента, что является типичным набором функций для иранского «старого» косвенного падежа (ср. [Bos-song 1985: 116–121]).

Рассмотрим подробнее, как в вафси кодируются ядерные аргументы. Как и в большинстве иранских языков, в вафси имеется два типа «расщепленного» кодирования, затрагивающие разных участников ситуации и обусловленные разными факторами [Stilo 2004: 242–244]. С одной стороны, это зависимость оформления A от видо-временной формы сказуемого: в системе непрошедшего времени (настоящее время, согласительное наклонение и императив) A оформляется прямым падежом (пример (6)

[Ibid.: 243]), а в системе прошедшего времени – косвенным (примеры (7), (8) [Ibid.: 244])⁶. С другой стороны, при любых видо-временных формах сказуемого Р оформляется косвенным падежом, если этот участник одновременно референтен и одушевлен (примеры (6), (8)), и прямым падежом в противном случае (примеры (7), (9) [Ibid.: 243]). Здесь следует сделать два замечания: во-первых, указанные морфосинтаксические процессы никак не затрагивают непереходную роль S, которая во всех случаях оформляется прямым падежом (примеры (10), (11) [Ibid.: 231, 244]); во-вторых, наблюдающиеся в вафси два типа «расщепленного» кодирования принципиально независимы друг от друга и применяются к данному аргументу при любом значении признаков, релевантных для другого аргумента. Тем самым, в вафси представлены сразу четыре различных стратегии оформления ядерных актантов, см. табл. 1.

Таблица 1

Стратегии падежного кодирования в вафси

S	A	P	Стратегия	Обусловливающий фактор
Dir	Dir	Dir	нейтральная	наст. вр., неодуш./неопр. Р
Dir	Dir	Obl	аккузативная	наст. вр., одуш. и опред. Р
Dir	Obl	Dir	эргативная	прош. вр., неодуш./неопр. Р
Dir	Obl	Obl	квинейтральная	прош. вр., одуш. и опред. Р

вафси (северо-западная группа иранских языков, Центральный Иран)

- (6) *tæ in xær-i næ-ruš-i?*
ты:DIR этот осел-OBL.SG NEG-продать-2SG
'Ты не продашь этого осла?'
- (7) *in lut-i-an yeu xær = esan æ-ruttæ.*
эти умный.человек-OBL.PL один осел(DIR.SG)=они DUR-продать:PST
'Эти умные люди продавали осла'.
- (8) *luas-i kærg-e = s bæ-værdæ.*
лиса-OBL.SG курица-OBL.SG = она PFV-взять:PST
'Лиса схватила [этую] курицу'.
- (9) *bæ-ss-e yeu xær ha-gir-e.*
PFV-идти-3SG один осел(DIR.SG) PVB-взять-3SG
'Он пошел купить осла'.
- (10) *tæ æten bæ-ssæ in kelj-i palu.*
ты:DIR теперь PFV-идти эта девушка-OBL.SG к
'Теперь ты иди к этой девушке'.
- (11) *qondaq bidara næ-væ?*
запеленутый(DIR.SG) проснувшийся NEG-стать:PST
'Младенец не проснулся?'

Особого внимания заслуживает пример (8), где представлена квинейтральная стратегия оформления актантов. Как видно, такое необычное и не соответствующее типологическим ожиданиям положение дел оказывается функционально мотивированным: язык вафси, подобно многим другим языкам, в том числе и обладающим бо-

⁶ О диахронических источниках такой ситуации см. [Пирейко 1968], а о ее функциональной мотивации [DeLancey 1981; Tsunoda 1981; Lazard 1994].

лее богатыми падежными системами (ср. ниже обсуждение материала языка хинди), дифференцированно оформляет роли А и Р в зависимости от типологически чрезвычайно устойчивых факторов: вида/времени сказуемого и позиции участника на иерархиях одушевленности и референциальности. Необычность ситуации в вафси заключается лишь в том, как эти противопоставления выражаются при помощи морфологии: минимальный характер падежной системы диктует появление косвенного падежа на маркированных членах обеих релевантных для данного языка оппозиций и, тем самым, возникновение квазинейтральной модели.

Аналогичные факты могут быть обнаружены и в других иранских языках. Ср. примеры (12)–(13) из северо-западного иранского языка чали (группа диалектов азари, иногда называемых «южно-татскими» [Yar-Shater 1969: 75–76]) и (14)–(15) из рушанского языка (памирская группа восточно-иранских языков, [Payne 1980: 155])⁷.

Чали (северо-западная группа иранских языков, Северо-Западный Иран)

- (12) *bar* *beškias.*
дверь(DIR.SG) сломалась
'Дверь сломалась'.
- (13) *varziar-ō* *arr-ōn = ešō* *bāšind.*
крестьянин-OBL.PL лопата-OBL.PL = 3PL бросили
'Крестьяне бросили свои лопаты'.

Рушанский (памирская подгруппа юго-восточной группы иранских языков, Таджикистан)

- (14) *dād* *xawrič-ēn = an* *tar* *Xaraγ sat.*
этот:DIR.PL мальчик-PL = они в Хорог идти:PST
'Эти мальчики пошли в Хорог'.
- (15) *duf* *xawrič-ēn* *im* *kitōb* *ħēyt.*
этот:OBL.PL мальчик-PL этот:OBL.SG книга читать:PST
'Эти мальчики прочли эту книгу'.

Несмотря на то, что за пределами иранской группы языков в точности подобные модели падежного оформления ядерных ролей не отмечены, данное явление нельзя списывать со счетов как «исключение» или «крайне нетипичный случай» – тот факт, что все приведенные примеры могут быть естественным образом объяснены в универсальных функциональных терминах, свидетельствует о том, что и эти данные должны учитываться претендующей на адекватность теорией падежного маркирования.

Для того чтобы яснее представить себе систему факторов, обусловливающих возникновение только что рассмотренных моделей падежного кодирования, нужно обратиться к данным языков, где те же самые функциональные принципы «накладываются» на многопадежную систему. Такой материал дают ближайшие родственники иранских языков – индоарийские. Рассмотрим материал языка хинди (см. работы [Mohanan 1994; Butt, King 2002; 2004; de Hoop, Narasimhan 2005]). В хинди, как и в других индоарийских языках (см. [Зограф 1976: 98–117; Masica 1991: 230–248]), довольно далекошел процесс грамматикализации послелогов, активно проникающих в область кодирования ядерных ролей. Таким образом, для целей данной статьи можно считать, что хинди обладает многопадежной системой, реализующейся в виде энклитик.

В хинди представлены те же самые явления «расщепленного» кодирования ядерных ролей, что и в вафси, т.е. зависимость оформления А от видо-временной формы

⁷ Следует обратить внимание на то, что в рушанском языке двухпадежное склонение сохранилось лишь у личных и указательных местоимений, будучи полностью утрачено у существительных.

глагола (однако в хинди это противопоставление связано скорее с видом, нежели со временем) и «дифференцированное» маркирование Р в зависимости от одушевленности и определенности (опять-таки, граница между маркированным «прототипическим» и немаркированным «непрототипическим» Р в хинди проходит не в точности там же, где в вафси). При перфективном виде сказуемого А кодируется эргативом (показатель =*ne*; примеры (16), (17) [Mohanap 1994: 59, 80]), а при имперфективном – номинативом (нулевой показатель, примеры (18), (19) [Ibid.: 59, 69]). Одушевленный или референтный неодушевленный Р оформляется при помощи объектного падежа (показатель =*ko*, примеры (17), (19)), кодирующего также роль адресата/реципиента, а нереферентный неодушевленный никак не маркируется (примеры (16), (18)).

хинди (индоарийская группа индоиранских языков, Западная Индия)

- (16) *bacce = ne* *kītāb* *raḍhī.*
 ребенок:OBL.SG = ERG книга(NOM.SG) читать:PFV
 ‘Ребенок прочел книгу’.
- (17) *Ilā = ne* *bacce = ko* *uṭhāyā.*
 Ила = ERG ребенок:OBL.SG = OBJ поднять:PFV
 ‘Ила поднял ребенка’.
- (18) *Ravī* *kelā* *khā* *rahā* *tha.*
 Рави(NOM.SG) банан(NOM.SG) есть DUR AUX.PST
 ‘Рави ел банан’.
- (19) *Nīnā* *bacce = ko* *uṭhāyegī.*
 Нина(NOM.SG) ребенок:OBL.SG = OBJ поднять:FUT
 ‘Нина поднимет ребенка’.

Ситуация с ролью S в хинди несколько сложнее, чем в вафси, т.к. единственный участник неперходной ситуации также затрагивается «расщепленным» кодированием. В системе имперфектива S никак не маркируется, ср. пример (20) [Mohanap 1994: 8]. При формах же перфектива кодирование S зависит от того, насколько данный участник контролирует ситуацию, обозначаемую предикатом: контролирующий S оформляется так же, как А, т.е. эргативом (21a), а неконтролирующий не имеет показателя (21b) [Mohanap 1994: 72].

хинди

- (20) *Rām* *gā* *rahā* *hai.*
 Рам(NOM.SG) петь DUR AUX.PRS
 ‘Рам поет’.
- (21)a. *Rām = ne* *cillāyā.* b. *Rām* *cillāyā.*
 Рам = ERG кричать:PFV Рам(NOM) кричать:PFV
 ‘Рам закричал (специально)’. ‘Рам вскрикнул (от боли или от страха)’.

Данное явление не имеет непосредственного отношения к нашей проблеме и в дальнейшем не будет рассматриваться, однако сам факт подобного распределения падежей свидетельствует о том, что эргативное кодирование в хинди обусловлено скорее семантическими причинами, нежели только требованиями различительности.

Явления «расщепленного» падежного маркирования в хинди, в ряде деталей отличаясь от аналогичных процессов в вафси, сходны с ними в том, что в обоих языках правила кодирования, касающиеся А и Р, действуют строго независимо друг от друга, см. табл. 2.

Стратегии падежного маркирования в хинди

S	A	P	Стратегия	Обусловливающий фактор
Nom	Nom	Nom	нейтральная	имперфектив, неопр. и неодуш. Р
Nom	Nom	Obj	аккузативная	имперфектив, опред. или одуш. Р
Nom/Erg	Erg	Nom	эрративная	перфектив, неопр. и неодуш. Р
Nom/Erg	Erg	Obj	контрастивная	перфектив, опред. или одуш. Р

Тем самым, в обоих языках особая ситуация возникает в тех случаях, когда грамматика требует, чтобы оба аргумента переходного предложения получили морфологическое оформление, т.е. при сказуемом в прошедшем времени/перфективном виде и одушевленном и/или определенном Р. В вафси, как мы видели, такая комбинация признаков приводит в квинтейтральному оформлению актантов – и А, и Р получают косвенный падеж. В хинди же, где для А в перфективных предложениях и для одушевленных/определеных Р используются разные падежи – эргативный и объектный соответственно, в интересующем нас контексте возникает не «неразличительная» квинтейтральная стратегия, но «различительная», но неэкономичная контрастивная, ср. пример (17). Действительно, коль скоро А уже оформлен показателем эргатива, принцип различительности не нарушается, и дополнительное маркирование Р является с точки зрения «дискриминаторной» теории «излишним» (ср. выше аналогичное оформление некоторых типов предложений в языке дирбал).

Важное значение для нашего обсуждения имеет тот факт, что, рассматриваемые как целое, системы падежного маркирования ядерных аргументов в вафси и в хинди являются функционально тождественными. Принципы приписывания падежей аргументам, зависящие от вида или времени сказуемого и позиции участника ситуации на шкале одушевленности/референциальности, в этих языках различаются лишь в деталях, совпадая в основном: в характере распределения морфологически маркированных и немаркированных форм по контекстам и в независимости действия правил, касающихся разных аргументов. Основное же различие между этими системами, с точки зрения «дискриминаторной» теории очень важное, поскольку оно затрагивает лежащий в ее основе принцип различительности, т.е. тот факт, что в вафси наблюдается квинтейтральная модель оформления, а в хинди – контрастивная, – оказывается не более чем следствием различия наборов морфологических падежей в этих языках. Однаковые семантические мотивации приводят к разным «поверхностным» результатам, будучи «наложены» на двухпадежную систему в вафси и на многопадежную систему в хинди.

Подобного рода явления встречаются далеко не только в индоиранских языках. Рассмотрим данные юто-ацтекских языков, где также распространены двухпадежные системы. В языке яки (южная группа юто-ацтекских языков, Мексика) в независимых предложениях наблюдается аккузативная стратегия кодирования ядерных аргументов: роли S и A единообразно кодируются при помощи прямого падежа (с нулевым показателем), а роль Р оформляется косвенным падежом (суффикс *-ia*), ср. примеры (22)–(23) [Lindenfeld 1973: 11, 54]⁸:

яки (южная группа юто-ацтекских языков, Мексика)

- (22) *itom cii?i bem kari = po yeewe.*
наша собака(DIR.SG) их дом(DIR.SG)=в играет
'Наша собака играет в их доме'.

⁸ Я сохраняю орографию примеров, заимствованных из разных источников.

- (23) *inero* *et* *misi-ta* *biča-k.*
 я:DIR ваша кошка-OBL.SG видеть-PERF
 ‘Я видел вашу кошку’.

Ситуация, однако, осложняется во множественном числе, где прямой и косвенный падежи не различаются, причем, как указывается в работе [Guettler, Van Valin 2004: 298], порядок слов⁹ А–Р–В является в таких случаях лишь предпочтительным, но не обязательным; тем самым, примеры (24а, б) [Ibid.: 298–299] двузначны¹⁰:

яки

- (24) а. *u-te* *goi-m* *u-te* *či'ui-im* *ke'e-ka.*
 ART-PL койот-PL ART-PL собака-PL кусать-PERF
 ‘Койоты укусили собак’. / ?‘Собаки укусили койотов’.
 б. *u-te* *či'ui-im* *u-te* *goi-m* *ke'e-ka.*
 ART-PL собака-PL ART-PL койот-PL кусать-PERF
 ‘Собаки укусили койотов’. / ?‘Койоты укусили собак’.

Как уже было сказано, в яки аккузативная стратегия оформления ядерных ролей представлена в независимых предложениях. В подчиненных же предикациях положение иное: они неизменно следуют нейтральной стратегии, причем все аргументы кодируются при помощи косвенного падежа. Такая ситуация является следствием того, что в яки подлежащее (роли S и A) зависимой предикации маркируется косвенным падежом, а не прямым; оформление прочих аргументов предиката при этом никак не меняется. Ср. примеры (25)–(27) [Lindenfeld 1973: 65, 81, 103], где представлены определительные и адвербальные придаточные, а также синтенциальные дополнения:

яки

- (25) *hi* *kari* [*in* *ačai-ta* *hinuk-a?u*] *weče-k.*
 ART.DIR.SG дом(DIR.SG) мой отец-OBL.SG купил-REL упасть-PERF
 ‘Дом, который купил мой отец, разрушился’.
- (26) [*hi-ka* *o?oo-ta* *yepsak-o*] *itapo* *saha-k.*
 ART-OBL человек-OBL.SG пришел-TEMP мы:DIR уйти-PERF
 ‘Когда этот человек пришел, мы ушли’.
- (27) *na = a* *biča* *ke* [*hi-ka* *usi-ta* *či?i-ta* *kipwe-?u*].
 я:DIR = это вижу что ART-OBL.SG ребенок-OBL.SG собака-OBL.SG имеет-REL
 ‘Я вижу, что у ребенка есть собака’.

Данные примеры, в особенности (27), показывают, что в придаточных предложениях в яки роли А и Р не различаются при помощи падежных показателей.

Объясняется такого рода кодирование подлежащего в придаточных предложениях просто: нефинитные глагольные формы в зависимых предикациях яки являются, по крайней мере, исторически, отглагольными именами, требующими постановки аргумента с ролью S или A в атрибутивную форму; зависимое же имена в яки маркируется косвенным падежом, ср. пример (28) [Lindenfeld 1973: 56]. Подтверждением этого является тот факт, что в таких конструкциях подлежащее может выражаться также и

⁹ О роли порядка слов и других неморфологических факторов в функционировании принципа различительности см. работу [de Hoop, Lamers 2006].

¹⁰ Ср. замечание А.Е. Кибрика о неоднократно оспаривавшейся двузначности русских предложений типа *Мать любит дочь* [Кибрик 2007: 83, сн. 11].

особой формой личного местоимения, употребляющейся в посессивных конструкциях, ср. пример (29) [Ibid.: 72]:

яки

- (28) *in ačai-ta čonim tosalī.*
мой отец-OBL.SG волосы седой
'Волосы моего отца седые'.

- (29) *ini-ka bači-ta [em hinuk-a?i] nee maka.*
ART-OBL.SG зерно-OBL.SG твой купил-REL я:OBL дать.IMP
'Дай мне зерно, которое ты (A) купил'.

Такого рода маркирование подлежащего в придаточных предложениях с именной формой глагола довольно часто встречается в языках мира (ср. [Keenan 1985: 160–161; Lehmann 1988: 195–200; Сердобольская 2005]). Рассмотрим аналогичное явление в коми-зырянском языке, где подлежащее зависимой предикации в ряде случаев оформляется так же, как приименное зависимое, ср. примеры (30)–(32) [Сердобольская 2005: 51].

коми-зырянский (пермская группа уральской семьи, Россия)

- (30) *te təd-a [soš'ed-lən təsk-as guš'al-əm] jilisⁱ.*
я.NOM знать-NPST сосед-GEN1 корова-ACC воровать-NML о
'Я знаю, что сосед украл корову'.

- (31) *te kill-i [bat'-liš' gorz-əm-sə mama vi/ə].*
я.NOM слышать-PST отец-GEN2 кричать-NML-ACC мать на
'Я слышал, как отец кричал на мать'.

- (32) *vaš'a-lən gətir-iš*
Вася-GEN1 жена-3
'Васина жена'.

Коми-зырянский язык, как и другие финно-угорские языки, обладает богатой падежной системой, где есть отдельные падежи для кодирования ядерных ролей, в том числе Р, и приименных зависимых (в коми-зырянском имеется даже два генитива, каждый из которых может оформлять подлежащее вложенной клаузы, ср. (30) и (31)), что позволяет этому языку сохранять аккузативную стратегию кодирования аргументов и в зависимых клаузах.

Принципиальная особенность ситуации в яки, тем самым, заключается в том, что здесь, как и в иранских языках, типологически естественные модели «расщепленного» кодирования актантов взаимодействуют с двухпадежной системой: наличие всего одного формального средства для оформления основных «косвенных» синтаксических функций приводит к ряду разнообразных случаев их неразличения.

Итак, рассмотренные выше данные индоиранских и юто-ацтекских языков со всей убедительностью свидетельствуют о том, что, помимо принципов экономии и различительности, в организации систем падежного маркирования первостепенную роль играет также принцип семантической мотивированности или иконичности (формулировка по [Кибрик 1992: 188], см. также [Haiman 1985; Du Bois 1985; Givón 1995]): «семантически одинаковое кодировать тождественно, семантически различное – по-разному». Именно требование по-разному кодировать разные типы S, A и P лежит в основе столь частых случаев «расщепленного» оформления этих ролей (ср. подробную аргументацию этого тезиса в [Lazard 1994], ср. также [Кибрик 2003: гл. 10]). Роль принципа различительности, в особенности его синтагматического варианта в этих процессах, напротив, далеко не столь высока, и может вообще подав-

ляться в тех случаях, когда язык не располагает достаточным количеством грамматикализованных морфологических средств не только для иконического, но и для различительного кодирования аргументов.

Адекватная теория падежного маркирования должна учитывать роль всех указанных факторов и допускать, чтобы в разных языках они могли иметь разный вес. Как представляется, такая теория может быть сформулирована в рамках формализма функционально-ориентированной Теории оптимальности.

3. ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Основная идея Теории оптимальности (далее ТО; см. основополагающую монографию [Prince, Smolensky 2004/1993], а также монографии [Kager 1999; McCarthy 2002], сборники [Dekkers et al. (eds.) 2000; Legendre et al. (eds.) 2001]; на русском языке краткое изложение идей ТО дается в [Тестелец 2001: 651–654] и [Князев 1999]; из работ, непосредственно касающихся падежного маркирования, следует указать [Legendre et al. 1993; Nakamura 1999; Aissen 1999; 2003; Woolford 2001; Wunderlich, Lekämper 2001; Lee 2003; Primus 2003; de Hoop, Narasimhan 2005; de Hoop, Malchukov 2006]) заключается в том, что универсальные принципы, ограничивающие грамматики языков мира, допускают исключения и нарушения. При этом для каждого конкретного языка существует определенное ранжирование релевантных для него ограничений. Языковые структуры, нарушающие ограничения с более высоким рангом, оказываются менее приемлемыми или вовсе неграмматичными по сравнению с теми, что нарушают более слабые ограничения. Важное достоинство идеологии ТО заключается в том, что она позволяет формализовать основные принципы функционального подхода к языку, в частности, принцип противоречащих мотиваций (competing motivations, [Haiman 1985]; см. обсуждение связи между ТО и функционализмом в статье [Haspelmath 1999]).

Кратко охарактеризую архитектуру и основные понятия ТО. Грамматика, по ТО, состоит из трех основных компонентов:

– **CON**: множество ограничений (constraints), которые удобно рассматривать как предикаты над множеством любых языковых выражений – слов, предложений, синтаксических групп, фонетических цепочек, структурных схем, семантических представлений и т.п. С **CON** соотносится множество всех возможных отношений порядка над ним; такие отношения порядка называются ранжированием ограничений (constraint ranking). Совокупность ранжированных ограничений задает грамматику языка. Тот факт, что ограничение C_j ранжировано выше ограничения C_i при данном ранжировании, обозначается $C_j >> C_i$; при этом говорят, что ограничение C_j сильнее ограничения C_i .

– **GEN**: функция, которая в ходе (input), т.е. произвольному языковому выражению, сопоставляет множество (мы будем для простоты считать, что такое множество всегда конечно) других языковых выражений – кандидатов (candidates). Функция **GEN**, фактически, соотносит некоторое «глубинное» (например, семантическое) представление с множеством его потенциальных «поверхностных» реализаций.

– **EVAL**: функция, которая для кортежа $\langle \text{Inp}, \text{Rank}, \text{Cand}: \{w_1, w_2, \dots, w_n\} \rangle$, где **Inp** – языковое выражение-вход, **Rank** – некоторое ранжирование ограничений, **Cand** = **GEN**(**Inp**), вычисляет единственный оптимальный (optimal) кандидат-выход (output) при помощи следующего рекурсивного алгоритма:

(а) для каждого ограничения $C_i \in \text{Rank}$ в порядке убывания их силы, **EVAL** просматривает все кандидаты, не помеченные как неоптимальные, на предмет нарушения/удовлетворения ими C_i . Если среди этих кандидатов есть как удовлетворяющие C_i , так и нарушающие C_i , то все кандидаты, нарушающие C_i , помечаются как неоптимальные;

(б) при переходе к более слабому ограничению C_{i+1} рассматриваются только кандидаты, не помеченные ранее как неоптимальные, и повторяется шаг (а);

(с) кандидат, не помеченный к концу просмотра всех ограничений как неоптимальный, признается победителем – оптимальным кандидатом¹¹.

Для наглядности действия функции EVAL изображается в виде таблицы. Рассмотрим табл. 3, где $\text{Inp} = K$, $\text{Cand} = \{A, B, C\}$, а $\text{Rank} = C_1 >> C_2 >> C_3$.

Таблица 3

Пример действия функции EVAL

K	C ₁	C ₂	C ₃
A	*!	*	
~B		*	
C		*	*!

Ранжирование ограничений обозначается их расположением в верхней строке таблицы слева направо. Нарушение данного ограничения данным кандидатом обозначается знаком * на пересечении строки данного кандидата и столбца данного ограничения. Знак ! рядом со знаком * обозначает «фатальное» нарушение и исключение кандидата из дальнейшего рассмотрения. Как видно, кандидат A является единственным, нарушающим сильнейшее ограничение C_1 , и тем самым, уже не важно, какие из более слабых ограничений он нарушает, а каким удовлетворяет (это изображается затемнением клеток строки справа от клетки со знаком *!). Переходя к ограничению C_2 , мы видим, что его нарушают вообще все (оставшиеся после «гибели» A) кандидаты, и оно, тем самым, нерелевантно. Поэтому судьбу кандидатов B и C решает наиболее слабое ограничение C_3 : B ему удовлетворяет и поэтому побеждает, что обозначается знаком ~*. Здесь следует подчеркнуть важнейший принцип ТО: для оценки кандидатов значение имеет лишь ранг ограничений, которые нарушает тот или иной кандидат, но не их число: кандидат, удовлетворяющий сильнейшему ограничению, но многократно нарушающий слабейшие, все равно оказывается оптимальным.

Для дальнейшего рассмотрения нам понадобится несколько более сложных понятий. Во-первых, это **конъюнкция ограничений** (conjunction of constraints): $A \& B >> A, B$ (ограничение, являющееся конъюнкцией двух других, сильнее каждого из них по отдельности). Во-вторых, это центральное для анализа падежных систем понятие **иерархии ограничений**, определяемой как такое множество ограничений, ранжирование которого не подвержено межязыковому варьированию (подробнее см. [Aissen 1999; 2003]). Иерархии ограничений в рамках ТО пригодны для формализации действия известных типологических иерархий, например, иерархии одушевленности. Так, иерархия (33) отражает интуицию «дискриминаторной» теории падежного маркирования о том, что для участника в роли Р более «естественно» находиться на правом краю иерархии одушевленности.

(33) *LOC/P >> *HUMAN/P >> *ANIMATE/P >> *INANIMATE/P

Для того чтобы, во-первых, предсказать типологическое разнообразие, связанное с действием таких иерархий, и, во-вторых, не допустить того, чтобы менее «естественные» языковые структуры вообще не порождались, иерархии ограничений дополняются ограничениями других типов. Рассмотрим ограничение $*\emptyset$. Само по себе оно просто запрещает тем или иным образом немаркованные языковые структуры, например, именные группы, не оформленные показателем падежа. Более глубокий

¹¹ Легко доказать, что при такой формулировке оптимальный кандидат всегда существует, причем только один.

смысл, однако, имеет конъюнкция данного ограничения с иерархиями типа (33), порождающая иерархию ограничений в (34):

- (34) *LOC/P & *Ø >> *HUMAN/P & *Ø >> *ANIMATE/P & *Ø >> *INANIMATE/P & *Ø

Иерархия ограничений в (34) гласит, что комбинации признаков, более «когнитивно маркированные» (см. [Кибрик 2003: 45]), не могут быть немаркированными формально; тем самым, данные иерархии являются формализацией принципа иконичности.

Наконец, для того чтобы иерархии ограничений окончательно «заработали», требуется еще одно ограничение, «противоположное» ограничению *Ø, а именно *STRUC, запрещающее, напротив, формально маркированные языковые структуры. Помещая в ранжировании данное ограничение между теми или иными ограничениями в иерархии (34), можно предсказать, в какой точке данный язык переходит от формально немаркированных структур к формально маркированным. Так, в языке дирбал, рассмотренном в разд. 1, ранжирование соответствующих ограничений выглядит так:

- (35) *LOC/P & *Ø >> *STRUC >> *HUMAN/P & *Ø >> *ANIMATE/P & *Ø >>
>> *INANIMATE/P & *Ø

Ранжирование (35) соответствует тому факту, что в дирбал показатель аккузатива имеют лишь P, являющиеся личными или указательными местоимениями.

Итак, в данном разделе были продемонстрированы основные понятия ТО и те более частные аспекты ее формализма, которые имеют непосредственное отношение к проблеме «расщепленного» падежного маркирования. В следующем разделе будет предложено описание в рамках данной концепции фактов, рассмотренных в разд. 2.

4. ОПИСАНИЕ ФАКТОВ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ В ТЕРМИНАХ ТО

Как уже было отмечено в разд. 2, рассмотренный здесь материал двухпадежных систем показывает, что для описания явлений «расщепленного» кодирования ядерных актантов необходимо учитывать не только принципы различительности и экономии, но и принцип иконичности, требующий формального маркирования определенных сочетаний семантических и прагматических признаков. Кроме того, адекватная теория падежного маркирования должна допускать, чтобы в разных языках указанные принципы, точнее, их конкретно-языковые манифестации, могли иметь разный ранг. Такого рода концепция может быть сформулирована в рамках Теории оптимальности, формализм которой был охарактеризован в разд. 3. В данном разделе интересующая нас концепция падежного маркирования будет построена и применена к конкретным фактам.

Для максимально простого описания приведенного выше материала нам понадобятся следующие ограничения и иерархии ограничений:

- (36) a. DIST(inguishability): именные группы с ролями A и P должны быть различены; при этом, если они обладают похожими или тождественными семантико-прагматическими свойствами, они должны быть различены формально;
- b. *STRUCCASE: языковые структуры, содержащие морфологически выраженные падежи, запрещены;
- c. *INDIVP/Ø >> *NONINDIVP/Ø: индивидуализированный P скорее получает формальное кодирование, чем неиндивидуализированный P; под степенью «индивидуализации» понимается положение участника на иерархиях одушевленности/референциальности; граница между индивидуализированным и неиндивидуализированным участником в разных языках может проходить по-разному; подчеркну, что точка зрения на соотношение «прототипических» и «непрототипических» P, отстаиваемая здесь, прямо противоположна «дискриминаторной» концепции, и скорее лежит в русле уже упоминавшейся гипотезы тран-

- зитивности П. Хоппера и С. Томпсон: высокоиндивидуализированный Р в большей степени вовлечен в переходную ситуацию, нежели низкоиндивидуализированный, и именно эта высокая степень вовлеченности получает формальное выражение (ср. [Næss 2004; 2006]);
- d. *PASTA/Ø >> *NONPASTA/Ø: А при прошедшем времени/перфективном виде сказуемого скорее получает формальное маркирование, чем А при непрошедшем времени/имперфективном виде сказуемого; см. [Horreg, Thompson 1980; Tsunoda 1981]; такое ранжирование, как и предыдущее, касающееся Р, обусловлено тем фактом, что «прототипический» А – такой, который не только совершает действие, но и в том или ином смысле обладает его результатами, что возможно лишь тогда, когда ситуация (или по крайней мере ее фрагмент) уже имела место; при этом формальное выражение получает не отклонение от «прототипа», а как раз «прототипическая» агентивность;
 - e. *EMBEDSB/Ø >> *INDEPSB/Ø: подлежащее (участник с ролями S или A) независимой предикации более «естественно», чем подлежащее зависимого предложения; данное ограничение связано с тем, что лишь в независимом предложении подлежащее является «полноценным» с точки зрения прагматических свойств топикальности и «фокуса эмпатии» (ср. [DeLancey 1981]); в данном случае формальная маркированность иконически отражает семантическую.

Как видно, иерархии ограничений (36c) и (36d) коренным образом отличаются от «иерархий маркированности», используемых как в «дискриминаторной» концепции, так и в ее ТО-формализациях. Эти ограничения не запрещают эксплицитное кодирование некоторой комбинации семантических признаков, а напротив, требуют того, чтобы определенное значение – «прототипический» А и «прототипический» Р – получало определенное формальное выражение. Напротив, иерархия (36e) интерпретируется в духе иерархий маркированности.

Отдельного комментария заслуживает принятая здесь формулировка ограничения различительности DIST. Для простоты я буду считать, что данное ограничение нарушается всякий раз, когда А и Р выражены одинаково и при этом указанные участники обладают схожими семантико-прагматическими свойствами¹². Возможность различия данных аргументов при помощи других средств, в частности, порядка слов, во внимание приниматься не будет.

Входом для ТО-оценки при помощи указанных ограничений будут абстрактные аргументные структуры типа $\langle A, P \rangle$, снабженные такими признаками как степень индивидуализации, вид/время, статус предикации. Кандидаты получаются приписыванием этим аргументным структурам всех возможных комбинаций релевантных падежей (см. ниже). При этом кандидаты с заведомо «абсурдными» комбинациями семантической роли и падежа (например, Р, оформленный эргативом) не рассматриваются; эти кандидаты отсеиваются более высоко ранжированными ограничениями, связывающими конкретный падеж с теми семантическими ролями, которые он в принципе может кодировать.

Наконец, для того чтобы эксплицитно отразить характер падежной системы рассматриваемых языков, я отказываюсь от принятой некоторыми исследователями (см. [Woolford 2001; Aissen 2003]) идеи о возможности вывести из системы ранжированных ограничений не только характер падежного маркирования, но и сам состав падежной системы языка (ср. аналогичное решение в работах [Wunderlich, Lekämper 2001; de Hoop, Malchukov 2006]). Я полагаю, что набор падежей в языке является характеристикой, в принципе не зависящей от рассматриваемых ограничений, и задаю его отдельно. Данное решение, как представляется, подтверждается рассмотренными фак-

¹² Это ограничение считается нарушенным также в тех случаях, когда А менее индивидуализирован, чем Р.

тами, демонстрирующими, что одни и те же функциональные принципы действуют в языках с существенно различными падежными системами.

Перейдем к описанию рассмотренных в разд. 2 данных в рамках ТО. Начнем с менее сложного материала языка яки, где представлен лишь один тип «расщепленного» падежного маркирования. Ввиду того, что тип Р в этом языке никак не влияет на кодирование этой роли при помощи косвенного падежа, оба ограничения из соответствующей иерархии (36с) должны быть ранжированы выше ограничения *STRUCCASE. Напротив, т.к. независимо от вида и времени глагола А в яки (в независимых предикациях) единообразно оформляется немаркованным прямым падежом, оба ограничения иерархии (36d) в этом языке ранжированы ниже *STRUCCASE. Наконец, единственная иерархия, играющая роль в яки – иерархия (36е) – «разбивается» ограничением *STRUCCASE: ее первый член ранжирован выше его, а второй – ниже. Что же касается ограничения DIST, то его ранг в этом языке весьма низок; для простоты можно считать, что оно ранжировано непосредственно после *STRUCCASE. В результате мы получаем для яки ранжирование ограничений, представленное в (37). ТО-оценку независимых и подчиненных переходных предикаций в яки см. в табл. 4 и 5. Нерелевантные для яки ограничения из иерархии (36d) исключены из таблицы по соображениям экономии места.

(37) *EMBEDSB/Ø >> *INDIVP/Ø >> *NONINDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> DIST >>
*INDEPSB/Ø >> *PASTA/Ø >> *NONPASTA/Ø

Таблица 4

ТО-оценка падежного кодирования в независимых предложениях в яки

$\langle A, P; \text{indep} \rangle$ {Dir, Obl}	*EMBEDSB/Ø	*INDIVP/Ø	*NONINDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/Ø
a. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Dir} \rangle$		*!	*!		(*)	
b. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Obl} \rangle$				*		
c. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Obl} \rangle$				**!	(*)	*
d. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Dir} \rangle$		*!	*!	*		*

Таблица 5

ТО-оценка падежного кодирования в зависимых предложениях в яки

$\langle A, P; \text{embed} \rangle$ {Dir, Obl}	*EMBEDSB/Ø	*INDIVP/Ø	*NONINDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/Ø
a. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Dir} \rangle$	*!	*	*		(*)	
b. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Obl} \rangle$	*!			*		
c. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Obl} \rangle$				**	(*)	
d. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Dir} \rangle$		*!	*!	*		

Прокомментирую приведенные таблицы. Во-первых, знаки нарушения в колонках ограничений из (36с), связанных со степенью индивидуализации Р, следует рассматривать как дизъюнктивные: в каждом случае нарушено лишь одно из них, но не оба. Во-вторых, скобки при знаке нарушения в колонке ограничения DIST связаны, опять же,

с неспецифицированностью прагматических свойств А и Р во входе. Как видно, нижестоящее ограничение *STRUCCASE во всех типах предикаций работает одинаковым образом, однако «фатальность» его нарушения меняется в зависимости от действия вышестоящих ограничений иконичности. В обоих типах предложений запрещены немаркированные Р, в том числе и тогда, когда изменение кодирования Р «спасло» бы данную структуру с точки зрения различительности (см. кандидат *d* в табл. 5). Выбор между кандидатами *b* и *c* в независимых предложениях, т.е. между кодированием обоих ядерных аргументов косвенным падежом и аккузативной стратегией осуществляется при помощи ограничения *STRUCCASE: в немаркированном типе предикации такое «размножение» косвенного падежа оказывается слишком неэкономным. Напротив, в зависимых предикациях данное ограничение уже не играет роли – здесь выбор между кандидатами всецело зависит от ограничений иконичности. Что же касается ограничения различительности DIST, то оно в яки вообще нерелевантно.

Перейдем к существенно более сложному материалу индоиранских языков. Здесь нужно учитывать уже два независимых друг от друга типа «расщепленного» кодирования – дифференцированное оформление А в зависимости от времени/вида и дифференцированное оформление Р в зависимости от одушевленности/определенности соответствующего участника. Таким образом, для описания фактов языка вафси необходимо, чтобы вышестоящие ограничения иерархий (36c) и (36d) были сильнее *STRUCCASE, а нижестоящие, напротив, слабее. Тот факт, что эти грамматические процессы никак не зависят друг от друга, отражается в отсутствии какого-либо ранжирования ограничений разных иерархий между собой. Ограничение DIST также должно быть ранжировано довольно низко. Ранжирование соответствующих ограничений для вафси представлено в (38).

- (38) *PASTA/Ø, *INDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> DIST >> *NONPAST/Ø, *NONINDIVP/Ø

Рассмотрим сначала ТО-оценку типа предложения с настоящим временем сказуемого и неиндивидуализированным Р (далее при анализе индоиранского материала будем считать, что А всегда высокоиндуализирован), см. табл. 6.

Таблица 6

ТО-оценка предложения с настоящим временем и неиндивидуализированным Р в вафси

<i><A, P: non-ind; non-past>, {Dir, Obl}</i>	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPAST/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <i><A: Dir, P: Dir></i>	—	—	—	*	—	*
b. <i><A: Dir, P: Obl></i>	—	—	!	*	—	—
c. <i><A: Obl, P: Dir></i>	—	—	!	—	—	*
d. <i><A: Obl, P: Obl></i>	—	—	!*	—	—	—

Как видно из табл. 6, выбор между кандидатами в данном случае определяется исключительно ограничением маркированности *STRUCCASE: сильные ограничения иконичности в данном случае тривиальным образом выполняются.

Для наглядности рассмотрим также случаи, когда «непрототипическим» является лишь один из аргументов переходного предиката, т.е. предложения с индуализированным Р при настоящем времени глагола (табл. 7) и с прошедшим временем глагола при неиндивидуализированном Р (табл. 8).

Таблица 7

ТО-оценка предложения с настоящим временем и индивидуализированным Р в вафси

$\langle A, P: \text{ind; non-past}, \{\text{Dir, Obl}\}$	*PASTA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Dir, P: Dir} \rangle$		*		*	*	
b. $\langle A: \text{Dir, P: Obl} \rangle$			*		*	
c. $\langle A: \text{Obl, P: Dir} \rangle$		*	*			
d. $\langle A: \text{Obl, P: Obl} \rangle$			**!			

Таблица 8

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и неиндивидуализированным Р в вафси

$\langle A, P: \text{non-ind; past}, \{\text{Dir, Obl}\}$	*PASTA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Dir, P: Dir} \rangle$	*					*
b. $\langle A: \text{Dir, P: Obl} \rangle$	*		*			
c. $\langle A: \text{Obl, P: Dir} \rangle$			*			*
d. $\langle A: \text{Obl, P: Obl} \rangle$			**!			

Как видно, принятый формализм верно предсказывает аккузативное и эргативное кодирование в этих двух случаях.

Перейдем наконец к случаю «канонического» переходного предложения (с прошедшим временем сказуемого и индивидуализированным Р), см. табл. 9.

Таблица 9

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и индивидуализированным Р в вафси

$\langle A, P: \text{ind; past}, \{\text{Dir, Obl}\}$	*PASTA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Dir, P: Dir} \rangle$	*	*		*		
b. $\langle A: \text{Dir, P: Obl} \rangle$	*		*			
c. $\langle A: \text{Obl, P: Dir} \rangle$		*	*			
d. $\langle A: \text{Obl, P: Obl} \rangle$			**	*		

Табл. 9 демонстрирует, что оптимальный кандидат *d*, т.е. квазинейтральная стратегия оформления актантов, – единственный, не нарушающий сильных ограничений иконичности; все остальные кандидаты, в том числе и те, что, в отличие от оптимального, не нарушают принципа различительности, отсекаются именно этими ограничениями.

Обратимся теперь к данным языка хинди и посмотрим, как указанные ограничения взаимодействуют с более богатой падежной системой, позволяющей по-разному оформлять А при перфективном виде и высоко индивидуализированный Р. Интересно, что для хинди оказывается пригодным то же самое ранжирование (38), что описывало распределение падежных показателей в вафси. Это, впрочем, не удивительно:

как мы видели, функциональные принципы, организующие релевантный фрагмент грамматик хинди и вафси, тождественны, а именно эти принципы и отражены в ограничениях и их ранжировании. ТО-оценка минимально и максимально «маркированных» типов предложений в хинди представлена в табл. 10 и 11.

Таблица 10

ТО-оценка предложения с имперфективным видом и неиндивидуализированным Р в хинди

$\langle A, P: \text{non-ind}; \text{non-perf} \rangle, \{ \text{Nom}, \text{Obj}, \text{Erg} \}$	*PASTA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$					*	*
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Obj} \rangle$			*!		*	
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$			*!			*
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Obj} \rangle$			*!*			

Таблица 11

ТО-оценка предложения с перфективным видом и индивидуализированным Р в хинди

$\langle A, P: \text{ind; perf} \rangle, \{ \text{Nom}, \text{Obj}, \text{Erg} \}$	*PASTA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$	*!	*		*		
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Obj} \rangle$	*!		*			
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$		*!	*			
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Obj} \rangle$			**	✓		

Сравнение табл. 6 (вафси) и 10 (хинди) показывает, что наименее «маркованные» типы предложений (т.е. с настоящим временем и неиндивидуализированным Р) в этих языках тождественны с точки зрения кодирования актантов: в обоих языках как А, так и Р остаются неоформленными (точнее, оформляются наименее маркованным падежом – прямым в вафси и номинативом в хинди). Что касается наиболее «маркованного» типа предикации, то разница между вафси и хинди касается лишь ограничения DIST: в вафси оно нарушается, а в хинди – нет, что помечено в табл. 11 знаком ✓. Важно отметить, однако, что различие в соответствии оптимального кандидата ограничению различительности никак не влияет на оценку кандидатов: в обоих языках кандидаты, содержащие меньше падежно-маркованных именных групп, отсекаются вышестоящими ограничениями иконичности.

Случаи, подобные представленному в вафси, когда независимое действие двух разных правил «расщепленного» кодирования актантов приводит к нарушению принципа различительности, не столь многочисленны и представлены в основном в языках с бедными падежными системами. Кроме того, даже в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда для того, чтобы избежать квазинейтрального оформления ядерных актантов переходного предложения, правила «расщепленного» кодирования дополнительно распределяются. Рассмотрим в связи с этим материал языка заза (северо-западная подгруппа иранской группы языков, Турция, [Selcan 1998]).

В языке заза представлена двухпадежная система, морфологически очень напоминающая систему языка вафси. В заза имеются те же два распространенных в этом аре-

але типа «расщепленного» кодирования: А оформляется прямым падежом в имперфективных предложениях (примеры (39), (40) [Selcan 1998: 277–279]) и косвенным в перфективных (пример (41) [Ibid.]), а Р оформляется косвенным падежом в случае его высокой индивидуализации (в заза это одушевленность, пример (40)) и прямым в остальных контекстах (примеры (39), (41)).

заза (северо-западная группа иранских языков, Турция)

- (39) *televe* *kitav* *cēn-o.*
 студент(DIR.SG) книга(DIR.SG) брать-PRS.3SG
 ‘Студент берет книгу’.
- (40) *televe* *malum-i* *vinen-o.*
 студент(DIR.SG) учитель-OBL.SG видеть-PRS.3SG
 ‘Студент видит учителя’.
- (41) *televe-y* *kitav* *di.*
 студент-OBL.SG книга(DIR.SG) видеть:PST.3
 ‘Студент увидел книгу’.

Существенное отличие заза от вафси, однако, проявляется именно в контекстах максимального «нагромождения» «канонических» признаков переходности, т.е. в предложениях с перфективным видом и одушевленным Р. В отличие от вафси, заза не допускает здесь квазинейтрального оформления актантов, разрешая эту коллизию путем нейтрализации разных степеней индивидуализации Р: данная роль при перфективном виде скажемого единообразно оформляется прямым падежом, ср. примеры (41) и (42) [Ibid.]:

заза

- (42) *televe-y* *malim(*-i)* *di.*
 студент-OBL.SG учитель(*-OBL) видеть:PST.3
 ‘Студент увидел учителя’.

Для описания данного феномена в рамках принятого здесь формализма ТО необходимо предположить, что в заза ограничение различительности DIST ранжировано выше, чем ограничение иконичности *INDIVP/Ø, ср. ранжирование (43):

- (43) *PASTA/Ø >> DIST >> *INDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> *NONPAST/Ø,
 *NONINDIVP/Ø

Как легко убедиться из табл. 12 и 13, данное ранжирование дает верные результаты как для наиболее, так и для наименее «маркированных» типов предикаций¹³.

Таблица 12

ТО-оценка предложения с настоящим временем и неиндивидуализированным Р в заза

<i><A, P: non-ind; non-past>, {Dir, Obl}</i>	*PASTA/Ø	DIST	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <i><A: Dir, P: Dir></i>					*	*
b. <i><A: Dir, P: Obl></i>				*	*	
c. <i><A: Obl, P: Dir></i>				*		*
d. <i><A: Obl, P: Obl></i>				*!		

¹³ Читатель может самостоятельно убедиться в том, что изменение ранжирования никак не влияет на дифференцированное маркирование Р в предложениях с имперфективным видом.

Таблица 13

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и индивидуализированным Р в зазе

$\langle A, P: \text{ind; past} \rangle,$ $\{\text{Dir, Obl}\}$	*PASTA/ \emptyset	DIST	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	*NONPASTA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Dir} \rangle$	*!	*	*			
b. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Obl} \rangle$	*!			*		
c. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Dir} \rangle$			*	*		
d. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Obl} \rangle$		*!		**		

Как видно из табл. 12, повышение в ранге ограничения различительности не оказывает влияния на предложения с неиндивидуализированным Р, поскольку данное ограничение в них выполняется по семантическим причинам. Напротив, при сочетании перфективного вида с одушевленным Р более высокий ранг DIST играет ключевую роль, запрещая кандидат *d* с квазинейтральной стратегией и делая оптимальным менее «иконичный», но зато «различительный» кандидат *c*.

Наконец, для того, чтобы показать, как данный формализм может «справиться» с материалом, служившим подтверждением «дискриминаторной» теории падежного маркирования, обратимся к данным языков дирбал и форе. В дирбALE «расщепленное» кодирование обеих переходных ролей обусловлено положением соответствующих участников на иерархии одушевленности. Следовательно, помимо иерархии ограничений (36с), касающейся Р, нам понадобится иерархия (44), соотносящая роль А со степенью индивидуализации.

(44) *NONINDIVA/ \emptyset >> *INDIVA/ \emptyset

Высоко индивидуализированным в дирбал считается участник-локутор или участник, выраженный указательным местоимением, в то время как участники, занимающие более низкие позиции на иерархии одушевленности, в том числе и обозначающие людей, считаются в дирбал низко индивидуализированными. Для отражения фактов, представленных в разд. 1, примеры (4) и (5), подходит следующее ранжирование ограничений:

(45) *NONINDIVA/ \emptyset , *INDIVP/ \emptyset >> *STRUCCASE >> DIST >> *INDIVA/ \emptyset ,
*NONINDIVP/ \emptyset

Ранжирование ограничения экономии *STRUCCASE ниже обоих ограничений на морфологически не маркованные комбинации признаков индивидуализации и семантической роли позволяет формально кодировать оба типа «неестественных» актантов, см. табл. 14–17.

Таблица 14

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в дирбALE

$\langle A: \text{indiv}, P: \text{non-indiv} \rangle,$ $\{\text{Nom, Acc, Erg}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$					*	*
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Acc} \rangle$			*!		*	
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$			*!			*
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Acc} \rangle$			*!*			

Таблица 15

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным Р в дирбALE

$\langle A: \text{indiv}, P: \text{indiv} \rangle,$ $\{\text{Nom, Acc, Erg}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$		*!		*	*	*
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Acc} \rangle$			*		*	
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$		*!	*			*
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Acc} \rangle$			**!			

Таблица 16

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в дирбALE

$\langle A: \text{non-indiv},$ $P: \text{non-indiv} \rangle,$ $\{\text{Nom, Acc, Erg}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$	*!			*		*
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Acc} \rangle$	*!		*			
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$			*			*
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Acc} \rangle$			**!			

Таблица 17

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р в дирбALE

$\langle A: \text{non-indiv},$ $P: \text{indiv} \rangle,$ $\{\text{Nom, Acc, Erg}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$	*!	*		*		
b. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Acc} \rangle$	*!		*			
c. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$		*!	*			
d. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Acc} \rangle$			**			

Как видно из приведенных таблиц, собственно ограничение различительности DIST в дирбALE не играет решающей роли – за различие актантов отвечают ограничения иконичности и, что особенно важно, падежная система, содержащая различающиеся формально эргатив и аккузатив. Таким образом, ситуация в дирбALE, фактически, мало чем отличается от ситуации в хинди. Если бы дирбAL был языком с двухпадежной системой, можно было бы ожидать появления в нем квазинейтральной стратегии при кодировании наиболее «маркированного» типа предложений (с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р), ср. табл. 18 для «псевдодирбала» с двухпадежной системой.

Таблица 18

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р в "псевдодирбale"

$\langle A: \text{non-indiv}, P: \text{indiv} \rangle, \{\text{Dir, Obl}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset	*INDIVP/ \emptyset	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/ \emptyset	*NONINDIVP/ \emptyset
a. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Dir} \rangle$	*!	*		*		
b. $\langle A: \text{Dir}, P: \text{Obl} \rangle$	*!		*			
c. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Dir} \rangle$		*!	*			
d. $\langle A: \text{Obl}, P: \text{Obl} \rangle$			**	*		

Языки, подобные «псевдодирбалу», среди известных мне языков с двухпадежными системами не засвидетельствованы, однако такие системы принципиально возможны¹⁴.

Перейдем к языку форе. Как мы видели в разд. 1, в этом языке показатель эргатива употребляется лишь в том случае, когда А и Р занимают примерно одинаковое положение на шкале одушевленности, точнее, когда Р расположен на этой шкале не ниже А. Сам Р при этом своего оформления не меняет. Для отражения эффектов «глобальной» различительности удобно рассмотреть конъюнкцию иерархии (44) с иерархией индивидуализации Р (36с)¹⁵, представленную в (46):

- (46) *NONINDIVA/ \emptyset & *INDIVP/ \emptyset >> *NONINDIVA/ \emptyset & *NONINDIVP/ \emptyset ,
 *INDIVA/ \emptyset & *INDIVP/ \emptyset >> *INDIVA/ \emptyset & *NONINDIVP/ \emptyset

Очевидно, что, поскольку в форе маркируются все отклонения от «канонического» переходного предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р, первые три члена иерархии (46) должны быть ранжированы выше ограничения экономии *STRUCCASE. Что же касается различительности DIST, то его позиция в ранжировании оказывается нерелевантной: его роль снова выполняют ограничения иконичности из (46). ТО-оценка разных типов переходных предложений в форе представлена в табл. 19–22.

Таблица 19

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в форе

$\langle A: \text{ind}, P: \text{non-ind} \rangle, \{\text{Nom, Erg}\}$	*NONINDIVA/ \emptyset & *INDIVP/ \emptyset	*NONINDIVA/ \emptyset & *NONINDIVP/ \emptyset	*INDIVA/ \emptyset & *INDIVP/ \emptyset	DIST	*STRUCCASE
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$					
b. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$					*!

¹⁴ Ср., однако, во многих отношениях похожую ситуацию в ваханском языке (памирская подгруппа юго-восточной группы иранских языков, см. [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976]), где нарушение принципа различительности происходит в системе личных местоимений, т.е. на крайне левом конце шкалы одушевленности: локутор с ролью Р всегда оформляется косвенным падежом местоимения; кодирование же местоименного А (в прошедшем времени), согласно работе [Bashir 1986], зависит от степени волитивности соответствующего участника и от уровня его выделенности в дискурсе.

¹⁵ Как легко доказать, конъюнкция двух иерархий А >> В и С >> Д порождает иерархию А&С >> >> В&С, А&Д >> В&Д.

Таблица 20

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным Р в форе

$\langle A: \text{ind}, P: \text{ind} \rangle,$ $\{\text{Nom}, \text{Erg}\}$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{NONINDIVP}/\emptyset$	$*\text{INDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	DIST	$*\text{STRUCCASE}$
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$!	*	
** b. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$					*

Таблица 21

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р в форе

$\langle A: \text{non-ind}, P: \text{ind} \rangle,$ $\{\text{Nom}, \text{Erg}\}$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{NONINDIVP}/\emptyset$	$*\text{INDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	DIST	$*\text{STRUCCASE}$
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$	*			*	
** b. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$					*

Таблица 22

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в форе

$\langle A: \text{non-ind}, P: \text{non-ind} \rangle,$ $\{\text{Nom}, \text{Erg}\}$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	$*\text{NONINDIVA}/\emptyset$ & $*\text{NONINDIVP}/\emptyset$	$*\text{INDIVA}/\emptyset$ & $*\text{INDIVP}/\emptyset$	DIST	$*\text{STRUCCASE}$
a. $\langle A: \text{Nom}, P: \text{Nom} \rangle$		*		*	
** b. $\langle A: \text{Erg}, P: \text{Nom} \rangle$					*

Как легко видеть из приведенных таблиц, «маркованные» комбинации признаков А и Р соотносятся с падежно-оформленным А при помощи сильных ограничений иконости, делающих собственно «глобальное» ограничение различительности излишним. Внимательный читатель, однако, мог заметить, что того же результата возможно достигнуть и при помощи лишь двух ограничений: DIST и *STRUCCASE. Тем самым, для данного материала теория падежного маркирования, учитывающая принцип иконости, и концепция, основанная лишь на принципах экономии и различительности, дают одинаковые результаты. Их предсказания, однако, существенно различны при столкновении с более сложным материалом индоиранских или юто-ацтекских языков, позволяющим продемонстрировать превосходство такой концепции падежного маркирования, которая не игнорирует принцип иконости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше данные показывают, что в основе различных стратегий падежного маркирования в языках мира лежит не принцип различительности, а принцип иконости, который требует, в частности, чтобы участники ситуации с одинаковыми или похожими семантическими ролями кодировались по-разному, если они обладают различающимися семантико-прагматическими свойствами, такими как одушевленность/личность, вовлеченность в ситуацию, местоименность, определенность, «фокус эмпатии» и т.п. Как было показано, во многих случаях эффекты принципа

различительности оказываются вторичными по отношению к требованиям принципа иконичности, поскольку нормальной ситуацией является такая, при которой эти логически независимые тенденции не противоречат друг другу, а, напротив, друг друга усиливают (как в хинди и дирбале). Тем не менее, в случае конфликта указанных принципов вовсе не всегда «побеждает» различительность. Как мы видели, в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда требования иконического оформления аргументов с теми или иными семантико- pragmaticическими свойствами приводят к «неразличительным» нейтральной и квазинейтральной стратегиям оформления актантов.

Рассмотренный материал, как представляется, со всей очевидностью свидетельствует о том, что функционально мотивированные правила парадигматической дифференциации разных типов участников ситуации существуют в языке независимо от того, какая именно падежная система в нем представлена. Содержательно близкие или даже тождественные грамматические процессы могут приводить к существенно разным стратегиям оформления актантов в языках с богатыми и бедными падежными системами. Напрашивается вывод, что сами «глобальные» стратегии падежного кодирования – аккузативная, эргативная и проч. – суть явления, не более чем производные по отношению к принципам, управляющим морфологическим кодированием отдельных аргументов.

Как, я надеюсь, мне удалось показать, подход, инкорпорирующий разные группы факторов, определяющих выбор стратегий падежного маркирования, в частности, грамматические правила, обусловленные принципом иконичности, оказывается более гибким и способным более адекватно отразить языковое разнообразие, в том числе и факты двухпадежных систем, ранее считавшиеся странными отклонениями от универсальных моделей. Дальнейшие эмпирические исследования должны показать, насколько широко применим подход, сформулированный в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркальев 2005 – П.М. Аркальев. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // ВЯ. 2005. № 4.
- Аркальев 2006 – П.М. Аркальев. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // М.Н. Боголюбов (ред.). Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сб. ст. к 75-летию проф. А.Л. Грюнберга (1930–1995). СПб., 2006.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 – А.Л. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский. Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М.; Л., 1976.
- Зограф 1976 – Г.А. Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
- Керимова, Растрогуева 1975 – А.А. Керимова, В.С. Растрогуева. Категория падежа // В.С. Растрогуева (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. М., 1975.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик 2007 – А.Е. Кибрик. Принципы и стратегии клаузального сочинения в дагестанских языках // ВЯ. 2007. № 3.
- Князев 1999 – С.В. Князев. О критериях слогоделения в современном русском языке: теория волны сонорности и теория оптимальности // ВЯ. 1999. № 1.
- Лакофф 1981/1971 – Дж. Лакофф. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1981. [G. Lakoff. Linguistic gestalts // Papers from the 13th Regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1977.]
- Маслова 2004 – Е.С. Маслова. Динамика типологических распределений и стабильность языковых типов // ВЯ. 2004. № 5.
- Пирейко 1968 – Л.А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
- Сердобольская 2005 – Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

- Тестлец 2001 – Я.Г. Тестлец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тестлец 2003 – Я.Г. Тестлец. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Aissen 1999 – J. Aissen. Markedness and subject choice in optimality theory // Natural language and linguistic theory. V. 17. 1999. № 4.
- Aissen 2003 – J. Aissen. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. V. 21. 2003. № 3.
- Arkadiev 2006 – P.M. Arkadiev. Two-term case systems in cross-linguistic perspective // Online proceedings of CESCL-1, Budapest, May 2006. Budapest, 2006. [<http://www.nytud.hu/cescl/proceedings.html>]
- Arkadiev 2008a – P.M. Arkadiev. Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking // P. de Swart, H. de Hoop (eds.). Differential subject marking. Dordrecht, 2008. [электронная версия ROA # 744, <http://roa.rutgers.edu>]
- Arkadiev 2008b – P.M. Arkadiev. Poor (two-term) case systems: Limits of neutralization // A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.). Handbook of case. Oxford, 2008.
- Bashir 1986 – E. Bashir. Beyond split-ergativity: Subject marking in Wakhi // Papers from the 22nd Regional meeting of the Chicago linguistics society. Chicago, 1986.
- Blake 2001/1994 – B.J. Blake. Case. 2nd ed. Cambridge, 2001.
- Bossong 1985 – G. Bossong. Empirische Universalienforschung: Differentielle Objekt-markierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.
- Butt, King 2002 – M. Butt, T.H. King. Case systems: Beyond structural distinctions // E. Brandner, H. Zinmeister (eds.). New perspectives on case theory. Stanford (CA), 2002.
- Butt, King 2004 – M. Butt, T.H. King. The status of case // V. Dayal, A. Mahajan (eds.). Clause structure in South-Asian languages. Dordrecht, 2004.
- Comrie 1978 – B. Comrie. Ergativity // W.P. Lehmann (ed.). Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language. Austin; London, 1978.
- Comrie 1979 – B. Comrie. Definite and animate direct objects: A natural class // Linguistica Silesiana. V. 3. 1979.
- Comrie 1989/1981 – B. Comrie. Language universals and linguistic typology. 2nd ed. Oxford, 1989.
- de Hoop, Lamers 2006 – H. de Hoop, M. Lamers. Incremental distinguishability of subject and object // L.I. Kulikov, A.L. Malchukov, H. de Hoop (eds.). Case, valency, and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2006. [электронная версия ROA # 796, <http://roa.rutgers.edu>]
- de Hoop, Malchukov 2006 – H. de Hoop, A.L. Malchukov. Case marking strategies. Ms., 2006. [электронная версия ROA # 797, <http://roa.rutgers.edu>]
- de Hoop, Narasimhan 2005 – H. de Hoop, B. Narasimhan. Differential case-marking in Hindi // M. Amberber, H. de Hoop (eds.). Competition and variation in natural languages: The case for case. Amsterdam, 2005.
- Dekkers et al. (eds.) 2000 – J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds.). Optimality theory. Phonology, syntax, and acquisition. Oxford, 2000.
- DeLancey 1981 – S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. V. 57. 1981. № 3.
- Dixon 1972 – R.M.W. Dixon. The Dyirbal language of North Queensland. Cambridge, 1972.
- Dixon 1979 – R.M.W. Dixon. Ergativity // Language. V. 55. 1979. № 1.
- Dixon 1994 – R.M.W. Dixon. Ergativity. Cambridge, 1994.
- Donohue, Donohue 1997 – C. Donohue, M. Donohue. Fore case marking // Language and linguistics in Melanesia. V. 28. 1997. № 1–2.
- Du Bois 1985 – J. Du Bois. Competing motivations // J. Haiman (ed.). Iconicity in syntax. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Du Bois 1987 – J. Du Bois. The discourse basis of ergativity // Language. V. 63. 1987. № 4.
- Givón 1995 – T. Givón. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Guerrero, Van Valin 2004 – L. Guerrero, R.D. Van Valin, Jr. Yaqui and the analysis of primary object languages // International journal of American linguistics. V. 70. 2004. № 3.
- Haiman 1985 – J. Haiman. Natural syntax, iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Haspelmath 1999 – M. Haspelmath. Optimality and diachronic adaptation // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Bd. 18. 1999. № 2.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. 1980.
- Kager 1999 – R. Kager. Optimality theory. Cambridge, 1999.
- Keenan 1985 – E.L. Keenan. Relative clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. 2. Cambridge, 1985.
- Kittilä 2002 – S. Kittilä. Remarks on the basic transitive sentence // Language sciences. V. 24. 2002.

- Lazard 1994 – *G. Lazard*. L'actance. Paris, 1994.
- Lee 2003 – *H. Lee*. Parallel optimization in case systems // M. Butt, T.H. King (eds.). Nominals: inside and out. Stanford (CA), 2003.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre, W. Raymond, P. Smolensky*. An optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // Proceedings of the 19th annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1993.
- Legendre et al. (eds.) 2001 – *G. Legendre, J. Grimshaw, S. Vikner* (eds.). Optimality theoretic syntax. Cambridge (Mass.), 2001.
- Lehmann 1988 – *Chr. Lehmann*. Towards a typology of clause linkage // *J. Haiman, S.A. Thompson* (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Lindenfeld 1973 – *J. Lindenfeld*. Yaqui syntax. Berkeley, 1973.
- Maslova, Nikitina 2006 – *E.S. Maslova, T. Nikitina*. Stochastic universals and dynamics of cross-linguistic distributions: The case of alignment types. Ms., 2006.
- McCarthy 2002 – *J.J. McCarthy*. A thematic guide to Optimality theory. Cambridge, 2002.
- Mallinson, Blake 1981 – *G. Mallinson, B.J. Blake*. Language typology. Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
- Masica 1991 – *C. Masica*. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991.
- Mohanan 1994 – *T. Mohanan*. Argument structure in Hindi. Stanford, 1994.
- Moravcsik 1978 – *E.A. Moravcsik*. On the limits of subject-object ambiguity tolerance // Papers in linguistics. V. 11. 1978. № 1–2.
- Nakamura 1999 – *W. Nakamura*. Functional optimality theory. Evidence from split case systems // M. Darnell, E. Moravcsik, F. Newmeyer, M. Noonan, K. Wheatley (eds.). Functionalism and formalism in linguistics. V. II: Case studies. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Næss 2004 – *Å. Næss*. What markedness marks: The markedness problem with direct objects // Lingua. V. 114. 2004. № 7.
- Næss 2006 – *Å. Næss*. Prototypical transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Nichols 1992 – *J. Nichols*. Linguistic diversity in space and time. Chicago; London, 1992.
- Payne 1979 – *J.R. Payne*. Transitivity and intransitivity in the Iranian languages of the U.S.S.R. // P.R. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer (eds.). The Elements: A parasession on linguistic units and levels, including papers from the conference on Non-Slavic languages of the USSR (The 15th annual meeting of the Chicago linguistic society). Chicago, 1979.
- Payne 1980 – *J.R. Payne*. The decay of ergativity in Pamir languages // Lingua. V. 51. 1980.
- Plank 1980 – *F. Plank*. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // J. Fisiak (ed.). Historical morphology. The Hague, 1980.
- Primus 1999 – *B. Primus*. Cases and thematic roles. Ergative, accusative and active. Tübingen, 1999.
- Primus 2003 – *B. Primus*. Proto-roles and case selection in optimality theory. Arbeiten des SFB 282 «Theorie des Lexikons». 2003. № 122.
- Prince, Smolensky 2004/1993 – *A. Prince, P. Smolensky*. Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. Oxford, 2004. [Ms. Rutgers University, 1993, электронная версия ROA # 537, <http://roa.rutgers.edu>]
- Selcan 1998 – *Z. Selcan*. Grammatik der Zaza-Sprache. Nord-Dialekt (Dersim-Dialekt). Berlin, 1998.
- Silverstein 1976 – *M. Silverstein*. Hierarchy of features and ergativity // R.M.W. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976.
- Song 2001 – *J.-J. Song*. Linguistic typology. Morphology and syntax. London, 2001.
- Stilo 2004 – *D. Stilo*. Grammar notes // D. Stilo (ed.). Vafsi folk tales. Wiesbaden, 2004.
- Testelec 1998 – *Y.G. Testelec*. On two parameters of transitivity // L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to V. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.
- Tsunoda 1981 – *T. Tsunoda*. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // Linguistics. V. 19. 1981. № 5/6.
- Wierzbicka 1980 – *A. Wierzbicka*. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.
- Wierzbicka 1981 – *A. Wierzbicka*. Case marking and human nature // Australian journal of linguistics. V. 1. 1981.
- Wierzbicka 1983 – *A. Wierzbicka*. The semantics of case marking // Studies in language. V. 7. 1983. № 2.
- Woolford 2001 – *E. Woolford*. Case patterns // G. Legendre, J. Grimshaw, S. Vikner (eds.). Optimality theoretic syntax. Cambridge (Mass.), 2001.
- Wunderlich, Lakämper 2001 – *D. Wunderlich, R. Lakämper*. On the interaction of structural and semantic case // Lingua. V. 111. 2001.
- Yar-Shater 1969 – *E. Yar-Shater*. A grammar of Southern Tati dialects. The Hague; Paris, 1969.

© 2008 г. А.М. ПЕВНОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

На основе «привязки» данных исторической фонетики к определенным географическим названиям и названиям деревьев и рыб автор ведет поиск прародины тунгусо-маньчжурских языков.

1.0. Тунгусо-маньчжурская проблема

Решение так называемой тунгусо-маньчжурской проблемы предполагает ответы по крайней мере на два вопроса: где и когда начался процесс, в результате которого ныне существенно различающиеся по культуре и антропологическому типу тунгусо-маньчжурские народы говорят на генетически относительно близких языках?

Очевидно, проблема эта может быть решена на основе комплексного подхода, а именно – использования данных антропологии, археологии, этнографии, а также, разумеется, лингвистики, при этом применение методов сравнительно-исторического языкознания предполагает привлечение сведений естественных наук, таких как ботаника, зоология, география.

Относительно близкое родство тунгусо-маньчжурских языков, казалось бы, несколько облегчает задачу поиска той территории, с которой началось распространение диалектов тунгусо-маньчжурского языка-основы в разных направлениях. Во всяком случае, тунгусо-маньчжурская языковая семья существенно моложе, например, уральской, индоевропейской или афразийской. Тем не менее, тунгусо-маньчжурсскую проблему вряд ли можно считать решенной. В работах таких известных специалистов, как Г.М. Василевич, А.П. Окладников, М.Г. Левин, А.П. Деревянко, гипотетическая прародина тунгусов (или шире – тунгусо-маньчжурских народов) постепенно «смещалась» с запада на восток – из Прибайкалья эпохи глазковского неолита в Забайкалье, далее – в Верхнее, а затем и в Среднее Приамурье. При всех различиях этих гипотез общим для них является то, что в них отсутствует опора на лингвистические данные. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринимается попытка наметить контуры именно лингвистического решения тунгусо-маньчжурской проблемы.

2.0. Общие сведения о тунгусо-маньчжурских языках

К тунгусо-маньчжурским языкам относятся находящиеся в разной степени под угрозой исчезновения эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский, орочский, удэгейский, ульчский, орокский, нанайский и маньчжурский; кроме того, к этой языковой семье принадлежал средневековый чжурчжэнский.

Принципиально важно то, что все тунгусо-маньчжурские языки представлены на Дальнем Востоке (почти от Кореи до самой Чукотки). Разумеется, эвенки и эвены также живут на необъятных просторах Сибири (три небольшие группы эвенков оказались даже на Западно-Сибирской равнине), а сибирские маньчжуры с XVIII века охраняли северо-западные границы Цинской империи в Центральной Азии в Синьцзяне.

Наибольшая концентрация современных тунгусо-маньчжурских языков характерна для территории к востоку от Большого Хингана и к западу от Сихотэ-Алиня. Условным центром этой территории можно считать «середину Среднего Амура» – то место, где на левом берегу этой реки Амурская область граничит с Еврейской автономной областью, а по Амуру проходит их граница с Китаем (с провинцией Хэйлунцзян). Если считать это место «встречи» разных границ центром круга, имеющего радиус 400 км, то в круге этом окажется половина современных тунгусо-маньчжурских языков: маньчжурский, солонский, эвенкийский, нанайский и удэгейский. Если же увеличить радиус до 700 км, то к этим пяти языкам добавятся негидальский, ульчский и орочский; вне большего круга остаются лишь орокский и эвенский. Кстати, обоим последним языкам свойственно максимальное количество глубоких фонетических изменений, что вполне естественно для языков-мигрантов, оторвавшихся от основной части своих родственников и вступивших в контакт с генетически и типологически чуждым языковым окружением. Существенно, что ареал средневекового чжурчжэнского языка, письменные памятники которого известны с XII века, располагался в южном секторе не только большого круга (радиус 700 км), но и малого (радиус 400 км).

Следует подчеркнуть, что почти все тунгусо-маньчжурские народы в полном составе или частично живут (если говорить о чжурчжэньях, то жили) в бассейне Амура – либо на его притоках, а также на соединяющихся с ним озерах, либо на самих его берегах. Целиком за пределами бассейна Амура в настоящее время живут лишь эвены и орохи.

3.0. Классификация тунгусо-маньчжурских языков

Существуют классификации тунгусо-маньчжурских языков с разным количеством таксономических единиц (2, 3, 4). В.И. Цинциус относит конкретные тунгусо-маньчжурские языки либо к «северной подгруппе» (эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский), либо к «южной подгруппе» (маньчжурский, нанайский, ульчский, орочский, удэгейский, орочский), при этом В.И. Цинциус подчеркивает, что «деление тунгусо-маньчжурских языков на северную и южную группы» является «традиционным» [Цинциус 1949: 35]. Сторонниками бинарной классификации были также О.П. Суник [Суник 1959: 333–335] и Г.М. Василевич [Василевич 1960: 44], однако при этом к одной группировке они относили маньчжурский с чжурчжэнским, а к другой – все остальные тунгусо-маньчжурские языки. По мнению И.В. Кормушкина, «...фонетические признаки довольно четко разбивают тунгусо-маньчжурские языки на две ветви: северную – эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский, орочский, удэгейский, и южную – маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский» [Кормушин 1998: 11]. С этим выводом нельзя не согласиться, однако необходимо иметь в виду, что классификация тунгусо-маньчжурских языков по грамматическим признакам дает иные результаты: к одной ветви относятся маньчжурский вместе с близким ему чжурчжэнским, а к другой – все остальные, т.е. нанайский, ульчский, орочский, орочский, удэгейский, негидальский, эвенский, солонский и эвенкийский (это и есть классификация, предложенная О.П. Суником и Г.М. Василевич). На две группы делили тунгусо-маньчжурские языки и раньше (в конце девятнадцатого века и в первой половине двадцатого), однако состав групп был иной: к одной причисляли эвенкийский с эвенским (очевидно, солонский и негидальский считались тогда диалектами эвенкийского), а к другой – все прочие, так что маньчжурский оказывался в одной группе с нанайским и удэгейским. В.А. Аврорин предлагал трехчленную классификацию тунгусо-маньчжурских языков. Она базируется в основном на грамматических особенностях и учитывает их не выборочно, а в комплексе. Приведу цитату: «Изложенное выше мне представляется достаточным, чтобы поставить вопрос о трехчленном делении тунгусо-маньчжурских языков с выделением нанайского, ульчского, орочского, орочского и удэйского языков в самостоятельную группу (“южную”), занимающую промежуточное положение между двумя другими группами и стоящую несколько ближе к “западной” группе, не-

жели к “северной”» [Аврорин 1963: 404]. Поясню, что к «западной» группе В.А. Аврорин отнес маньчжурский и чжурчжэньский языки, а к «северной» – эвенкийский, негидальский, солонский и эвенский. Следует также упомянуть четырехчленную классификацию тунгусо-маньчжурских языков, предложенную Дзиро Икэгами [Ikegami 2001: 395]; от классификации В.А. Аврорина она отличается тем, что удэгейский вместе с орочским рассматриваются в качестве самостоятельной таксономической единицы, а не объединяются с нанайским, ульчским и орокским языками.

Любая классификация родственных языков по сути дела является как бы спрессованной, очень упрощенной и схематизированной историей их генетической общности. Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то каждая их классификация по-своему верна. Бинарные классификации ориентированы, по-видимому, на относительно ранние этапы истории этой языковой семьи. Трехчленная и четырехчленная классификации отражают, очевидно, результаты более поздних исторических процессов, причем не только дивергенции, но и конвергенции.

В историко-фонетическом отношении наиболее архаичным среди родственных ему языков является нанайский, за ним следуют ульчский, чжурчжэньский и письменный маньчжурский; на противоположном полюсе находятся эвенский, орокский, удэгейский, современные маньчжурские диалекты, а также солонский – все они существенно, но по-разному фонетически отдалились от гипотетического языка-основы, претерпев в рамках тунгусо-маньчжурской языковой семьи максимум звуковых изменений. Если говорить о лексике, то по числу инноваций (главным образом заимствований) опережают своих родственников маньчжурский и чжурчжэньский. «Лидера» в плане лексической архаичности выявить пока не удалось, однако меньше всего слов, заимствованных из нетунгусоманьчжурских языков, по-видимому, в негидальском.

Что касается морфологии, то все современные тунгусо-маньчжурские языки, вероятно, в немалой степени отличаются от гипотетического прайзыкового состояния, при этом большая их часть пошла по пути усиления синтетических тенденций, в то время как чжурчжэньский и маньчжурский, наоборот, несколько упростили свою морфологию.

4.0. Прайзык, промежуточные прайзыки, а также некоторые принципы локализации «родины языковых предков»¹

С лингвистической точки зрения родиной языковых предков должна быть территория, на которой начали формироваться ветви (группы) языковой семьи.

Больше всего шансов выступать в качестве прайзыки, по-видимому, может быть у территорий, которые являются пограничными в самых разных отношениях: природном, хозяйственно-культурном, антропологическом (имеется в виду физическая антропология) и, наконец, в языковом. Что касается природного аспекта, то речь идет о больших возможностях зарождения языковых семей не на малонаселенных территориях с однообразным ландшафтом (имеются в виду пустыни, степи, бескрайняя тайга, тундра), а на стыке географических зон (например, на границе леса и степи, а также в предгорьях (но не в горах)). Происходившие на сравнительно небольшой, но географически не «монотонной» территории интенсивные этнокультурноязыковые контакты, очевидно, и способствовали образованию языковых семей. Впрочем, это лишь один из путей их образования.

Другой путь формирования группировки родственных языков демонстрируют, например, романские языки, восходящие, как известно, к диалектам народной латыни. Существенно, что вроде бы не было каких-то промежуточных прайзыков, которые связывали бы современные романские языки с их общим предком – народной латы-

¹ Весьма удачный, на мой взгляд, термин «языковые предки» используется в книге [Крюков, Софонов, Чебоксаров 1978: 6–7].

нью. Таким образом, каждый (или почти каждый) романский язык существует сам по себе, т.е. он был и остается относительно самостоятельным в составе группы (ветви) и поэтому классификация романских языков основана обычно на «политико-географическом принципе» [ЛЭС 1990: 422]. Такую ситуацию можно охарактеризовать как специфическую общность родственных языков, каждый из которых по отношению к другим является относительно самостоятельным. При этом прайзык (в частности, народная латынь) в результате экспансии распространялся на новые территории, сменяя аборигенные языки, как бы прораставшие в победителе в виде субстрата. Возможно, именно так возникли группы индоевропейских языков, во всяком случае, на такую мысль наводят весьма любопытные суждения С.Е. Яхонтова по поводу особенностей классификации индоевропейских языков, отдельные группы которых, как правило, не образуют с другими группами каких-то таксономических единиц иного порядка; по мнению С.Е. Яхонтова, группы (ветви) индоевропейских языков можно представить самым простым способом – «через запятую» (с этими суждениями я имел честь ознакомиться во время наших бесед с С.Е. Яхонтовым осенью 2003 г. и осенью 2006 г.). Существуют, конечно, балто-славянская и индо-иранская языковые общности, однако в целом сути дела это не меняет.

В качестве примеров иной модели образования языковой генетической общности можно привести такие группировки языков как, например, славянская, германская или тунгусо-маньчжурская. Без понятия «промежуточный прайзык» здесь не обойтись, поэтому вместо перечисления родственных языков «через запятую» используются схемы их «ветвлений».

Можно предположить, что прайзык не романского, а скажем, тунгусо-маньчжурского типа, представлял собой диалектный континуум, в котором первоначально было два-три «ядерных» диалекта, не восходящих к какому-либо иному, более раннему и исходному для них «прадиалекту». Не исключено, что эта особенность отражает специфику образования прайзыка вследствие произошедшей по каким-то особым экстралингвистическим причинам неполной смены одного языка другим (вследствие «недосдвига»). Живыми примерами недосдвига могут служить так называемые смешанные языки – многократно привлекавшийся для иллюстрации феномена смешения язык медновских алеутов [Меновщиков 1964; Golovko 1996] и никогда не фигурировавший как смешанный язык кур-урмийских нанайцев [Суник 1958] – эвенков, не полностью сменивших свой бывший родной язык на нанайский.

Не лишен смысла вопрос о том, существуют ли в принципе какие-то особенности языка, которые в определенных исторических условиях могут способствовать образованию на его основе семьи или группы родственных языков. Или короче: не может ли быть у некоторых прайзыков неких особых свойств, отличающих их от «непрайзыков»? При положительном ответе на этот вопрос такой спецификой скорее всего должен выступать смешанный, «недосвинутый» характер прайзыка. Разумеется, речь идет лишь о частном случае, но частота такой частности остается опять же под вопросом.

Предложенное выше определение родины языковых предков (территория, на которой начали формироваться ветви языковой семьи) может иметь в качестве своего непрямого следствия довольно простой способ выявления гипотетической прародины: если при языковом родстве «нероманского» типа ареал родственных языков является сплошным (при этом наличие нескольких оторванных от него «островных» языков вполне допустимо) и если все ветви данной языковой семьи «встречаются» в каком-либо одном регионе (или довольно близко от него находятся), то именно этот регион, по-видимому, и следует считать родиной языковых предков. Применительно к тунгусо-маньчжурским языкам при любом количестве и составе выделяемых в них разными специалистами таксономических единиц (ветвей, групп) все эти единицы «встречаются» или расположены близко друг к другу в бассейне Среднего Амура. За пределами очерченного региона оказываются лишь орокский и эвенкийский языки, однако они не образуют ни в одной из классификаций самостоятельных таксономических единиц и относятся к тем, которые имеют своих «представителей» в указанной зоне. Вероятно,

где-то в этой зоне и находился ареал распространения диалектов тунгусо-маньчжурского прайзыка накануне начала их относительно самостоятельного существования и постепенного превращения из диалектов в те родственные между собой языки, которые ныне относятся к тунгусо-маньчжурской генетической общности.

5.0. Некоторые лингвистические приемы локализации тунгусо-маньчжурского прайзыка

5.1. Для «привязки» прайзыка к какой-то определенной территории принято использовать реконструируемые в нем названия растений (см., например, фундаментальную работу [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 612–646], а также аргументацию, представленную чуть ли не в первом подобном опыте локализации тюркского прайзыка в очерке Ю.В. Норманской «Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики» в книге [СИГТЯ 2006: 387–435]). Забегая вперед, скажу, что «диагностическая» лексика тунгусо-маньчжурских языков (названия некоторых лиственных деревьев, лососевых рыб, а также названия рек) дает основание включать в зону поиска тунгусо-маньчжурской прародины (родины языковых предков) **бассейн Среднего Амура**.

5.2. Определяя родину языковых предков как территорию, на которой начали формироваться основные особенности современных ветвей (групп) языковой семьи, мы должны четко обозначить эти самые особенности.

Применительно к исторической фонетике тунгусо-маньчжурских языков наиболее существенным является то, как в конкретных представителях этой семьи отражаются 1) **прайзыковой инициальный *x²**, сохранившийся в нанайском, ульчском и орокском (при этом *x- > s- перед i), а также в некоторых словах в чжурчжэнском [Певнов 2004: 167, 204, 337, 341, 348], но почему-то не в близкородственном ему маньчжурском, в котором прайзыковой *x- отпал подобно тому, как это некогда произошло в далеком общем предке всех остальных тунгусо-маньчжурских языков – эвенкийского, солонского, эвенского, негидальского, орочского и удэгейского (о переходе *x- > φ- в тунгусо-маньчжурских языках см. работу [Цинциус 1949: 133–135]), 2) **прайзыковой инициальный *p-** (соответствует p- в некоторых диалектах нанайского, в ульчском, орокском, и предположительно в раннем чжурчжэнском; *p- > f- в маньчжурском, в некоторых диалектах нанайского и, по-видимому, в позднем чжурчжэнском; *p- > x- в удэгейском, орочском и негидальском, *p- > h- в большей части эвенкийских и эвенских диалектов, а также, возможно, в «верховском» диалекте негидальского; *p- > φ- в солонском, в некоторых диалектах эвенкийского и эвенского языков) [Цинциус 1949: 135, 148–155], а также 3) **прайзыковой гласный *i** в ряде слов (сохранился в чжур-

² В данной статье в транскрипции (транслитерации) тунгусо-маньчжурских слов и аффиксов при помощи знаков латиницы графемами с гачеком (č, ī, ķ) обозначаются среднесызчные фонемы; графема x передает в зависимости от сингармонизма словоформ заднеязычный или увулярный согласный; графема h обозначает фарингальный, проточный, глухой; графемой ḫ в прайзыковой реконструкции (например: *ጀkጀrጀb ‘горбуша’), а также в одном эвенском примере (ጀkebēe ‘горбуша’) передается гласный относительно более высокого подъема, противопоставленный гласному o относительно более низкого подъема в рамках характерного для тунгусо-маньчжурских языков компактностного сингармонизма; графема é обозначает закрытый гласный вроде французского в слове été ‘лето’; долгота гласных выражается посредством дублирования графемы.

При транслитерации (или транскрипции) латиницей нетунгусоманьчжурских слов (например, нивхских или чукотских) графеме ы кириллицы соответствует графема у латиницы (в древнетюркском и татарском примерах для обозначения ы используется ī), графеме ѹ соответствует j, увулярный смычный глухой передается графемой q, диграф нъ выражается «монографом» ъ.

чжэнском, маньчжурском, нанайском, ульчском и орокском, в остальных тунгусо-маньчжурских языках ему соответствует *i* [Цинциус 1949: 89–92]).

Указанные звуковые изменения по всем признакам никак нельзя считать поздними – начало им было положено, по-видимому, еще тогда, когда происходил постепенный распад тунгусо-маньчжурского прайзыка и когда современные крупные таксономические единицы тунгусо-маньчжурской языковой семьи только начинали формироваться в рамках его диалектного континуума. Об этом свидетельствует то, что во всех шести тунгусо-маньчжурских языках, относящихся по историко-фонетическим признакам к условно северной группировке (в эвенкийском, солонском, эвенском, негидальском, орочском и удэгейском; напомню, что именно эти языки включены в отдельную «ветвь» в работе [Кормушин 1998: 11]), представлены одинаковые или близкие по артикуляции рефлексы прайзыковых звуков *x-, *p-, *i (соответственно *ɸ*, *x-* ~ *h-* ~ *ɸ-*, *i*). Реальность былого существования северной группировки диалектов в составе шедшего к необратимому распаду пратунгусоманьчжурского диалектного континуума подтверждается наличием ряда сепаратных лексических заимствований, отсутствующих в остальных пяти тунгусо-маньчжурских языках, которые восходят к южной группировке того самого древнего диалектного континуума (чжурчжэнский, маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский). Имеются в виду несколько ранних заимствований из чукотско-камчатских языков: ср., например, эвенк.³ *ÿeke-* ‘заниматься чем-либо, действовать, поступать; ...’⁴, эвенк. *ÿek-* (те же значения), нег., удэг. *ÿehe-* (те же значения) и коряк. *nike-/neka-*, *nijke-/nejka-* («Слова-заместители с основами *никэ-/нэка-*, *нийкэ-/нэйка-* употребляются, когда говорящий затрудняется произнести слово с конкретной лексической семантикой, требуемое контекстом – забыл, не может сразу вспомнить, не может сразу подобрать нужное слово, не может выговорить (особенно часто – заимствованное слово), избегает употребления какого-либо слова в разговоре» [Жукова 1972: 181]); эвенк. *tirganii* ‘день; ...’, эвенк. *tirgən* ‘1) зенит; 2) полдень’, нег. *tijgani* ‘ дух солнца’, удэг. *tiga-* ‘подниматься (о солнце, луне, звездах)’ [Шнейдер 1936: 72], удэг. *tig'a* в словосочетаниях *inetji tig'ani*, *inetji tig'adini* ‘в полдень’ [КССУЯ 1998: 869] и коряк. *tijkytij* ‘солнце’ («Двусложный корень повторяется не полностью, а с таким расчетом, чтобы повтор представил собой один слог» [Жукова 1972: 58]), чук. *tirkytir*, *tirkynin* ‘солнечный’; эвенк. *čajit* ‘1) бродяга; 2) разбойник; 3) людоед; 4) черт; 5) враг (последнее значение в фольклоре)’, ороч. *čajiti* ‘1) разбойник, бандит, захватчик; 2) сражение, нападение разбойников; 3) вражда’ [Авторин, Лебедева 1978: 252] и чук. *tanqut'an* ‘1) чужак; 2) коряк; 3) европеец’ (мн. ч. *tanqut*), коряк. *tañqutai* ‘противник’. Кстати, по мнению Г.М. Василевич, в языке и этнографии чукчей и коряков, с одной стороны, и тунгусов, – с другой, много общего, что «свидетельствует о древних связях отдаленных предков тунгусов с сибирскими предками современных чукчей и коряков (оленевых)» [Василевич 1966: 338]. Следует отметить, что в условно южных тунгусо-маньчжурских языках вроде бы нет или крайне мало свойственных лишь им древних заимствований; это наблюдение, еще требующее подтверждения, в совокуп-

³ В статье встречаются следующие сокращенные названия языков: айн. (айнский), др.-турк. (древнетюркский), кит. (китайский), кор. (корейский), коряк. (корякский), маньчж. (маньчжурский), монг. (монгольский, или халха-монгольский), нан. (нанайский), нег. (негидальский), нивх. (нивхский), орок. (орокский, или уильта), ороч. (орочский), пратюрк. (пратюркский), т.-м. (тунгусо-маньчжурский прайзык), тур. (турецкий), удэг. (удэгейский), ульч. (ульчский), чук. (чукотский), эвенк. (эвенкийский), эвенк. (эвенский), яп. (японский).

⁴ Приводимые в статье слова самых разных языков (кроме реконструированных слов и корней) имеют ссылку к словарям или иным источникам лексической информации. Не имеющиеся ссылок тунгусо-маньчжурские примеры взяты из [ССГМЯ 1975; 1977], письменно-монгольские – из [MED 1960], монгольские (халха-монгольские) – из [БАМРС 2001], древнетюркские – из [ДТС 1969], корейские – из [КРйРС 1951], нивхские – из [НивхРС 1970], корякские – из [КРкРС 1960], чукотские – из [ЧРС 1957]; иенецкий пример приводится по [НенРС 1955].

ности с некоторыми фактами наличия серьезных грамматических различий дает основания рассматривать южную генетическую группировку тунгусо-маньчжурских языков как наследие не вполне оформленного образования в рамках прайзывового диалектного континуума – похоже на то, что это образование отличалось от северной генетической группировки значительной рыхлостью («недооформленностью») и противоречивостью.

Наличие в исторической фонетике тунгусо-маньчжурских языков четких маркеров, дающих возможность считать то или иное слово наследием прайзывовой или непосредственно постпрайзывской эпохи, позволяет сформулировать весьма важный для нашей темы вывод: для возведения сравниваемых слов к прайзыву (пусть даже на финальном или непосредственно постфинальном этапе его существования) вовсе не обязательно, чтобы эти слова были представлены во всех родственных языках или в одном-двух языках каждой таксономической единицы языковой семьи. Сравниваемые слова, имеющиеся даже в очень ограниченном количестве родственных языков, позволяют приблизиться в их реконструкции к прайзывовому уровню также в том случае, когда в них проявляется действие тех самых «сквозных» историко-фонетических законов, о которых только что шла речь (**x- > ...; *p- > ...; *u > ...*).

5.3. Если обратиться к конкретному материалу, то к нашему немалому удивлению прайзывыми или непосредственно постпрайзывыми оказываются названия не только очень широко распространенных хвойных деревьев (а также повсеместно растущих в Сибири и на Дальнем Востоке берески и осины), но и некоторых относительно южных лиственных, таких как ясень маньчжурский (*Fraxinus mandshurica* Rupr.), дуб монгольский (*Quercus mongolica* Fisch. ex Ledeb.) и тополь (тополь Максимовича? – *Populus maximowiczii* A. Непгу). Важно отметить, что ясень маньчжурский и тополь Максимовича растут лишь в той зоне Приамурья, которая относится к Уссурийскому дендрологическому району [ДФДВ 1982: 172, 181, 57]. Северной границей Уссурийского дендрологического района служит прямая линия, проведенная от Амура (примерно от населенного пункта Поярково (≈100 км к востоку от Благовещенска)) до побережья Татарского пролива (приблизительно до поселка Де-Кастри) [ДФДВ 1982: 57].

В этот район, судя по карте, входят и Малый Хинган (по крайней мере, на территории нашей страны), и южная часть Буреинского хребта («Ясень маньчжурский растет в кедрово-широколиственных лесах речных долин» [ЭХКиЕАО 1995: 284]. Если говорить о Буреинском хребте и прилегающей к нему горной системе Малый Хинган, то у первого «склоны гор покрыты елово-пихтовыми и широколиственными лесами» [ЭХКиЕАО 1995: 72], а у второй «склоны гор покрыты кедрово-широколиственными лесами» [ЭХКиЕАО 1995: 161–162]; «Для предгорной части (Малого Хингана. – А.П.) характерны дубовые и смешанные широколиственные леса с дубом монгольским, лилей амурской, кленом мелколистным, ясенем маньчжурским и ильмом долинным» [ДФДВ 1982: 185]).

Приведу названия ясения, дуба и тополя в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, а также наиболее вероятную реконструкцию этих названий:

т.-м. **xiwa-gdaa(n)* ‘ясень маньчжурский’ > нан., ульч. *siwagda* ‘ясень’, нан. *siwagdaan* ‘ясень’ [Оненко 1980: 358], нег., ороч. *iwagda* ‘ясень’, удэг. *jožda* ‘ясень’; в диалектах нанайского языка представлены и другие названия ясения: *silpe* (*silpe too*, *silpe mooni*), *bisikte*⁵, *tičigdeen* [Оненко 1980: 273], *koerē*, а также *bureenkule* ‘молодой ясень’ [Оненко 1980: 83] (наличие возрастного названия ясения свидетельствует о весьма важной роли этого дерева в традиционной культуре нанайцев);

⁵ О характерных для речи нанайцев села Вознесенское Амурского района Хабаровского края названиях ясения *silpe* (*silpe too*, *silpe mooni*) и *bisikte* я узнал от Л.Ж. Заксор; хотел бы искренне поблагодарить ее за эту информацию.

т.-м. **xoloo-pkuraa* (< **xoloo-tku-raa?*) ‘дуб монгольский’ > нан. *xoroo-pkola* (долгота гласного второго слога отмечена Л.И. Сем [Сем 1976: 203] и С.Н. Оненко [Оненко 1980: 473]); ульч. *хойончура* [Суник 1985: 252; ССТМЯ 1975: 471] (< **xoloŋkura*) ~ *хойинчура* ‘дуб’, ороч. *oloŋkæ* ~ *oloŋki* [Аворин, Лебедева 1978: 215] удэг. *oloŋke* ‘дуб’; в маньчжурском языке дуб имеет описательное название (*taŋga too*, буквально: твердое, крепкое дерево), название дуба есть в некоторых дальневосточных территориальных вариантах эвенкийского языка (в урмийском говоре *usikta* [ЭРС 1958: 456], в тунгусских диалектах Маньчжурии *oos'ikta*, *us'ikta*, *čaŋatkura* (в оригинале *čabamkura*) [Shirokogoroff 1944: 106, 146, 175]), а также в негидальском языке (*apkakta*), причем, судя в том числе и по словообразовательному аффиксу *-kta*, первоначально слова *oos'ikta*, *us'ikta* и *apkakta* означали ‘желудь, желуди’, а не ‘дуб’ (кстати, желуди по-маньчжурски называются *taŋga too i usixa*);

т.-м. **xami-gdaan* ‘тополь (Максимовича?)’ > нан. *xamigdaan* ‘тополь’ [Оненко 1980: 450], ульч. *xamugda* ‘вид тополя (из коры его делали поплавки)’ [Суник 1985: 249], ороч., удэг. *amigda* ‘тополь’, маньчж. *amida* ‘осина, мелколистный тополь, из которого делают корыта и пр.’ [ПМРС 1875: 42]; в нанайском языке есть также описательное название ясения: нан. *waankoli mooni*, *waankoli poloni* [Оненко 1980: 90, 450] (буквально: дерево хорька, осина хорька).

Реконструируемый корень **xoloo-* ‘дуб’ можно сравнить с кор. *kal* (каль) ‘дуб’, которое, как считается, связано регулярными фонетическими соответствиями с яп. *kasi* ‘дуб’. Интересно, что нивхское название дуба *ktyu* вполне сравнимо с айским *kōt̚ni* ~ *kot̚ni* ~ *sikomni* ~ *sikomni* ~ *kōt̚ ni* ‘дуб’ (*ni* означает ‘дерево’) – словом, представленным в шести айских диалектах на острове Хоккайдо [AADD 1964: 201]. Все эти соответствия, конечно же, еще требуют серьезного формального обоснования, однако в принципе они указывают на возможность обнаружения каких-то иных, не менее любопытных параллелей между названными дальневосточными языками.

Судя по лексике, вся жизнь носителей тунгусо-маньчжурского прайзыка была связана с лесом (правда, мы не можем установить, какое слово обозначало лес, но это, разумеется, вовсе не говорит о том, что такого слова не было). К прайзыковым определенно относится название лиственницы (**xisi*), название сосны (**žagda*), а также бересы (**pia*) и осины (**pula*). Из этих четырех дендронимов интерес для нашей темы представляет, пожалуй, лишь второй (т.е. **žagda* ‘сосна’). Речь идет о сосне обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). Цитирую справочник: «Основные площади и запасы древесины сосны обыкновенной на Дальнем Востоке сосредоточены в Амурской области, в Хабаровском крае сосняков очень мало» [Усенко 1984: 27]. И далее: «Самые южные в Хабаровском крае небольшие “островки” сосны встречаются в средней и верхней частях бассейна р. Амгуни. Отсюда южная граница ареала, пересекая среднее течение р. Буреи, идет к устью р. Зеи, а далее – к границе Читинской области. ... Наиболее значительные слитные (а не островные) массивы сосняков произрастают в Амурской области, главным образом в бассейне р. Зеи и северо-западнее его» [Усенко 1984: 27]. Если примерно две тысячи лет назад, т.е. в наиболее вероятное время начала распада пратунгусоманьчжурского языка, ареал сосны обыкновенной не очень отличался от обозначенного в приведенной цитате, то имея в виду прайзыковой характер ее названия (**žagda*), мы можем вполне уверенно говорить о том, что восточная граница исходной территории языковых предков тунгусо-маньчжурских народов вряд ли уходила далеко на восток от границ Амурской области.

5.4. Есть основания полагать, что ареал тунгусо-маньчжурского прайзыка был не просто в лесистой местности, но в то же время в значительной степени и в гористой. Кроме того, местность эта не страдала отсутствием рек, во всяком случае, население в тех краях охотно пользовалось ими для передвижения. О том, что на родине языковых предков тунгусо-маньчжурских народов было много лесов, гор и рек свидетельствует такая лексико-понятийная детализация, которая совершенно не нужна в иных природ-

ных зонах. Приведу несколько примеров: в пратунгусоманьчжурском языке восстанавливается название не только дерева вообще, его ветвей, корня, но и специальное название его вершины (**suwe*), что как самостоятельная лексическая единица вроде бы не встречается в других языках; в тунгусо-маньчжурском прайзыке реконструируется корень, обозначающий не просто гору, а южный, лучше освещаемый и прогреваемый солнцем ее склон (**anta-*), устанавливается также наличие таких корней со «специфической»: **solo-* ‘(плыть) вверх по течению реки’, **xeje-* ‘(плыть) вниз по течению реки’, **dai-* ‘пространство у водоема (а не в лесу, не на горе)’.

Общие названия рек и озер в реконструируемом тунгусо-маньчжурском прайзыке, по-видимому, также отличались детализацией, свидетельствующей о немаловажной их роли в жизни его носителей. Так, не очень крупные реки обозначались словом **bi-ra*, мало изменившим свое звучание в современных тунгусо-маньчжурских языках. Термин для крупных рек наподобие Амура или Сунгари для общетунгусоманьчжурского языкового состояния восстановить не удается, хотя похоже на то, что он был (возможно, он сохранился в маньчжурском, а также чжурчжэньском слове **ila* ‘большая река’). Для озер было также два названия – одно (**ati-*) обозначало озеро, не имеющее выхода в реку, другое (**xeweren*) служило для обозначения озера, соединенного протокой с рекой. Впрочем, последнее слово реконструируется на основе наличия или отсутствия начального звука *x*- не столько для прайзыка, сколько для более позднего состояния.

5.5. Возможно, в тунгусо-маньчжурском прайзыке было слово **detu*, служившее для обозначения мари (марь – «местное название обширных моховых болот и редкостойных заболоченных лиственничников» [ЭХКиЕАО 1995: 163]). Весьма велика вероятность существования в прайзыке других названий болота, мари (**ñaru*, **lewee ~ li-we-*), причем это не синонимия, а результат лексико-понятийной детализации, связанной с теми культурными или природными реалиями, которые жизненно важны для носителей языка. Выше уже приводились примеры такого рода детализации на уровне понятий, получающих отражение в лексике (нан. *bireenkule* ‘молодой ясень’ [Оненко 1980: 83], т.-м. **siwe* ‘вершина дерева’, т.-м. **anta-* ‘южный склон горы’ и некоторые другие). Иллюстрацией лексической детализации может служить реконструируемый для прайзыка корень **ñati-* со специфической узкой семантикой – он обозначает не просто мох, а болотный мох, который использовался, в частности, для конопаченя (ср. нег. *ñatula*, ульч. *ñatulta*). Этим словам, судя по [ССТМЯ 1975: 632–633], соответствует маньчж. *ñamala* ‘зеленый мох у корней деревьев и на камнях в сыром месте’. Кстати, вполне вероятно, что в пратунгусоманьчжурском было также иное название мха, однако при его реконструкции возникают сложности, связанные с изобразительным характером корня, который своим звучанием должен был создавать представление о чем-то мягкому, ср. эвенк. (урмийский говор) *nilvika* ‘мох (торфяной), сфагnum’ с эвенкийским же словом *ñalbi-ta* ‘мягкий’; сюда же, по-видимому, относятся такие варьирующиеся по диалектам названия болотного мха, как, например, эвенк. *laalbi-kta ~ laalbi-kta ~ leelbi-kte ~ lolbi-kta ~ laalbi-kaa ~ naalbi-kaa*. Что касается мха как оленевого корма, то он имеет в реконструкции, вероятно, также образный корень **lawi- ~ *lawi-*, однако неясно, можно ли его связывать с тунгусо-маньчжурским прайзыком или же это какой-то локальный корень, рефлексы которого характерны только для языков оленеводческих групп (ср. эвенк. *lawi-kta* ‘ягель (олений мох)’, ороч. *lauktta* с тем же значением [Аворин, Лебедева 1978: 200]).

5.6. Для локализации пратунгусоманьчжурского языка весьма существенна возможность возведения к нему слова **batip* ‘мерзлота, мерзлая почва’, сохранившимся в такой или фонетически очень близкой форме в эвенкийском, эвенском, ульчском, наайском и маньчжурском языках [ССТМЯ 1975: 77]. Судя по карте «Оледенение и многолетняя мерзлота» [Атлас 1986: 97], современная южная граница подземного

оледенения (многолетней мерзлоты) проходит в виде кривой линии в целом параллельно р. Амур в 50–150 км (кое-где больше или меньше) от ее левого берега.

5.7. Как известно, кета в определенное время года заходит из Тихого океана для икрометания в реки Дальнего Востока, в том числе и в Амур. После нереста крайне истощенная рыба дохнет. Название такой дохлой рыбы, в частности, кеты, можно реконструировать для тунгусо-маньчжурского пражзыка как **kiata*. Соответствующие слова представлены в маньчжурском *k'ata* ‘кета (после икрометания)’, нанайском *kiata* ‘дохлая (о лососевой рыбе)’, а также в других тунгусо-маньчжурских языках, в том числе (и это самое интересное!) в диалектах эвенского (ср., например, арманско, охотское и саккырырское *kééta* ‘кета’). Наличие в пратунгусоманьчжурском слова **kiata* ‘кета (дохлая, после икрометания)’ прямо указывает на единственно возможный ареал расселения носителей этого гипотетического языка – это, конечно же, бассейн Амура. Интересно, что пратунгусоманьчжурское слово **kiata* ‘дохлая после икрометания рыба из семейства лососевых, в частности, кета’ имеет соответствие в чукотско-камчатских языках (коряк., чук. *qetaqet* ‘кета’ (редупликация корня)), однако в нивхском названия лососевых рыб не соответствуют ни тунгусо-маньчжурским, ни чукотско-камчатским.

Общим по происхождению в подавляющем большинстве тунгусо-маньчжурских языков является название горбуши [ССТМЯ 1977: 256] – «рыбы из рода тихоокеанских лососей семейства лососевых» [ЭХКиЕАО 1995: 96]. Думаю, что для пратунгусоманьчжурского языка название горбуши следует восстанавливать как **ôkôrôô*, т.е. с относительно более высоким по подъему гласным, принадлежавшим в плане сингармонизма к той же «серии», что и гласный *e* (в урмийском и чумиканском говорах восточного наречия эвенкийского языка соответствующее слово звучит как *ikigii*, в орочском – как *oko*, а в негидальском, согласно нашим с М.М. Хасановой экспедиционным записям, – как *eheje*). Непонятна, правда, причина появления согласного *b* в эвенском слове *ôkebee* (Өкэбэ) ‘горбуша’. Кроме того, у якобы корреспондирующего маньчжурского слова *ukuri* [ССТМЯ 1977: 256] семантика передается в словаре И. Захарова весьма неопределенно («укури – название рыбы с мелкой чешуей, похожей на ябса и заходящей в реки из восточного моря» [ПМРС 1875: 143]).

Возможно, к пратунгусоманьчжурскому восходит название кеты в маньчжурском (*dafaxa*, где -ха словообразовательный аффикс), нанайском, ульчском, орокском, удэгейском, орочском и негидальском языках (*dawa*). При этом в [ССТМЯ 1975: 185] отмечена не фиксируемая нами долгота гласного второго слога негидальского слова, которое, как верно указано в Словаре, обозначает кету осеннюю, летняя же кета называется по-негидальски *élkin*, что соответствует нанайскому *silkî* и ульчскому *silči(n-)* с аналогичным значением [ССТМЯ 1975: 309]. Название летней кеты в нанайском, ульчском и негидальском языках следует реконструировать с начальным **x-*, т.е. или как **xilkin*, или как **xilkun* (закон соответствия гласного *i* в языках условно северной группировки тунгусо-маньчжурских языков гласному *u* в языках условно южной группировки в данном уникальном случае «действует наоборот», т.е. в негидальском можно было бы ожидать *élkin*, а в нанайском и ульчском соответственно *silkû* и *silču(n-)*). Летняя кета «заходит в реки в июле, нерест – в августе, мечет икру в нижних участках р.Амур, на севере доходит до р. Анюй» [ЭХКиЕАО 1995: 131]. Итак, летняя кета, по крайней мере, в наше время не доходит даже до Среднего Амура, чего нельзя сказать о кете осенней: «Нерестилища осенний кеты в основном выше Хабаровска, особи этой формы доходят до рек Аргуни и Онона» [ЭХКиЕАО 1995: 131].

5.8. Топонимика, а точнее, названия рек («потамонимов» – от греческого *ποταμός* ‘река’), как будто подтверждает локализацию родины языковых предков тунгусоманьчжурских народов в южной части Дальнего Востока – в бассейне реки Амур. Так, при ознакомлении с потамонимами бассейна Нижнего Амура (только, к сожалению, не в той форме, в какой они представлены в местных языках) можно прийти к выводу

о том, что немалая их часть имеет в исходе звук *-r* (далее все потамонимы, представленные в [ЭХКиЕАО 1995] приводятся в записи кириллицей):

Аир (иначе *Гайча(н)*), длина 54 км, правый приток р. *Горин*;
Амер, длина реки 112 км, приток р. *Улика*;
Аур, длина реки 74 км, левый приток р. *Большой Ин*;
Батур, длина реки 29 км, приток р. *Акиба* в бассейне *Буреи*;
Боктор (иначе *Вокчор*), длина 35 км, левый приток р. *Горин*;
Большой Будюр, длина реки 28 км, приток р. *Кур*;
Гур, длина реки 349 км, впадает в протоку *Гурская*;
Джаур, длина реки 88 км, левый приток р. *Гур*;
Дитур, длина реки 79 км, правый приток р. *Утура*;
Кульдур, длина реки 64 км, левый приток р. *Бира*;
Кур (иначе *Олгон*), длина 434 км, левый приток р. *Тунгуска*;
Обор, длина реки 142 км, правый приток р. *Сита*;
Пир, длина 34 км, приток р. *Манома*, впадающей в р. *Ануй*;
Санар, длина реки 41 км, приток р. *Кур*;
Сутар (иначе *Сутара*), длина 123 км, правый приток р. *Бира*;
Сюмнюр, длина реки 77 км, впадает в оз. *Болонь*;
Тудур (иначе *Мачтовая*), 103 км, правый приток р. *Амур*;
Уктур, длина реки 86 км, правый приток р. *Гур*;
Укур, длина реки 103 км, левый приток р. *Симми*;
Хар, длина реки 66 км, впадает в оз. *Гасси*;
Хор (иначе *Пор*, *Хоро*), 453 км, правый приток р. *Уссури*;
Эвур, длина реки 283 км, впадает в оз. *Эворон*;
Элеор, длина реки 65 км, левый приток р. *Харни*.

Звук *-r* имеется также в исходе нескольких названий рек бассейна Охотского моря (*Ир*, *Луктур*, *Нетер*, *Тугур*, *Чогар*). На *-r* оканчиваются, по крайней мере, два названия рек бассейна Татарского пролива (*Акур*, *Чичимар*). В Читинской области есть реки *Амазар*, *Газимур*, *Джалир*, *Калар*, *Тунгир*. Любопытно, что и в бассейне Лены есть река, название которой оканчивается аналогичным согласным (*Учур*)⁶.

В современной китайской провинции Хэйлунцзян, граничащей с Амурской областью, и с Ерейской автономной областью, имеется ряд потамонимов, оканчивающихся специфическим китайским звуком, которым обычно передается *-r* в исходе иноязычных слов, в том числе и имен собственных (названия рек приведены здесь так, как они представлены на географических картах, изданных в Советском Союзе):

Амуэрхэ, *Хумаэрхэ*, *Нюэрхэ*, *Таоэрхэ*, *Добуэрхэ*, *Хайлар*, *Нэмэрхэ*, *Уюр*, *Цихоэрхэ* и, возможно, некоторые другие (хэ по-китайски означает 'река'; *Амуэрхэ*, *Хумаэрхэ*, *Нюэрхэ*, *Таоэрхэ*, *Добуэрхэ*, *Цихоэрхэ* на самом деле произносятся по-китайски примерно как *Амурхэ*, *Хумархэ*, *Нюрхэ*, *Тарухэ*, *Добукурхэ*, *Цихорхэ*, причем звук *r* чем-то напоминает английский или скорее американский *r*).

Формант *-r*, по-моему, имеется или реконструируется в таких ключевых для юга Дальнего Востока потамонимах как *Амур*, *Сунгари* и *Уссури*. Гласный *i* в исходе названий *Сунгари* и *Уссури* является, по-видимому, поздним, вторичным; оба потамонима заимствованы из маньчжурского, где в конце слова звук *r* либо отпадал (если этот *r* следовал непосредственно за долгим гласным), либо «прикрывался» эпитетом в виде гласного *i*. Реконструированные потамонимы **Sungar* и **Usur* (ср. *Ушур* в русских ис-

⁶ Сведения о реках бассейнов Нижнего Амура, Охотского моря, Татарского пролива и Лены указаны по работе [ЭХКиЕАО 1995: 291–305], в которой они, в свою очередь, приведены по данным Дальгидромета [ЭХКиЕАО 1995: 305].

торических документах) в отношении конечного согласного соответствуют русскому названию реки Амур (в ранних источниках *Омур* и даже вроде бы *Момур*⁷, что уже вполне можно сравнить, например, с фонетически весьма архаичным негидальским названием этой реки *Матгу* (< **Matγur*?), ср. также нанайское ее название *Maγbo*, ульческое *Maγgi*). Кроме того, на -r оканчивается потамоним *Silker* ~ *Šilker* – так тунгусы называли Амур в среднем и верхнем его течении, а также реку Шилку, которая, как известно, сливаясь с Аргунью, и образует Амур (кстати, гидроним Шилка является адаптацией тунгусского *Šilker*). А.Ф. Миддендорф приводит два аборигенных названия Амура: *Mámtgu* и *S'ilkirj* [Миддендорф 1878]. А.О. Ивановский дает в своих словарных материалах солонское название Амура *Ширкэл* (явная метатеза; имеющиеся в оригинале диакритические знаки указывают, очевидно, на ударение на втором слоге и на палатализацию согласного л) и со ссылкой на Р.К. Маака название этой реки у маньгров (*Silkär*) [Ивановский 1894: 29].

Интересно, что территория, на которой конечный звук r в названиях рек встречается не столь уж редко, в какой-то степени совпадает с ареалом памятников раннесредневековой археологической культуры мохэ.

На территории распространения потамонимов, оканчивающихся аффиксом -r, бывает также другое аффикальное оформление названий рек. К числу таких аффиксов, по-видимому, относятся -ми, -мин, -ма, -ра, -ли, а также -кан, обладающий диминутивным значением.

Весьма существенным представляется то, что название реки Амгунь, имеющееся в арсенале имен собственных ульчского и негидального языков, ввиду наличия в первом и отсутствия во втором анлаутного звука x (ульч. *Xeŋgi*, нег. *Eтγin*) следует считать очень древним, восходящим по меньшей мере к тому далекому времени, когда такое соответствие между родственными языками еще только вступало в свои права, т.е. когда звуковой переход *x- > *h- > φ- был еще живым, актуальным, а не историческим. По-видимому, река Амгунь в верхнем ее течении была на периферии той территории, которая осваивалась носителями тунгусо-маньчжурского прайзыка на самом позднем этапе его существования или, может быть, в то время, когда две основные диалектные зоны прайзыка стали основой так называемых промежуточных прайзыков – условно южного и условно северного (потомком первого является, в частности, ульческий язык, а среди потомков второго числится негидальский). Кстати, вполне возможно, что негидальное название Амгуни (*Eтγin*) имеет субстратное происхождение и негидальным языком было некогда воспринято из родственного ему языка, скорее всего, близкого к предку орочского, а также удэгейского.

5.9. Названия а) летней кеты в нанайском, ульчском и негидальском языках, б) дуба, ясения и тополя в нанайском, ульчском, маньчжурском, удэгейском, орочском и негидальском языках, в) реки Амгунь в ульчском и негидальском языках позволяют наметить географические контуры тунгусо-маньчжурской прародины и прилегавших к ней территорий на основе «правила анлаутного x-», которое формулируется следующим образом: если в сравниваемых словах тунгусо-маньчжурских языков наблюдается соответствие анлаутного x- нулю звука, то слова эти восходят как минимум к периоду формирования двух ныне существующих таксономических единиц на базе прайзыковых диалектов, а именно – условно северной группировки тунгусо-маньчжурских языков (как было уже сказано, в нее входят эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский, орочский и удэгейский языки) и условно южной (к ней относятся нанайский,

⁷ Если мне не изменяет память, о таких письменно засвидетельствованных российскими землепроходцами вариантах названия Амур (*Омур*, *Момур*) я узнал от Б.П. Полевого; пользуясь случаем, хотел бы помянуть добрым словом этого эрудированного специалиста по истории российского Дальнего Востока.

ульчский и орокский, а также, с некоторыми существенными оговорками, маньчжурский и чжурчжэньский).

Отражение анлаутного *x- в современных тунгусо-маньчжурских языках позволяет говорить о том, что носители прайзыка (все, а может быть, лишь какая-то их часть) или ближайших к нему по времени языков-потомков по крайней мере знали о существовании такой рыбы, как летняя кета (**xilkin* ~ **xilkun*), таких деревьев, как дуб монгольский (**xoloo-pkuraa* (< **xoloo-tki-raa*?)) или ясень маньчжурский (**xiwa-gdaa(n)*), а также такой реки, как Амгунь (*Хемдун). В этих и других подобных случаях формулировка «знали о существовании» является, несомненно, логически более приемлемой, чем выводы типа «носители прайзыка жили там, где...» или «носители прайзыка использовали в хозяйстве...». Например, очевидная возможность возведения к прайзыковому состоянию слова **latuu* (**laati?*) ‘море’ вовсе не свидетельствует о том, что исходная территория носителей прайзыка прилегала к берегу моря⁸ (кстати, т.-м. **latuu* (**laati?*) ‘море (а также, вероятно, название озера Байкал)’ имеет закономерное соответствие не только, например, в ненецком *jam'* (значком ’ передается назализованный гортанный смычный) ‘море; большая река’, но и в монгольском письменном *natiy* ‘болото’ (соответствие слов, означающих ‘море’ и ‘болото’, характерно для некоторых индоевропейских языков)). С другой стороны, вряд ли кому-нибудь придется в голову использовать невозможность обоснованно возвести какое-либо название жилища (например, **žiiy*) к пратунгусоманьчжурскому языковому состоянию как доказательство отсутствия жилища у носителей прайзыка.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: если звуковое соответствие, которое берет начало в диалектах прайзыка, проявляется в словах, обозначающих какие-то специфические объекты, свойственные в своей совокупности только одному определенному ареалу на географической карте, то открывается реальная возможность локализации этого прайзыка либо в пределах самого этого ареала, либо на какой-то смежной с ним территории.

6.0. Предположительный возраст тунгусо-маньчжурской языковой семьи

Для установления времени раздельного существования тунгусо-маньчжурских языков (или, что то же самое, абсолютного возраста этой генетической общности) можно попытаться использовать метод глottoхронологии.

По моим подсчетам максимальное время расхождения дают эвенкийский и маньчжурский языки, однако нанайский, как ни странно, оказался в одинаковой степени близок как эвенкийскому, так и маньчжурскому [Певнов 1984: 32]⁹:

ЯЗЫКИ	ВРЕМЯ РАЗДЕЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
Эвенкийский и маньчжурский	2000 лет
Эвенкийский и нанайский	1200 лет
Нанайский и маньчжурский	1200 лет

Для подтверждения правильности установленного таким методом возраста тунгусо-маньчжурской языковой семьи (~2000 лет) попробуем применить предложенный С.Е. Яхонтовым способ «оценки степени близости родственных языков». С.Е. Яхон-

⁸ При том, что языковые предки тунгусо-маньчжурских народов жили, по-видимому, на немалом расстоянии от моря (и от Японского, и от Охотского), в их реконструируемом прайзыке было не только слово, обозначавшее море (**latuu*), но также восстанавливаются, как ни странно, названия таких морских животных, как кит (**kaalima* ~ **kalimi*,ср. нивх. *qalm* ‘небольшой кит’) и нерпа (**peete*).

⁹ Искренне благодарю С.Е. Яхонтова за консультации по поводу глottoхронологии.

товым разработана шкала, «основанная не на возрасте языковых различий, а на их практическом значении для носителей языков или для исследователей» [Яхонтов 1980: 150]. Из шести градаций этой шкалы для нашей темы интерес представляют третья и четвертая. Различия между нанайским и эвенкийским языками соответствуют на этой шкале третьей степени родства: «Носители разных идиом не могут свободно общаться, но постоянно слышат в речи друг друга знакомые слова и даже короткие фразы. Говорящий на одном языке может научиться понимать другой, “постепенно привыкая” к нему, без учебника или переводчика. Таковы отношения между русским и болгарским или польским, турецким и татарским, тхайским (сиамским) и шанским. Возраст таких различий – 1000–1500 лет» [Там же: 151]. Различия между эвенкийским и маньчжурским вполне отвечают четвертой степени родства: «общение невозможно, но при систематическом изучении языков мы обнаруживаем множество общих слов (почти для всех основных понятий) и правил грамматики, включая и сходство очень многих грамматических морфем... Примером могут послужить английский и шведский языки, но, может быть, также и значительно дальше отстоящие друг от друга русский и литовский. Возраст различий, соответствующий этой степени родства, – не менее 2000 лет» [Там же: 152]. Что касается различий между нанайским и маньчжурским, то их следует отнести или к четвертой степени, или же поместить где-то между четвертой и третьей (но ближе все-таки к четвертой). Таким образом, в соответствии с этим оригинальным методом оценки абсолютного возраста тунгусо-маньчжурская языковая семья должна быть не моложе двух тысяч лет (причем вряд ли она существенно старше).

Еще одним способом определения приблизительного абсолютного возраста тунгусо-маньчжурской языковой семьи является предпринимаемая ниже попытка установить связь между таким важным термином материальной культуры тунгусоманьчжуроязычных народов как название железа и датировкой появления и повсеместного распространения этого металла на интересующей нас территории в рамках определенной археологической культуры. Суть дела в том, что название железа является общим для всех без исключения тунгусо-маньчжурских языков, для гипотетического пражзыка оно легко реконструируется как **sele* (кстати, именно так оно и звучит у большей части современных представителей этой языковой семьи, а именно – в некоторых диалектах эвенкийского, солонского, в негидальском, орочском, удэгейском, ульчском, орокском, нанайском, маньчжурском и, вероятно, так же его следует восстанавливать для чжурчжэньского языка). Примечательно, что соответствующего слова нет ни в монгольских, ни в тюркских языках. Нечто подобное есть лишь в корейском (чхэль), где оно явно из китайского (причем в весьма древнем его состоянии), однако этимологическая связь корейского слова чхэль ‘железо’ и, например, нанайского или удэгейского *sele* ‘железо’ не представляется убедительной в отношении звуковых соответствий. Сам факт наличия в реконструируемом пражзыке названия железа, а также названия только ему иногда свойственной ржавчины (**sem̥tu*) свидетельствует о том, что с этим исключительно важным для культурного прогресса металлом далекие языковые предки современных тунгусо-маньчжурских народов познакомились еще тогда, когда пражзык представлял собой единое целое в виде континуума влиявших друг на друга диалектов. Иначе говоря, общетунгусоманьчжурское название железа дает возможность установить примерную нижнюю временную границу начала распада пратунгусоманьчжурского языка («распад мог начаться не ранее такого-то времени»); понятно, что верхней границы («распад мог закончиться не позднее такого-то времени») не существует в принципе, поскольку железом носители соответствующих языков продолжают пользоваться, естественно, до сих пор.

Обратимся теперь к доступным нам археологическим данным. В Приамурье, в частности на Среднем Амуре, крайне немногочисленные изделия из железа появляются, видимо, где-то в конце 2-го тысячелетия до нашей эры [Деревянко 1973: 243], однако только после VIII–VII веков до нашей эры, т.е. в период польцевской культуры, «железо почти вытесняет камень» [Деревянко 1973: 270]. Таким образом, освоение

ние железа на территории Среднего Приамурья приходилось в основном на первую половину первого тысячелетия до нашей эры, во второй же половине этого тысячелетия железо уже навсегда заняло здесь прочные позиции.

Странным представляется то, что для железа в тунгусо-маньчжурском прайзыке было свое, во всяком случае, не заимствованное из монгольских или тюркских языков название (**sele*), в то время как названия серебра (**teđgun*) и меди (**čiiri(-)*), изделий из железа (топора (**suke*), копья (**gida*), крюка, например, для подвешивания котла (**goko*)), а также некоторых инструментов для его кузнечной обработки (молота (**paluka*), кузнечного меха (**kiurge*)) определенно имеют монгольское происхождение. Заимствование всех этих терминов культуры из прамонгольского в пратунгусо-маньчжурский кажется совершенно естественным, потому что монгольское влияние на тунгусо-маньчжурский прайзык было весьма глубоким хотя бы по той простой причине, что прамонгольский был, очевидно, его непосредственным соседом.

7.0. Некоторые хозяйствственно-культурные особенности носителей тунгусо-маньчжурского прайзыка

Итак, «пратунгусоманьчжуры» определенно были знакомы с навыками обработки металлов, о чем свидетельствует лексика, как только что было сказано, большей частью заимствованная из какого-то древнего монгольского источника (кроме названия железа).

Вряд ли будет ошибкой сказать, что носители прайзыка не занимались земледелием – ведь если бы было иначе, то в современных тунгусо-маньчжурских языках обязательно сохранилось бы хоть что-нибудь в лексике, что так или иначе указывало бы на это (например, возможность прайзыковой реконструкции слова, обозначающего зерно). Кстати, тунгусо-маньчжурская языковая семья отличается от многих других отсутствием такого названия соли, которое было бы этимологически общим для всех ее представителей. В языках народов, имеющих земледельческие традиции, название соли можно причислить чуть ли не к базисной лексике, обладающей очень высокой степенью сохранности (т.е. незаменимости заимствованиями или синонимами, хотя, впрочем, синонимия возникает довольно поздно как особенность языков, имеющих письменную традицию). Это касается, например, индоевропейских, а также китайско-тибетских языков; впрочем, общее название соли характерно и для тюркских языков, что дает возможность восстанавливать его в пратюркском, носители которого были, вероятно, в какой-то мере знакомы с земледелием (во всяком случае, с его продуктами), однако главным их занятием несомненно было скотоводство. Итак, наличие в какой-либо языковой семье восходящего к прайзыку названия соли еще не является доказательством наличия земледелия у его носителей, отсутствие же общего для языковой семьи названия соли должно, по-моему, указывать на отсутствие земледелия у говоривших на прайзыке. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что в тунгусо-маньчжурских языках имеется семь разных по происхождению слов, обозначающих соль [Певнов 1985: 19–35] и это косвенно свидетельствует о несущественной ее роли в приготовлении пищи далекими языковыми предками тунгусо-маньчжурских народов и, стало быть, о неземледельческом хозяйстве этих самых предков.

Поскольку мы коснулись некоторых пищевых особенностей пратунгусоманьчжур, то не будет лишним сказать о двух словах, реконструируемых на прайзыковом уровне: 1) т.-м. **sila-* ‘жарить рыбу или мясо на рожне’ (соответствует пратюрк. **sīł* ‘вертел, рожон’, ср. др.-турк. *sīš ~ šīš* ‘вертел’, из тюркского же источника в значительно более позднее время было заимствовано и русское слово *шашлык* [Фасмер 1973: 416–417]) и 2) т.-м. **talaka* ‘рыба или мясо, употребляемые в пищу в сыром виде’. Отмечу попутно, что такое вроде бы «очень нивхское» слово как *talk* ‘строганина из свежей или мороженой рыбы’ имеет тунгусо-маньчжурское происхождение, причем морфонологическое варьирование согласных в начале нивхского слова (*talk / dalk /*

ralk) требует восстанавливать его как **dalk* < **dalaka*; любопытно также, что из какого-то тунгусо-маньчжурского языка, скорее всего, из эвенкийского, было заимствовано русскими говорами Приамурья слово *тала* ‘кушанье из мелко нарезанной рыбы’, указанное в [СРГП 1983: 295].

По поводу разведения и содержания домашних животных можно сказать следующее. В тунгусо-маньчжурском прайзыке вполне надежно восстанавливаются только два названия домашних животных – собаки (**yinda(-kun)* ~ **yina(-kun)*) и лошади (**turin*). Под вопросом остается наличие названия домашнего оленя – в подавляющем большинстве тунгусо-маньчжурских языков домашний олень называется *oro(n)*. Есть это слово и в маньчжурском (*orōn* ‘домашний олень’), однако непонятно, является ли оно исконным или заимствовано из тунгусского языка. Кстати, в орокском и орочском языках представлены варианты иного названия домашнего оленя (орок. *ulaa* ‘домашний олень’ [Ikegami 1997: 218], ороч. *ulaa* ‘домашний олень’ [Авторин, Лебедева 1978: 238]); в конечном счете эти слова восходят, по-моему, к какому-то древнему монгольскому источнику (ср. монг. *ipaas(n)* ‘верховое животное, верховая лошадь, верблюд’ < **ipaṣa* < **ulaṣa*)¹⁰.

Название лошади в тунгусо-маньчжурских языках (**turin*) имеет монгольское происхождение, при этом заимствование произошло, скорее всего, еще в пратунгусоманьчжурский период, о чем свидетельствует, во-первых, наличие соответствий во всех представителях этой семьи [ССТМЯ 1975: 558–559], а во-вторых, наличие гласного *и*, а не *о* в первом слоге¹¹ (т.е. *turin*, а не *morin* (*mor'*), как в монгольских языках).

О том, что носители пратунгусоманьчжурского языка вполне могли разводить лошадей и использовать их в хозяйстве, свидетельствует не только реконструируемое для него название лошади, но также возводимое к прайзыку слово с корнем **oro-* ‘трава, сено’ (соответствующие слова имеются во всех тунгусо-маньчжурских языках [ССТМЯ 1977: 24]). Интересно, что в языках тех народов, которые не занимаются коневодством (например, в эвенском, негидальском, орочском, удэгейском, орокском, нанайском, а также в эвенкийском¹²), есть слова, означающие ‘сено’, а если говорить точнее, то семантика их несколько шире, например, эвенское *oraat* имеет следующие значения: ‘трава (старая, высохшая); сено; солома’. По-видимому, наличие таких слов

¹⁰ О том, что интервокальный звук *l* в монгольском слове *ipaas(n)* ‘верховое животное, верховая лошадь, верблюд’ восходит к *l*, свидетельствует звучание соответствующего древнетюркского слова *ulay* (< **ulaṣa*) ‘вьючное животное, верховой конь’; последнее должно быть монголизмом, поскольку монг. *ipaas(n)* образовано от глагола *ipa-* ‘садиться верхом, ездить верхом’, в то время как древнетюркское название вьючного животного *ulay* является непроизводным и, следовательно, заимствованным (следует отметить, что в «Древнетюркском словаре» в статье «ULAÝ II» объединены слова, имеющие разную этимологию: *ulay* ‘вьючное животное, верховой конь’ и *ulay* ‘почтовый транспорт на перегонах между станциями’ [ДТС 1969: 608]). Также, на мой взгляд, ошибкой является включение в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» в одну и ту же словарную статью орочского и орокского названий домашнего оленя (*ula*) вместе с этонимами типа *ujla* ‘орок’ [ССТМЯ 1977: 262–263]; кстати, такое сравнение впервые было предложено Л.Я. Штернбергом [Штернберг 1933: 396].

¹¹ Гласный *о* (а не *и*) в первом слоге слова, означающего ‘лошадь’, мы видим в четырех тунгусо-маньчжурских языках – в солонском, негидальском, нанайском и маньчжурском [ССТМЯ 1975: 558–559]. Что касается негидальского и нанайского, то такое качество гласного объясняется действием закона сингармонизма в этих языках. Маньчжурское и солонское названия лошади можно квалифицировать как весьма поздние монголизмы, заменившие более раннее **turin*, которое совпадает по звучанию с также реконструируемым чжурчжэнским названием этого животного.

¹² Некоторые группы эвенков Забайкалья и Приамурья были коневодами, однако слово, означающее ‘сено’ (точнее, ‘трава (старая, высохшая); сено; солома’ [ССТМЯ 1977: 24]) есть во всех многочисленных эвенкийских диалектах, в том числе и в тех, носители которых являются оленеводами.

в языках неконеводческих народов можно объяснить тем, что их далекие языковые предки в какой-то степени были знакомы с коневодством. Кстати, в языке таких классических коневодов, как монголы, также нет слова, которое обозначало бы только сено – например, в халха-монгольском языке *əws(ən)* означает ‘трава; сено’.

Вероятно, прайзыковыми или же непосредственно постпрайзыковыми могут быть в тунгусо-маньчжурских языках три термина, связанных со скотоводством (скорее всего, с оленеводством). К такому выводу позволяет прийти уже известное нам «правило анлаутного *x*-»: 1) в одних тунгусо-маньчжурских языках интересующие нас слова начинаются согласным *x*- (а если перед *i*, то согласным *s*-), например, в орокском: *xakta-* ‘кастрировать’, *xamatana* ‘олень (самец 5–6 лет)’, *silma* ‘недоуздок’; 2) в других тунгусо-маньчжурских языках начальный *x*- в семантически и фонетически соответствующих словах отсутствует (например, в эвенкийском: *akta-* ‘кастрировать оленя’, *atarkaan* ‘олень (бык 5 лет и старше)’; медведь (самец от 5 лет и старше), *intan*, *inttar* ‘недоуздок’); 3) следовательно, рассматриваемые слова восходят к тому времени, когда происходило формирование двух основных ветвей тунгусо-маньчжурских языков – условно северной и условно южной (имеется в виду классификация на основе главным образом историко-фонетических данных).

Интересно, что в орокском и нанайском *xakta-* ‘кастрировать’ имеется начальный звук *x*-, который отсутствует в соответствующем письменно-монгольском слове *aŋala-* ‘кастрировать’. Случаи такого рода исключительно редки и необъяснимы.

Хотелось бы также отметить, что орок. *xamatana* ‘олень (самец 5–6 лет)’ этимологизируется следующим образом: *xamatana* < *xatačana* < *xamarkana* (**xamar-kana*, где производящая основа **xamar-* имела значение ‘задний; поздний’, ср. эвенк. *yoŋarkaan* ~ *yoŋarkana* ‘олень-бык (3–4 лет)’ < *yoŋ-* ‘опередить, обогнать’, орок. *notono* ~ *yoŋono* < **yoŋkono* ‘олень-бык (четырех-пяти лет, ездовой)’). Таким образом, оба этих оленеводческих термина являются и очень древними (ввиду наличия / отсутствия начального звука *x*-), и безусловно исконными, незаимствованными, поскольку они имеют внутреннюю форму («поздний» и «ранний»).

8.0. Соседи тунгусо-маньчжурского прайзыка и его непосредственных потомков

Если говорить о лексических заимствованиях в пратунгусоманьчжурском языке, то в нем было значительное количество монголизмов; в качестве примеров приведу пару немаловажных в культурном отношении сравнений, остававшихся до сих пор незамеченными: т.-м. **soona* ‘дымовое отверстие в жилище’, ср. п.-мо. *toŋuna* ‘дымовое отверстие юрты’¹³; т.-м. **xöld(-)* ‘белка’, ср. п.-мо. *xili-žana* ‘мышь, крыса’ (кит. *songshu* ‘белка’ буквально означает ‘сосновая мышь (крыса)’). Кроме монголизмов, тунгусоманьчжурские языки заимствовали в далеком прошлом из неизвестного тюркского языка сравнительно небольшое число слов, которые, впрочем, вовсе необязательно должны относиться к пратунгусоманьчжурскому языковому состоянию; имеются в

¹³ Не известное до сих пор соответствие звуков *t* и *s* в начале некоторых слов связывает между собой не только определенное количество тюркских и монгольских слов с тунгусоманьчжурскими (например: маньчж. *se-* ‘говорить’ и др.-турк. *te-* ‘говорить, сказать’, маньчж. *sežen* ‘телега’ и п.-мо. *tergen* ‘телега’, эвенк. *sill* ‘одежда (верхняя)’ и др.-турк. *ton* ‘одежда’, эвенк. *tiireen* ‘слово’ и др.-турк. *söz* ‘слово, речь’, эвенк. *tereē-* ‘устоять, вытерпеть, выдержать’ и др.-турк. *ser-* ‘терпеть, выносить; оставаться в одном положении, задерживаться, застывать’), но существует также внутри самой тунгусо-маньчжурской семьи языков (имеется в виду лежащее на поверхности сравнение, например, эвенкийского *tipa* ‘пять’ с маньчжурским *sunža* с тем же значением, а также остававшееся почему-то без внимания аналогичное соответствие эвенкийского *turga-* ‘подпереть; распереть (палкой); опираться (на палку)’ и маньчжурского *suža-* (< **turga-*) ‘подпирать; опираться (на посох); ...’).

виду, например, следующие сравнения с одинаковым звуковым соответствием тунгусо-маньчжурского *l* (не *r*, как ни странно, а почему-то именно *l*) тюркскому *z*: т.-м. **tal-**lu*- ‘береста’, маньчж. *tolxon* ‘береста’ и др.-турк. *tog* с тем же значением; т.-м. (условно северное) **ôleek* ‘ложь, лживый’ и др.-турк. *ezük* ‘ложь, лживый’; эвенк., нег., ороч., удэг., ульч., орок., нан. *tule-* ‘поставить, насторожить (ловушку, самострел)’ и др.-турк. *tuzaq* ‘силок’; интересно в этой связи соответствие между, например, эвенкийским словом *kalan* ‘котел’ и, скажем, татарским *qazap* с тем же значением, между эвенкийским фольклорным *kiliwlii* ‘девушка, сестра’ и татарским же (а вообще-то общетюркским) словом *qız* ‘девушка’, между удэгейским *sala^ha* ‘болото (лесное)’ и татарским *saz* ‘болото’ (при этом следует иметь в виду, что в дахурском (дагурском) языке есть весьма близкое к удэгейскому название болота: *Чáлага* [Ивановский 1894: 55]). Эти еще не предлагавшиеся и в некоторых отношениях не совсем надежные (а то, может быть, и совсем не верные) сравнения приведены для того, чтобы показать неполноту информации, а иногда и полное отсутствие сведений о древних контактах тунгусо-маньчжурских языков.

Праязыковых заимствований из древнего или архаического китайского в тунгусо-маньчжурском праязыке нет, а если говорить точнее, то пока не обнаружено (поэтому не подтверждается гипотеза С.М. Широкогорова о приходе предков тунгусов из междуречья Хуанхэ и Янцзы), однако в общий предок чжурчжэньского и маньчжурского языков древние китаизмы могли попадать окольным путем – например, через язык государств Когурё или Фуюй (о возникшем в I веке до н.э. малоизвестном государстве Фуюй на территории современного северо-восточного Китая между Большим Хинганом и рекой Нонни см. в статье [Лебедева 1985: 4, 5]). Кстати, загадочное государство Фуюй должно было находиться в непосредственной близости как в пространстве, так и во времени от гипотетической пратунгусоманьчжурской территории. Если это было действительно так, то непонятно, почему такое соседство не повлияло на культурную лексику тунгусо-маньчжурского праязыка. Ведь в нем, судя по всему, отсутствовали слова, означавшие, например, ‘ткань’, ‘колесо’, ‘деревня’, ‘город’, ‘война’, ‘праздник’, ‘вес’, ‘цена’, ‘работать’, а также обозначавшие некоторые другие атрибуты общества соответствующего уровня социального и экономического развития. При этом хотелось бы отметить, что в пратунгусоманьчжурском было очень широко распространенное – от Сербии (*ракија* ‘водка’) до Сахалина (нивх. *arak* ‘водка’) – название спиртного напитка (**arakii*), а также определенно существовало заимствованное из монгольских языков глагольное слово, обозначавшее желаемый результат воздействия такого напитка на человека (**sokto-* ‘опьянеть’, из всех тунгусо-маньчжурских соответствующего слова почему-то нет только в эвенском языке).

Пратунгусоманьчжурских заимствований из известных палеоазиатских языков обнаружить не удалось, хотя, разумеется, палеоазиатских языков раньше вполне могло быть больше, чем в последние несколько веков¹⁴.

Если говорить о более поздних, т.е. не праязыковых заимствованиях в тунгусо-маньчжурских языках, то особый интерес представляют результаты глубоких контактов на территории Маньчжурии предка чжурчжэньского и маньчжурского языков предположительно с киданьским как весьма архаичным монгольским, а еще раньше с каким-то загадочным языком весьма цивилизованного народа, вероятно, создавшего

¹⁴ У Н. Витсена (Витсен) на «мугальском» языке приведены какие-то очень странные слова (*Mugaelische Woorden*) – наряду с явно монгольскими названиями лошади (*Mouri*), золота (*Alta*), серебра (*Mong*), а также приветствием *Seinou* (ср. монг. *сайн уу?*), на которое отвечают *Sein* (ср. монг. *сайн*), мы видим загадочные глагольные словоформы с не менее загадочными местоимениями 1-го и 2-го лица ед.ч.: *Ni daliba* ‘Я ударил (ik heb geslagen)’, *Gi dalteba* ‘ты ударил (gy heb geslagen)’ [Witsen 1785: 266]. В этих словоформах (кроме них, указаны и некоторые другие) монгольским является, пожалуй, лишь показатель прошедшего времени *-ba*; местоимение *ni* ‘я’ совпадает не только, скажем, с нивхским, но и с баскским, что свидетельствует, скорее всего, о случайности такого совпадения (хотя кто знает?).

государство Когурё (а также, может быть, Фуюй); с другой стороны, общий далекий предок эвенкийского, солонского, эвенского, негидальского, орочского и удэгейского какое-то время, по-видимому, контактировал с чукотско-камчатскими и с тюркскими языками, о чем свидетельствуют немногочисленные, но крайне любопытные лексические заимствования, характерные для этой условно северной группировки тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Лингвистическое доказательство существования в далеком прошлом таких связей может существенно повлиять на наши пока еще очень смутные представления о языковом ландшафте южной части Дальнего Востока в I тысячелетии н.э.

9.0. Резюме

А. Локализация праязыка может быть осуществлена разными способами, однако наряду с испытаным и надежным топонимическим перспективным представляется предлагаемый в данной статье метод «привязки» самых ранних звуковых переходов, свойственных наиболее древним таксономическим единицам данной языковой семьи, к какому-либо конкретному объекту на карте или к каким-либо уникальным особенностям флоры и фауны определенных географических зон. Для тунгусо-маньчжурских языков такой опыт дает любопытные результаты на основе, в частности, известного исторического фонетического перехода **x- > φ-*, произшедшего в далеких предках одних языков (эвенкийского, солонского, эвенского, негидальского, орочского, удэгейского, маньчжурского и в какой-то степени чжурчжэнского) и не свойственно другим (нанайскому, ульчскому, орокскому и в определенной степени чжурчжэнскому).

Б. Применение лингвистических методов поиска родины языковых предков, в том числе и метода привязки некоторых данных исторической фонетики к определенным географическим реалиям, позволяет выскажаться в пользу уже предлагавшейся А.П. Деревянко идеи локализовать прародину тунгусо-маньчжуров в Среднем Приамурье [Деревянко 1976: 274]. Следовало бы, правда, уточнить, что родина языковых предков тунгусо-маньчжурских народов находилась не в равнинных районах бассейна Среднего Амура, а в гористой местности с хвойно-широколиственными лесами. Возможно, к ней относилась южная часть Буринского хребта, а также Малый Хинган, причем не только на российской, но и на китайской территории, где эта горная система занимает значительную площадь и расположена в целом параллельно реке Амур.

В. С лингвистической точки зрения родиной языковых предков должна быть территория, на которой начали формироваться ветви (группы) языковой семьи. Существенное усиление процессов дивергенции праязыковых диалектов, превратившихся со временем в ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи, можно датировать приблизительно началом нашей эры.

Г. Ближайшими соседями пратунгусоманьчжуров были прамонголы, оказавшие существенное влияние на их язык и культуру и тем самым, вероятно, стимулировавшие и ускорившие распад тунгусо-маньчжурского праязыка.

Д. Носители пратунгусоманьчжурского языка, по-видимому, обладали определенными навыками в металлургии, имели какое-то представление о коневодстве, а впоследствии и об оленеводстве, при этом основным и любимым их занятием всегда была охота, пристрастие к ней передавалось из поколения в поколение и является наряду с генетической общностью языков одной из немногих особенностей, объединяющих такие разные народы как, например, оленеводы-эвенки, преимущественно рыболовы нанайцы и земледельцы-маньчжуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аворин 1963 – В.А. Аворин. О классификации тунгусо-маньчжурских языков // Труды двадцать пятого междунар. конгресса востоковедов. Т. III. М., 1963.

- Аворин, Лебедева 1978 – *В.А. Аворин. Е.П. Лебедева*. Орочские тексты и словарь. Л., 1978.
- Василевич 1960 – *Г.М. Василевич*. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // ВЯ. 1960. № 2.
- Гамкелидзе, Иванов 1984 – *Т.В. Гамкелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II. Тбилиси, 1984.
- Деревянко 1973 – *А.П. Деревянко*. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
- Деревянко 1976 – *А.П. Деревянко*. Приамурье в древности (до начала нашей эры). Новосибирск, 1976.
- Ивановский 1894 – *А.О. Ивановский*. *Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков*. СПб., 1894.
- Кормушин 1998 – *И.В. Кормушин*. Удыхайский (удэгейский) язык. М., 1998.
- Крюков, Софонов, Чебоксаров 1978 – *М.В. Крюков, М.В. Софонов, Н.Н. Чебоксаров*. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Лебедева 1985 – *Е.П. Лебедева*. Фуюй (Пуё) // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985.
- Меновицков 1964 – *Г.А. Меновицков*. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ. 1964. № 5.
- Миддендорф 1878 – *А. Миддендорф*. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Коренные жители Сибири. СПб., 1878.
- Оненко 1980 – *С.И. Оненко*. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- Певнов 1984 – *А.М. Певнов*. Глоттохронология и тунгусо-маньчжурская проблема // Археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984.
- Певнов 1985 – *А.М. Певнов*. О названиях соли в тунгусо-маньчжурских языках // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск, 1985.
- Певнов 2004 – *А.М. Певнов*. Чтение чжурчжэнских письмен. СПб., 2004.
- Сем 1976 – *Л.И. Сем*. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976.
- Суник 1958 – *О.П. Суник*. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.
- Суник 1959 – *О.П. Суник*. Тунгусо-маньчжурские языки // Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959.
- Суник 1985 – *О.П. Суник*. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л., 1985.
- Усенко 1984 – *Н.В. Усенко*. Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока. Справочная книга. Хабаровск, 1984.
- Фасмер 1973 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.
- Цинциус 1949 – *В.И. Цинциус*. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Шнейдер 1936 – *Е.Р. Шнейдер*. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л., 1936.
- Штернберг 1933 – *Л.Я. Штернберг*. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Яхонтов 1980 – *С.Е. Яхонтов*. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Golovko 1996 – *E. Golovko*. A case of non-genetic development in the Arctic area: the contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut // Language contact in the Arctic: Northern pidgins and contact languages. Berlin; New York, 1996.
- Ikegami 1997 – *J. Ikegami*. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin. Sapporo, 1997.
- Ikegami 2001 – *J. Ikegami*. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Researches on the Tungus language. Tokyo, 2001.
- Shirokogoroff 1944 – *S.M. Shirokogoroff*. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Tokyo, 1944.
- Witsen 1785 – *N. Witsen*. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige Gewesten, in de noorder en oostelykste deelen van Aziën en Europa. Eerste Deel. Amsterdam, 1785.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- БАМРС 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III. М., 2001.
- ДФДВ 1982 – Древесная флора Дальнего Востока. М., 1982.

- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- КрРС 1951 – Корейско-русский словарь / Сост. А.А. Холодович. М., 1951.
- КрРС 1960 – Корякско-русский словарь / Сост. Т.А. Молл. Л., 1960.
- КССУЯ 1998 – Кялудзюги-Симонова словарь удэгейского языка. Удэгейско-русско-удэгейский (препринт). Т. 2. Стеншев, 1998.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- НенРС 1955 – Ненецко-русский словарь / Сост. Н.М. Терещенко. М., 1955.
- НивхРС 1970 – Нивхско-русский словарь / Сост. В.Н. Савельева, Ч.М. Таксами. М., 1970.
- ПМРС 1875 – Полный маньчжурско-русский словарь. Составлен Иваном Захаровым. СПб., 1875.
- СРГП 1983 – Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятиной, Н.П. Шенкевич. М., 1983.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975.
- ССТМЯ 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. Л., 1977.
- ЧРС 1957 – Чукотско-русский словарь / Сост. Т.А. Молл, П.И. Инэнликэй. Л., 1957.
- ЭРС 1958 – Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. М., 1958.
- ЭХКиЕАО 1995 – Энциклопедия Хабаровского края и Еврейской автономной области. Хабаровск, 1995.
- AADD 1964 – An Ainu dialect dictionary. Tokyo, 1964.
- MED 1960 – Mongolian-English dictionary. General editor: F.D. Lessing. Compiled by M. Haltod, J. Gombojab Hangin, S. Kassatkin, F.D. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

© 2008 г. Ю.В. АДАСКИНА

АЛЛОКУТИВНЫЕ ФОРМЫ БАСКСКОГО ГЛАГОЛА

Статья посвящена исследованию аллокутивных форм баскского глагола. Аллокутивные формы баскского глагола содержат морфему, которая меняется в зависимости от пола адресата. Баскское согласование определяется не только набором аргументов, но и элементами, находящимися в позиции вынесенных топиков. Аллокутивное спряжение не определено нейтральными формами индикатива.

Аллокутив – это явление согласования глагола с «неаргументом», а именно адресатом речевого сообщения. Аллокутивные формы баскского глагола содержат морфему, которая меняется в зависимости от пола адресата. Такой тип согласования используется в разговорной речи при наличии особых доверительных отношений между говорящим и слушающим (так наз. «доверительный» регистр общения¹). В [Архипов, Нуждин (в печати)] отмечается, что аллокутивное спряжение в том или ином виде существует во всех баскских диалектах и фиксируется уже в древнейших памятниках литературы. Термин *аллокутив* впервые был предложен Л.-Л. Бонапартом в работе [Bonaparte 1862]; ср. также упоминания аллокутива в грамматических описаниях [Euskaltzaindia 1995; Gavel, Lacombe 1933; Hualde, Ortiz de Urbina 2003; Lafitte 1944; Rebuschi 2004; de Rijk 2008; Zubimendi, Esnal 1993; Zubiri I., Zubiri E. 2000].

Рассмотрим пример. Предложения *a*, *b*, *c* в (1) имеют одно и то же значение; предложение *a* нейтрально, тогда как *b* и *c* pragmatically маркированы, что выражается дополнительной морфемой (-*k/-a-* для адресата мужского пола, -*n/-na-* для адресата женского пола) в составе вспомогательного глагола:

(1) Экайц уехал в Ордисию².

a. Ekaitz Ordizia-ra joa-p	d-a
Экайц Ордисия-LAT уехать-PFV	3.A-AUX
[нейтральный регистр]	
b. Ekaitz Ordizia-ra joa-n	d-u-k
Экайц Ордисия-LAT уехать-PFV	3.A-AUX-ALLOC.M
[доверительный регистр; адресат: мужчина]	
c. Ekaitz Ordizia-ra joa-n	d-u-n
Экайц Ордисия-LAT уехать-PFV	3.A-AUX-ALLOC.F
[доверительный регистр; адресат: женщина]	

¹ Термин, предложенный Архиповым и Нуждиным [Архипов, Нуждин (в печати)]. Ср. англ. термины *intimacy, familiar treatment*.

² Примеры, для которых не указаны источники, сконструированы автором, и их грамматичность или неграмматичность подтверждена носителями языка. Хотелось бы поблагодарить Амайю Эгилегор (провинция Гипускоа), Лейре Ордуну (провинция Наварра) и Урци Барренчэа (провинция Бискайя) за неоценимую помощь и проявленный интерес. Также благодарим Фатиму Амлауи (Париж) за помощь с французскими примерами. Морфемное членение и нотация в примерах, которые были заимствованы из лингвистических работ, унифицированы.

Насколько нам известно, количество иноязычных работ, в которых предлагается объяснительный анализ аллокутива, невелико, а в работах на русском языке баскский аллокутив не анализировался никогда. В данной работе представлена трактовка, отличающаяся от предлагаемых ранее. Мы обсуждаем анализ, при котором аллокутив встраивается в аргументную структуру глагола, так как при доверительном диалоге адресат речевого сообщения становится дискурсивным топиком. Также в работе предпринимается попытка наметить перспективу типологического исследования аллокутива.

В разделе 1 настоящей статьи представлен краткий обзор работ³, посвященных аллокутиву. Раздел 2 посвящен характеристике материала исследования. Раздел 3 содержит необходимый минимум сведений о грамматике баскского языка. В разделе 4 описываются свойства аллокутивных форм, релевантные для данного анализа; в разделе 5 приводится формулировка основной гипотезы. Обнаруженные типологические параллели представлены в разделе 6, а в разделе 7 суммируются основные выводы.

1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АЛЛОКУТИВА

Аллокутив как экзотическая категория довольно давно привлекает внимание басковедов. При этом, как нам кажется, даже внутри баскского языка целый ряд связанных с данной категорией проблем остается недостаточно изученным. Кроме того, что аллокутивность сама по себе является типологически редким феноменом, она представляет особый интерес тем, что опровергает идею о взаимно-однозначном соответствии между согласовательными позициями и элементами аргументной структуры.

Отметим работы, описывающие или анализирующие баскское аллокутивное спряжение. Это, во-первых, исторический обзор Х. Альберди [Alberdi 1995], описывающий процесс превращения особых форм, различающих пол участника второго лица единственного числа, в систему аллокутивных форм. Кроме того, это диахронические работы [Lafon 1957; de Rijk 1991]. Описание аллокутива как особой категории представлено в статьях [Lafon 1959; Alberdi 1986], а также [Bottineau, Roulland 2003]. Широкое распространение получил анализ [Rebuschi 1981]; в центре данной работы стоит вопрос о том, тождественен ли аллокутив эргативу и дативу в омонимичных формах (о морфологической структуре аллокутивных форм и о возникающей омонимии см. ниже). Сравнивая парадигмы различных диалектов и рассматривая специальные синтаксические контексты, автор приходит к отрицательному ответу на этот вопрос. Тот же вопрос стоит в исследовании [Coyos 2006], автор которого приходит к заключению о синкретизме эргатива и аллокутива. В статье [Otmazabal, Romero 2007] баскский аллокутив упоминается при обсуждении неаргументных клитик и согласовательных морфем, а именно, этического датива (*dativus ethicus*) и утверждается, что эти явления похожи. В исследовании [Moreno 1988] аллокутив рассматривается в свете залога и мены диатезы. Прибавление аллокутивной морфемы автор рассматривает как маркирование дополнительной валентности (подробнее о структуре аллокутивных форм см. ниже), из чего делается вывод, что аллокутив – это залоговое преобразование, при котором не происходит мены диатезы.

Рассмотрим несколько работ, анализирующих аллокутив в рамках формальных теорий. Л. Эгурен [Eiguren 2000] предлагает анализ в терминах распределенной морфологии. Согласно Эгурену, морфологически аллокутив ведет себя в ряде случаев как эргативный или дативный аргумент, а его синтаксические свойства отличаются от них, из чего автор заключает, что аллокутив генерируется на автономном постсин-

³ Мы бы не смогли ознакомиться с большинством упомянутых работ, если бы не помочь Нереи Мадариаги и Луиса Эгурена, за что мы им искренне благодарны. Кроме того, хотелось бы поблагодарить А.Е. Кибрика, указавшего нам на багвалинский материал, и Е.Ю. Калинину, ознакомившуюся с первоначальным вариантом текста и высказавшую ценные замечания.

таксическом уровне. В статье [Oyharçabal 1993] представлен анализ аллокутивного спряжения в рамках генеративного подхода. Данный анализ опирается на предположение о невозможности употребления аллокутивных форм во вложенных предикациях (подробнее см. ниже). Автор предполагает наличие специального аллокутивного оператора e_{ALLO} ⁴. Этот оператор генерируется в позиции спецификатора TP⁵, которую обычно занимает комплементайзер (категория, соответствующая подчинительному союзу), таким образом e_{ALLO} блокирует возможность наличия любого другого комплементайзера, чем и объясняется синтаксический запрет на употребление аллокутивных форм в зависимых предикациях.

В русскоязычной литературе термин «аллокутив» можно встретить в монографии [Мельчук 1998]. Автор говорит о баскском аллокутиве как об одной из разновидностей маркирования семантического рода участников речевого акта, не считая аллокутив согласованием.

Наконец, обзор работ по аллокутиву был бы неполным без упоминания работ, посвященных социолингвистическому аспекту употребления аллокутивных форм. Это, прежде всего, очерк [Alberdi 1994], а также ряд статей об использовании аллокутива в том или ином диалекте, например [Aitxekoetxea 2003].

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аллокутив описан в рамках батуа (баск. *batua* ‘объединенный’) – стандартизованного баскского, разработанного Академией баскского языка, однако он не входит в программу курсов, которые преподаются детям и взрослым. Вероятно, существуют носители батуа, которые владеют аллокутивным спряжением, но их число, по-видимому, будет невелико. Большинство людей, употребляющих аллокутивные формы, являются носителями диалектов баскского языка⁶. Правила образования и сфера употребления аллокутива в диалектах имеют существенные различия, как между диалектами, так и по отношению к батуа, но носители, употребляющие аллокутивные формы, обычно владеют формами батуа, наряду с формами своего диалекта.

Материал, на котором построена данная работа, включает:

- фрагменты парадигм, цитируемые по материалам Академии баскского языка и грамматических описаний; все данные относятся к батуа;
- примеры из баскского корпуса XX века, который содержит диалектную разметку; один из приводимых в работе примеров (пример 5a) относится к батуа, другой (пример 5b) – к диалекту провинции Гипускоа;
- примеры из Интернета, определить диалектную принадлежность которых не удается, отметим только, что все глагольные формы приведенного в работе примера 11 совпадают с формами батуа;
- примеры из лингвистических работ относятся к батуа, исключение составляют примеры 9 из древнебаскского, а также пример 16 из работы [Elordieta 2002], в которой не указана диалектная принадлежность материала. Отметим, что все глагольные формы данного примера совпадают с формами батуа;
- примеры, сконструированные автором на батуа и оцененные носителями языка, которые владеют и диалектным аллокутивом (диалекты провинций Гипускоа и Бискайя), и аллокутивной системой батуа. Ни в одном из обсуждаемых в статье случаев информанты не отметили существование различий между батуа и своим диалектом.

⁴ Вариант e_{ALLOS} этого обозначения аллокутивного оператора мы будем использовать в дальнейшем.

⁵ «Группа времени» (tense phrase).

⁶ Однако не все носители диалектов владеют аллокутивом.

Таким образом, данная работа, в основном, построена на материале батуа, с привлечением некоторого количества диалектного материала.

3. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАССКОГО ГЛАГОЛА

3.1. Общие замечания

В баскском языке различаются два морфологических типа глаголов – синтетические и аналитические. Первая группа малочислenna, но в нее входят базовые и частотные лексические единицы. Глаголы этой группы образуют ряд форм морфологически, без участия вспомогательного глагола, в то время как парадигма глаголов из второй группы строится из причастия и спрягаемого вспомогательного глагола, который согласуется с аргументами смыслового. В составе аналитических форм глаголов в качестве вспомогательных используются формы глаголов *izan* ‘быть’ и **edun*⁷ ‘иметь’. Поскольку в рамках данной работы мы будем рассматривать только аналитические глаголы, здесь и далее, говоря о личном согласовании глагола, мы будем иметь в виду личное согласование вспомогательного глагола.

Баскский глагол согласуется со следующими аргументами: субъект (подлежащее в форме абсолютива или эргатива), прямой объект (дополнение в форме абсолютива) и непрямой объект (дополнение в форме датива). Семантика глагола определяет количество и тип аргументов, в зависимости от этого выбирается модель управления и, соответственно, форма вспомогательного глагола, ср. пример (2a), в котором вспомогательный глагол при трехвалентном глаголе *etan* ‘дать’ согласуется с подлежащим в эргативе, дополнением в абсолютиве и дополнением в дативе. При описании обычно выделяют четыре класса спряжения глагола, соответствующих четырем моделям управления: непереходные глаголы (одновалентные, ABS), дативные непереходные глаголы (двухвалентные, ABS-DAT), переходные глаголы (двухвалентные, ABS-ERG) и дативные переходные глаголы (трехвалентные, ABS-DAT-ERG).

Все полные именные группы свободно подвергаются опущению (pro-drop):

(2) a. <i>gu-k</i>	<i>bego-ri</i>	<i>hori-ek</i>	<i>ema-n-go</i>	<i>d-i-zki-o-gu</i>
	мы-ERG	он-DAT	этот-PL	дать-PFV-FUT 3.A-AUX-PL.A-3SG.D-1PL.E
b. <i>pro_i</i>	<i>pro_j</i>	<i>pro_k</i>	<i>ema-n-go</i>	<i>d_k-i-zki-o_j-gu_i</i>
			дать-PFV-FUT	3.A-AUX-PL.A-3SG.D-1PL.E

мы их сму дадим

3.2. Доверительные формы второго лица

Кроме нейтральных местоимений и глагольных форм второго лица единственного числа в баскском языке существует система так называемых доверительных форм, которые используются при наличии доверительных отношений между говорящим и слушающим. Это личное местоимение единственного числа *hi* ‘ты’ и набор глагольных согласовательных показателей: единый показатель *h-* для абсолютивного согласования и показатели *-k/-a-*, *-n/-na-*, различающие пол, для согласования с дативом и эргативом, см. парадигму личных местоимений (3) и пример (4):

(3) система личных местоимений баскского языка [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 150]

<i>ni</i>	я
<i>hi</i>	ты (доверительное)

⁷ Несуществующая в современном языке форма инфинитива.

<i>gu</i>	мы
<i>zu</i>	ты (нейтральное)
<i>zuek</i>	вы (множественное число, нейтральное)

- (4) a. *irits-i* **h-aiz?**
достигать-PFV **2SG.A.FAM-AUX**
Ты (уже) приехал(а)?
[доверительный регистр, неаллокутивное спряжение]
- b. *ikus-i* **d-u-n?**
видеть-PFV **3.A-AUX-2SG.E.F.FAM**
Ты видела (это)?
[доверительный регистр, неаллокутивное спряжение; эргативный актант: женский род]

Оба предложения в примере (4) относятся к доверительному регистру; в (4a), в отличие от (4b), пол адресата неизвестен, так как глагол согласован с актантом в абсолютиве. Видно, что в дативе и эргативе доверительные формы различают пол при помощи тех же показателей, что и аллокутивные, однако в случае доверительных форм имеет место «обычное» актантное согласование (адресат – участник второго лица единственного числа – является аргументом глагола).

4. СВОЙСТВА АЛЛОКУТИВА

Данный раздел посвящен описанию свойств аллокутивного спряжения, которые кажутся нам наиболее существенными. В подразделе 4.1 обсуждается правомерность термина «аллокутивное согласование». В подразделе 4.2 указываются особенности употребления аллокутивных форм во вложенных предикациях, вопросительных и восклицательных предложениях. Часть 4.3 посвящена описанию морфологической структуры аллокутивных форм, наконец, в части 4.4 представлено так называемое «согласование по регистру».

4.1. Аллокутив и согласование

Аллокутив можно считать разновидностью согласования в рамках концепции Г. Корбета [Corbett 2006], так как в данном случае имеет место «систематическая зависимость между семантической или формальной характеристикой одного элемента и формальной характеристикой другого»⁸. Для определения согласования Корбет использует понятие параметра (feature), характеризующего контролёра, мишень, область и условия согласования. Параметры представляют собой иерархии, в которых каждую пару A > B следует читать как «значение A характерно для более канонического согласования, чем значение B». По большинству параметров аллокутивное согласование является неканоническим. Ряд критериев Корбета оказывается неприменим к аллокутиву в силу того, что согласование контролируется неграмматическим элементом, а наиболее близкой к каноническому согласованию оказывается мишень аллокутивного согласования – спрягаемый глагол. Таким образом, можно говорить о баскском *аллокутивном согласовании* как о неканонической разновидности согласования.

4.2. Употребление в зависимых предикациях

Согласно традиционному общепринятыму мнению ([Hualde, Ortiz de Urbina 2003, Alberdi 1995, Rebuschi 1981] и др., отдельно отметим работу [Ouharçabal 1993]; в ней данное предположение лежит в основе предлагаемого объяснения), аллокутивные фор-

⁸ «...systematic covariance between a semantic or formal property of one element and a formal property of another» ([Steele 1978: 610], цит. по [Corbett 2006]).

мы не могут быть использованы в зависимых предикциях, вопросительных и восклицательных предложениях. Упоминание о том, что такие употребления все же встречаются, можно встретить только в грамматике [de Rijk 2008].

Характерно, что в литературном баскском языке нейтральная форма индикатива также не употребляется в перечисленных («неиндикативных») контекстах. Однако многие «запрещенные» примеры представлены в корпусе⁹, широко распространены в Интернете и допускаются носителями языка, что отражено в следующей таблице:

Таблица 1

Употребление аллокутивных форм в различных типах «неиндикативных» контекстов

	Корпус	Интернет	Реакция носителей языка
вопросительные предложения	примеров много	примеров много	+
восклицательные предложения	примеров много	примеров много	+
условные придаточные	примеров много	примеров много	+
причинные придаточные	примеры есть	примеры есть	+
относительные, временные и др. придаточные, зависящие при сентенциальных актантах ¹⁰	примеров мало	примеры есть	*

Вполне очевидно, что аллокутивные формы свободно употребляются в восклицательных и вопросительных предложениях, а также условных придаточных, поэтому нет оснований говорить о синтаксическом запрете на использование аллокутива в «неиндикативных» контекстах. Как отмечается в [de Rijk 2008], данное явление характерно в первую очередь для диалектов провинции Гипускоа, и, по всей видимости, оттуда распространилось на другие группы диалектов.

Ниже приводятся некоторые примеры из баскского корпуса, иллюстрирующие употребление аллокутивных форм в зависимых предикциях:

(5) a. Bain a ongi но хорошо	ez ba-n- au-k NEG COND-1SG.A-AUX-ALLOC.M	senti-tze-n чувствовать-NM-LOC		
neuge gela-n, мой комната-LOC	orduan значит	amona-gen-era бабушка-GEN-LAT	joa-te-n идти-NM- FUT	n- au-k ISG.A-AUX- ALLOC.M

Но если я не чувствую себя хорошо в своей комнате, я иду в бабушкину.

⁹ XX. mendeko Euskalaren Corpusa (Баскский корпус XX века), http://www.euskaracorpus.net/XXmendea/Konts_artunta_fr.html

¹⁰ Можно заметить, что возможность употребления аллокутивных форм в придаточных предложениях коррелирует с морфологическим типом образования соответствующей нефинитной формы (формы с семантикой условия образуются префиксально, причинные формы – при помощи частицы, а формы при зависимых СА, относительных и остальных обстоятельственных придаточных – при помощи суффикса). Возникает гипотеза, что запрет на употребление аллокутивных форм в придаточных имеет не синтаксическую, а морфологическую природу. Аллокутивный показатель «с трудом» сочетается с суффиксальным показателем зависимой предикации. Это не распространяется на условные придаточные, которые образуются при помощи префиксального показателя, и на причинные придаточные, которые образуются при помощи «подвижной» частицы (эта частица занимает позицию в конце клаузы, таким образом, она присоединяется не только к глаголу, но и, например, к именной группе). В разговорной речи восклицательные формы часто употребляются без комплементайзера, что позволяет им легко присоединять аллокутивную морфему.

- b. Emen ori baño aundiago-a-k egi-n d-it-u-k-ela
 здесь этот чем больший-ABS-делать-PFV 3.A-PL.A-AUX-ALLOC.M-COMPL
 PL
- ziur ba-zeki-a-gu
 уверенный AFF-знать-ALLOC.M-IPL.E
 Мы точно знаем, что здесь делаются большие, чем эта.

4.3. Морфологическая структура

«Баскский аллокутив демонстрирует сложный набор морфологических правил, который зависит от конкретного морфологического окружения» [Albizu 2003: 13]. Показатель аллокутива занимает позицию, аналогичную позициям дативного или эргативного аргумента, «встраиваясь» таким образом в аргументную структуру глагола. При образовании аллокутивной формы глагола происходит процесс, формально схожий с тем, что происходит при добавлении аргументной позиции: меняется корневой гласный глагола. В таблице 2 представлены фрагменты (начальный согласный и корневой гласный) вспомогательных глаголов четырех типов (четыре класса спряжения, традиционно выделяемых в грамматике, обсуждались в разделе 3.1) в нейтральной и аллокутивной форме (настоящего времени индикатива).

Таблица 2

Морфологический аспект образования аллокутивных форм

Тип глагола	Начальный согласный и корневой гласный в нейтральной форме	Начальный согласный и корневой гласный в аллокутивной форме
ABS	d-a (n-a-, g-a-)	d-u- (n-u-, g-u-)
ABS-ERG	d-u-	d-i-
ABS-DAT	z-a-	z-a-
ABS-DAT-ERG	d-i-	z-i-

В качестве примера рассмотрим фрагмент парадигм вспомогательных глаголов *izan* ‘быть’ (одновалентный, ABS) и **edun* ‘иметь’ (двухвалентный переходный, ABS-ERG, абсолютив – третье лицо единственного числа) в настоящем времени индикатива:

(6)

	<i>izan</i> ‘быть’ (ABS)	<i>*edun</i> ‘иметь’ (ABS (3Sg)-ERG)
нейтральное спряжение		
1SG	naiz	dut
2SG FAM	haiz	duk/dun
3SG	da	du
1PL	gara	dugu
2SG	zara	duzu
2PL	zarete	duzue
3PL	dira	dute
аллокутивное спряжение, M/F		
1SG ALLOC	nauk/naun	diat/dinat
3SG ALLOC	duk/dun	dik/din
1PL ALLOC	gaituk/gaitun	diagu/dinagu
3PL ALLOC	dituk/ditun	ditek/diten

Полужирным шрифтом выделены формы, в которых в данном случае возникает омонимия: это доверительные формы второго лица единственного числа нейтрального спряжения эргативно-абсолютивного глагола **edun* ‘иметь’ и формы третьего лица единственного числа аллокутивного спряжения абсолютивного глагола *izan* ‘быть’. Иными словами, в словоформе *duk* показатель *-k* может быть показателем эргатива доверительной формы второго лица единственного числа мужского рода или же показателем аллокутива, маркирующим пол адресата (мужской). Приведем еще некоторые примеры с омонимией показателей аллокутива и эргатива (пример (7)), аллокутива и датива (пример (8)):

- (7) **hil-ko** **n-au-k**
 умирать/убивать-FUT 1SG.A-AUX-2SG.E.M.FAM/ALLOC.M
 а. Ты убьешь меня
 [доверительный регистр, неаллокутивное спряжение; эргативный актант: мужской род]
 б. Я умру
 [доверительный регистр, аллокутивное спряжение; адресат: мужчина] [Rebuschi 2004: 15]
- (8) **egata-p** **d-i-a-t**
 принести-PFV 3.A-AUX-2SG.D.M.FAM / ALLOC.M-1SG.E
 а. Я принёс (это) тебе
 [доверительный регистр, неаллокутивное спряжение; дативный актант: мужской род]
 б. Я принёс (это)
 [доверительный регистр, аллокутивное спряжение; адресат: мужчина]

Однако даже формально тождественные показатели аллокутива и эргатива нельзя считать полностью идентичными. В частности, они по-разному ведут себя в случае действия *ergative displacement* – «правила перемещения эргатива», согласно которому в ряде случаев¹¹ показатель эргатива занимает не суффиксальную позицию, а префиксальную (подробнее о проблеме аллокутива в свете *ergative displacement* [Albizu 2003]). Аллокутив и датив также различаются морфологически: множественность при аллокутиве и дативе выражается посредством разных плурализаторов (об этом также см. [Albizu 2003]).

В работе [Oyharçabal, Rebuschi 1995] рассматривается также синтаксический критерий: аллокутивный показатель, в отличие от эргатива и датива, не может связывать доверительное рефлексивное местоимение второго лица **heure*. Данное местоимение не существует в современном языке, поэтому авторы приводят пример из языка XVI–XVII века. Ср. грамматичное (9a), где рефлексивное местоимение связывается доверительным дативом и нсграмматично (9b) с аллокутивом.

- (9) a. *heure* *aita* *jin-en* *zai-k*
 REFL.2SG отец ехать-FUT 3SG.A.AUX-2SG.D.M.FAM
 Твой отец посетит тебя.
 b. **heure* *aita* *jin-en* *ziai-da-k*
 REFL.2SG отец ехать-FUT 3SG.A.AUX-1SG.D-ALLOC.M
 Твой отец поедет ко мне. [Oyharçabal, Rebuschi 1995: 166]

¹¹ А именно когда глагол стоит в форме прошедшего времени индикатива, или в кондиционалисе, или потенциалисе, согласуется с абсолютивом третьего лица, эргативом первого или второго лица. Обсуждение основных теоретических проблем, связанных с *ergative displacement*, а также основных подходов представлено в работе [Laka 1993]. Несколько другая трактовка предлагается в [Fernández, Albizu 2000].

4.4. «Согласование по регистру»

Хотя употребление аллокутивных форм детерминируется регистром и в определенном смысле не является обязательным, существует ряд контекстов, в которых употребление неаллокутивной формы неграмматично:

- внутри одной клаузы невозможно сочетание аллокутивной и неаллокутивной глагольной формы [Zubimendi, Esnal 1993: 272]:

(10) etorti-ko	d-u-k	eta hitzegi-n-go	*d-u-gu / d-i-a-gu
прийти-FUT	3.A-AUX-ALLOC.M	и говорить-PFV-FUT	3.A-AUX-1PL.E / 3.A-AUX-ALLOC.M-1PL.E

Он придет, и мы поговорим.

- если в зависимом предложении употребляется аллокутивная форма, в главном употребляется аллокутивная или неаллокутивная доверительная форма.

(11) martxa-rik	ez	zego-k-ela	uste	al *d-u-zu / d-u-k?
марш-PARTITIVE	NEG	быть-ALLOC.M-COMP	думать Q	*3.A-AUX-2SG / 3.A-AUX-2SG.E.M.FAM

Ты думаешь, марша не будет? (Интернет)

- если в зависимом предложении употребляется доверительное местоимение второго лица единственного числа *hi* и/или доверительная неаллокутивная форма, то в главном употребляется аллокутивная или неаллокутивная доверительная форма [Alberdi 1995]:

(12) hi	etor-tze-n	ba-h-aiz,	ni	joa-n-go	*n-aiz / n-au-k
ты.FAM	прийти-NM-LOC	COND-2SG.A.FAM-AUX	я	пойти-PFV-FUT	1SG.A-AUX / 1SG.A-AUX-ALL.M

Если ты придешь, я пойду. [Alberdi 1995: 278]

- если в предложении присутствует доверительное местоимение второго лица единственного числа *hi* в неаргументной позиции, обязательно употребление аллокутивной глагольной формы [Alberdi 1995]:

(13) hi-rekin	etor-ri	*n-aiz /	n-au-k
ты. FAM-COMIT	прийти-PFV	1SG.A-AUX	1SG.A-AUX-ALLOC.M

Я пришел с тобой. [Alberdi 1995: 277]

Из чего можно заключить, что параметр «аллокутив» характеризует не отдельную глагольную форму, а предложение в целом, и факторы, регламентирующие употребление аллокутива, следует искать на сентенциальном уровне.

5. АЛЛОКУТИВНЫЙ АНАФОРЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

В данном разделе мы переходим к интерпретации. В подразделе 5.1 описывается понятие вынесенного топика и его применимость к именным группам в баскском языке, здесь же дается формулировка предлагаемой гипотезы. В подразделах 5.2 и 5.3 приводятся некоторые уточнения.

5.1. Вынесенные топики в полисинтетическом языке

Традиционное определение полисинтетического языка восходит к трудам Эдварда Сепира¹². Степень синтезма языка определяется количеством морфем, входя-

¹² [Sapir 1921].

щих в состав слов; по этому параметру полисинтетические языки, имеющие максимальное количество морфем на слово, противопоставлены изолирующим языкам, в которых на одно слово приходится одна морфема.

М. Бейкер предлагает определять полисинтетический язык как язык, подчиняющийся некоторому синтаксическому правилу (которое он называет полисинтетическим параметром), в результате чего демонстрирующий определенный набор морфологических и синтаксических свойств. Одним из этих свойств является *родгор* – тенденция к опущению полных именных групп.

Проблеме статуса полных именных групп и местоименных аргументов в полисинтетических языках посвящено немалое количество литературы (наиболее известными являются работы [Jelinek 1984; Baker 1996]). Согласно гипотезе местоименных аргументов, изложенной в [Jelinek 1984], в полисинтетическом языке аргументные позиции при глаголе занимают прономинальные клитики или согласовательные морфемы, и именно им приписаны грамматические падежи, отражающие их функцию при глаголе; именные группы же являются необязательными адъюнктами, которые содержат показатели «неграмматических», или «косвенных» падежей [Jelinek 1984: 44]. В рамках подхода Бейкера аргументные позиции занимают нулевые местоимения *pro*; при этом именные группы находятся в позиции адъюнктов, аналогичных позициям топикальных именных групп, которые дублируют личные местоимения в европейских языках (как в примере 14).

С одной стороны, ряд исследователей демонстрирует неприменимость или лишь частичную применимость гипотезы местоименных аргументов Э. Джелинек или полисинтетического параметра М. Бейкера к материалу различных языков (например, [MacSwan 1999] для языка науатль, [Минор 2005] для кабардино-черкесского языка, [Elordieta 2002] для баскского языка). С другой стороны, отмечается, что интересующее нас свойство местоименных аргументов выполняется и для языков, которые не строго соответствуют определению полисинтетических по Э. Джелинек и М. Бейкеру [Ackema 1999; Bresnan 2001]. К примеру, в [Bresnan 2001] следующее утверждение, аналогичное утверждению Бейкера, формулируется для языков с местоименными клитиками или инкорпорацией местоимений:

в языках с местоименными клитиками или инкорпорацией местоимений лексически выраженные именные группы выполняют неаргументные функции, аналогично функциям вынесенных топиков, как в примере

(14) My mother, she is a good sport. [Bresnan 2001: 145]

Моя мама, она отличная спортсменка.

Такие адъюнктные именные группы кореферентны личным местоимениям (или нулевым местоимениям *pro*) и согласовательным морфемам в составе глагольной словоформы. Являясь вынесенными топиками, они напоминают «китайские топики», описанные У. Чейфом в работе [Chafe 1976].

Принимая во внимание

- факт, что аллокутивная морфема занимает позицию внутри глагольной словоформы,
- «сентенциальную» сферу действия аллокутива,
- наличие в баскском предложении адъюнктных топикальных позиций, которые занимают полные именные группы,

мы предлагаем следующую гипотезу:

в баскском языке адресат может проецироваться в позицию топика, благодаря чему в высказывании появляется нулевой анафорический элемент *e_{ALLOC}*, а в аргументной структуре глагола – согласовательная позиция для адресата.

Аллокутивное спряжение употребляется только в диалогической речи, а точнее, в одной из разновидностей диалогической речи – в ситуации доверительного диалога.

Нам представляется, что в этом случае адресату отводится особая дискурсивная роль, поэтому в позиции топика может возникать дополнительная позиция для e_{ALLOC} .

Данная гипотеза иллюстрируется примером (15):

- (15) $p_i \ e_{ALLOC} \ j$ Ataun-en jaio $p_i\text{-}au\text{-}k_j$
я Атаун-LOC родиться 1SG.A-AUX-ALLOC.M
Я родился в Атауне.

В этом предложении в топикальной позиции находятся два элемента: местоимение p_i 'я' и нулевой аллокативный анафорический элемент e_{ALLOC} . Соответственно, во вспомогательном глаголе имеются две согласовательные позиции: префиксальная для лично-числового согласования с глагольным аргументом и суффиксальная для согласования по полу с адресатом.

5.2. Тип анафорического элемента

Возникает вопрос, что за нулевая единица связывает аллокативную морфему. Данный нулевой элемент не похож на известные нам типы анафорических выражений. В теории связывания, описывающей правила приписывания интерпретаций именным группам, различаются три вида языковых выражений: референциальные выражения (полные именные группы), прономиналы (например, английские местоимения *he*, *him*) и анафоры (например, английские местоимения *himself*, *each other*). Очевидно, что e_{ALLOC} не принадлежит ни к одному из перечисленных классов.

В традиционный набор нулевых категорий (e , элементов, лишенных фонологического содержания) в рамках теории связывания входят: следы от перемещенных или удаленных именных групп или адъюнктов, *pro* – фонологически пустой актант (нулевой прономинал), а также невосстанавливаемый нулевой элемент *PRO*. Элемент e_{ALLOC} не является следом перемещения или удаления другого элемента; e_{ALLOC} не может быть лексически выражен, поэтому его нельзя назвать *pro*. Аллокативный нуль близок к невосстанавливаемому нулевому элементу *PRO*, однако он не может занимать традиционную для *PRO* позицию подлежащего нефинитной клаузы. Требование подлежащности не входит в набор признаков *PRO*, согласно [Chomsky 1981; 1982], однако у Н. Хомского *PRO* является одной из разновидностей именных групп. «Теорема *PRO*» [Chomsky 1982; Huang 2000] предъявляет *PRO* требование невозможности иметь управляющую категорию¹³. Для принятия того или иного решения необходимо в первую очередь ответить, правомерно ли считать e_{ALLOC} именной группой и показать, может ли e_{ALLOC} иметь управляющую категорию. На данном этапе нам бы хотелось оставить вопрос о том, является ли e_{ALLOC} разновидностью *PRO*, открытым.

Кроме того, как отмечается в [Dalrymple 1993], существующая классификация анафорических элементов не является полной, и в языках мира (например, М. Дэлримпл обсуждает случай маратхи) можно встретить типы, совмещающие свойства *PRO*, *pro* и свойства анафорических выражений, поэтому, возможно, e_{ALLOC} является одним из смешанных типов.

5.3. Параллель с другими явлениями баскского синтаксиса и дискурсивный топик

Похожую ситуацию, а именно, когда дискурсивный топик может контролировать референцию, можно обнаружить как минимум еще в одной области баскского синтаксиса.

¹³ Управляющая категория α для a – это минимальная именная группа или клауза, содержащая a , элемент, управляющий a и «доступное» (не включающее в себя a) подлежащее; термин «управляющая категория» является одной из более поздних интерпретаций термина «область связывания», предложенного в [Chomsky 1981].

А. Элордиета [Elordieta 2002] рассматривает баскские нулевые аргументы, контролирующие референцию в нефинитных предикациях:

- (16) *pro_i* nahi d-u-zu [e_{1/j} e_{i/k} e_m] gaur bertan esa-te-a?
хотеть 3.A-AUX-2SG.E сегодня прямо сказать-NM-ABS
Ты, хочешь, чтобы я_j/он_j сказал (это_m) тебе_i/ему_k прямо сегодня? [Elordieta 2002: 118]

Автор отмечает, что в примерах типа (16) подлежащее главной предикации («ты») не обязательно контролирует нулевой дативный аргумент зависимой предикации, так как допускается трактовка *Ты хочешь, чтобы я сказал (это) ему прямо сегодня?*, при которой нулевой аргумент кореферентен элементу, принадлежащему более широкому контексту.

Такие нулевые аргументы трактуются Элордиетой как переменные *pro*, то есть элементы, связываемые неаргументом – дискурсивным топиком.

Предложение Элордиеты можно трансформировать следующим образом: референцию нулевых элементов в нефинитных предикациях могут контролировать элементы из локальной области, выраженные полными именными группами или нулевыми местоимениями *pro*, и элемент, находящийся в позиции дискурсивного топика.

Возвращаясь к аллокутивным формам, напомним, что они используются только при так называемом доверительном общении. Высказывания доверительного регистра характерны в основном для *диалогического (ненarrативного) режима общения* (сюда же относятся случаи имитации диалога), при котором создается эффект «здесь и сейчас» и максимальное вовлечение адресата. Хотя любой текст, создаваемый на естественном языке, в той или иной мере ориентирован на какого-либо адресата, в случае диалога используются специальные формальные средства (например, вопросы, обращения, особые дискурсивные маркеры), направленные на адресата. Мы предполагаем, что в диалоге адресат является своего рода *дискурсивным топиком*, ограничивающим применение предикации некоторой определенной областью [Chafe 1976].

Таким образом, анафорический элемент *e_{ALLOC}*, кореферентный аллокутивной морфеме, устроен аналогично нулевым аргументам в нефинитных предикациях: он также связывается неаргументом – дискурсивным топиком, которым в диалогической доверительной речи является адресат.

Попробуем сделать обобщение о том, как устроено согласование в баскском предложении. Если предположить, что элементы, находящиеся в позиции топика, всегда определяют набор согласовательных позиций в баскском глаголе, то это противоречило бы тому факту, что в нейтральном высказывании опущение полных ИГ является предпочтительной стратегией (правилу *pro-drop*). Однако не хотелось бы считать, что в аллокутивном и неаллокутивном спряжении действуют разные механизмы выбора согласовательной модели. Поэтому предложим несколько иную схему: после того, как глагол получает информацию о согласовательных позициях от своих аргументов, он сверяется с набором элементов в позиции топика и, если там присутствуют элементы, не дублирующие уже имеющиеся аргументы, то с ними также происходит согласование.

По такой же схеме можно представить правило выбора контроля нулевых элементов в нефинитных предикациях (гипотеза Элордиеты), а также, возможно, факультативное согласование с дативными именными группами. Рассмотрим это явление.

Баскские глаголы типа *esan* ‘сказать’ могут быть согласованы с двумя аргументами: абсолютивом и эргативом; или с тремя: абсолютивом, эргативом и дативом. Оба варианта одинаково грамматичны, если все аргументы выражены нулевыми местоимениями *pro* (см. (17a–b)), но если дативный аргумент выражен полной ИГ, то согласование с ним обязательно.

- (17) a. *pro_i* *pro_j* *esan* d_j-u-∅_i
сказать 3.A-AUX-3SG.E
он_i сказал это_j

b. pro_i	pro_j	pro_k	esa-p	$d_k\text{-}i\text{-}t_j\text{-}\emptyset_i$
			сказать-PFV	3SG.A-AUX-1SG.D-3SG.E
он _i сказал мне _j это _k				
c. pro_i	$ni\text{-}ri$	pro_j	esa-p	$d_j\text{-}i\text{-}\emptyset_i$
	я-DAT		сказать-PFV	3.A-AUX-3SG.E
он _i сказал мне это _j				
d. * pro_i	$ni\text{-}ri$	pro_j	esa-p	$d\text{-}u\text{-}\emptyset_i$
	я-DAT		сказать-PFV	3.A-AUX-3SG.E
он _i сказал мне это _j				

Аналогично в случае, если абсолютивный и эргативный аргументы – полные ИГ.

- (18) a. Irene-k gauza bat esa-p d-u-∅
 Ирене-ERG вещь один сказать-PFV 3.A-AUX-3SG.E
 b. Irene-k pro_i gauza bat esa-p d-i-t_i-∅
 Ирене-ERG вещь один сказать-PFV 3.A-AUX-1SG.D-3SG.E
 c. Irene-k ni-ri gauza bat esa-p d-i-t-∅
 Ирене-ERG я-DAT вещь один сказать-PFV 3.A-AUX-1SG.D-3SG.E
 d. *Irene-k niri gauza bat esa-p d-u-∅
 Ирене-ERG я-DAT вещь один сказать-PFV 3.A-AUX-1SG.D-3SG.E
 Ирене сказала (мне) одну вещь.

При одном из возможных анализов примеры (17a) и (18a) отличаются от (17b) и (18b) соответственно наличием или отсутствием дативного *pro* среди аргументов; в примерах (17c), (18c) в позиции топика появляется дативная ИГ, поэтому даже при отсутствии аргументного *pro* согласование является обязательным, что видно по невозможности (17d), (18d).

6. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Баскское аллокутивное спряжение в чистом виде претендует на типологическую уникальность. В цитируемых работах по аллокутиву, а также в базе данных по согласованию Surrey Morphology Group¹⁴ аллокутивное спряжение упоминается только применительно к баскскому материалу. В [Ouharçabal 1993] приводятся два примера явлений, отчасти напоминающих аллокутив: японский адрессив и неаргументные дативные клитики во французском и галисийском.

6.1. Японский

В финальной позиции японского предложения может присутствовать частица *-mas/-des*, маркирующая особое отношение говорящего к адресату [Harada 1976], ее употребление возможно как в присутствии актанта второго лица (19), так и в его отсутствии (20):

- (19) anata-wa Amerikazin desu
 ты-TOP американец AUX.POLITE
 Вы американец [Takasugi 1997]
- (20) watasi-wa Nihonjin desu
 я-TOP японец AUX.POLITE
 Я японец [Takasugi 1997]

¹⁴ <http://www.smg.surrey.ac.uk/Agreement>

Эти формы, называемые адрессивными, используются при разговоре с лицами, рассматриваемыми как высшие (по возрасту и/или социальному положению), а также – как равные и чужие (незнакомые или малознакомые люди равного возраста и социального положения). В случае обращения к «чужому» собеседнику более низкого социального статуса допускается использование как неадрессивных, так и адрессивных форм [Алпатов 1973: 21]. Употребление морфемы адрессива запрещено в относительных придаточных, в [Takasugi 1997] этот факт объясняется тем, что показатель относительного предложения и адрессив «претендуют» на одну и ту же позицию при глаголе и, соответственно, несовместимы. В отличие от баскского аллокутива японские *-mas/-des* не различают пол адресата, а лишь маркируют особые уважительные отношения между участниками речевого акта. Естественным образом адрессив употребляется в диалоге – при наличии реального или воображаемого адресата.

6.2. Романские языки и этический датив

Французские примеры (21a) и (21b) демонстрируют употребление неаргументной превербальной клитики второго лица единственного числа, которое можно считать аллокутивным:

- (21) a. Je te lui ai écrit une note

Я написал ему записку ([Simpson, Withgott 1986], цит. по [Oyharçabal 1993: 91])

- b. Je te l'ai embrassé

Я его поцеловала.

В [Ouharçabal 1993] отмечается, что подобные высказывания (во французском и галисийском языках) прагматически маркированы и могут быть использованы только в диалогической речи.

Подобные конструкции обычно называют конструкциями с *этическим дативом*, или *дативом интереса* (*ethical dative, dative of interest*). Под термином «этический датив» понимается неаргументная клитика в форме датива в романских языках, которая относится к одному из участников речевого акта и сигнализирует о высокой степени его вовлеченности в ситуацию [Ormazabal, Romero 2007: 330–331], рассмотрим испанский пример:

- (22) te me va-n a desnuc-a-

2.ACC 1.ETH.DAT AUX-3PL A сломать.шую-JNF

Они тебе сломают шею (и для меня это очень важно) [Ormazabal, Romero 2007: 330]

Большинство примеров использования этического датива, приводимых в [Alberdi 1995; Schuchardt 1893; Ormazabal, Romero 2007] содержит дативную клитику первого лица и ассоциированы с говорящим.

Другое определение понятия «этический датив» [Farkas, Kazazis 1980] включает в себя собственно этический датив, то есть дополнительный clitический аргумент, на которого направлено действие, и «посессивный» датив, то есть клитику, кореферентную посессору прямого объекта в аккузативе, как, например, в румынском предложении (23):

- (23) *ti-au* *omorît* *pisica*
 ты.DAT-AUX.PST.3PL убить кошка
 Они убили у тебя қошқы [Farkas, Kazazis 1980]

Этический датив в литературе рассматривается как неаргументное согласование. В [Schuchardt 1893] высказывается гипотеза о происхождении баскского аллокутива из конструкций с этическим дативом; эта точка зрения поддерживается в [Gavel, Lacombe 1933]. Такой анализ сталкивается с рядом проблем, в частности, аллокутив

формально совпадает с «дативным» показателем только в глаголах согласовательного типа «эрратив-абсолютив». В других типах глаголов аллокутивный согласовательный показатель омонимичен эргативу либо не совпадает ни с тем, ни с другим [Alberdi 1995]. Однако для нас в данном случае важно то, что одну из разновидностей конструкций с этическим дативом в романских языках можно считать аллокутивом, а именно предложения, аналогичные (21), но не (22) и (23)¹⁵.

Кроме этих двух классов примеров мы рассмотрим набор модальных частиц багвалинского языка и разговорную русскую конструкцию, которые в той или иной мере сходны с аллокутивом.

6.3. Багвалинский

В багвалинском языке некоторые модальные и вопросительные частицы, а также императив различают пол собеседника, формы на -*ə* используются для собеседника мужского пола, формы на -*ā* – женского. Рассмотрим эти случаи.

- модальные частицы *Rašō/Rašā* *ведь, не так ли*, *Rabō/Rabā* *может быть*

(24) <i>anwar</i>	<i>hal-ā</i>	<i>aša-Rab-ā</i>
Анвар	болеть-MS.POT.INF	начинать-RABO-F
Анвар, наверное, заболел [Кибрик (ред.) 2001: 174]		

- диалогическая частица *Rō/Rā*, которая употребляется в составе инициирующей реплики диалога

(25) <i>jera</i>	<i>interes-la</i>	<i>b=uč'a-č'-u=b=R-ō</i>	<i>b = asa = m</i>
теперь	интерес-LA	N=быть-NEG-PART=N=RO-M	N=рассказывать=PART.N
<i>Xabar-či-č</i>	<i>qoč-a-t-ō = b</i>	<i>b=ija=b=q'ačir</i>	
разговор-OBL-GEN	писать-IPF-PART=N	N = знать = PART.N = TEMP	
Теперь неинтересно разговаривать, когда (мы) знаем, что разговор записывают			
(первая реплика диалога о поездке, Текст 23, [Там же: 811])			

- вопросительные частицы *ištō/ištā*, *ō/ā/ī*, и *lašijō/lašijā/lašī*

(26) <i>maHammad-i-r</i>	<i>misa</i>	<i>žē-jišt-ō?</i>
Магомед-OBL-ERG	дом	делать-Q-M
Магомед	построил	дом? [Там же: 446]

«Аллокутивные» частицы *ō/ā/ī* и *lašijō/lašijā/lašī* (обе они используются для маркировки частного и альтернативного вопроса) помимо форм для адресата мужского и женского пола имеют нейтральную форму, употребляемую «при обращении к аудитории, состоящей из представителей разных полов (или же в случае, когда говорящий по каким-либо причинам не желает уточнять пол собеседника)»¹⁶.

(27) <i>čo-r-ō</i>	<i>o=b</i>	<i>misa</i>	<i>žē?</i>
кто.OBL-ERG-Q.M	этот=N	дом	делать
Кто построил этот дом? [Кибрик (ред.) 2001: 451]			

¹⁵ Отметим, что аллокутивных примеров типа (21) значительно меньше, чем примеров на датив интереса (пример (22)) или «посессивный датив» (пример (23)).

¹⁶ [Кибрик (ред.) 2001: 453].

Распределение частиц зависит от их семантических свойств и синтаксических ограничений. Используя показатель пола адресата, говорящий, с одной стороны, привлекает внимание адресата, а с другой – обозначает свою заинтересованность в вовлечении адресата в диалог [Там же: 174].

Тот же набор частиц употребляется в следующих неаллокативных контекстах, для согласования с адресатом, являющимся актантом глагола:

- императивная частица

(28) ič-ō		di-ha	qoča!
давать-IMP.M		я.OBL-DAT	книга
Дай мне книгу. [Там же: 181]			

- вопросительные частицы ištō/ištā, ō/ā/ī, и laŠijō/laŠijā/laŠī

(29) jēšir	kunt'ula	j=eł-u=b=q'ařir	dē w=uk'a	Habsat-i-lā:
в.этот.раз	замуж	F=идти-PART=N=TEMP	я	Хабсат-OBL-SUP.LAT
«mē	he=b=ā	kunt'ula-jšt-ā-Re	j=ełi?»	
ты	что=N=Q.F	замуж-Q-F-RE	F-идти	
Когда Хабсат в этот раз вышла замуж, я у нее спросил: «Ты что (правда) замуж вышла?» [Там же: 446]				

Таким образом, в багвалинском языке вне глагольной парадигмы существует набор средств для согласования с неаргументным адресатом, это различные модальные и вопросительные частицы. Обращает на себя внимание тот факт, что все эти средства (кроме, возможно, частицы Rabō/Rabā может быть) в силу своей собственной семантики ориентированы на сферу слушающего, они либо запрашивают его мнение (Rašō/Rašā ведь, не так ли и вопросительные частицы), либо вовлекают его в диалог (частица Rō/Rā).

6.4. Русский

В русском языке мы предлагаем рассмотреть конструкцию «дай(те)-ка я + глагол в форме первого лица единственного числа настоящего времени», так наз. императив к первому лицу (подробнее см. [Адаскина, Гусев 2007]). Эта конструкция содержит согласование с участником второго лица, рассмотрим примеры (30a), (30b) и (30c):

- (30) a. Дай-ка я тебя поцелую.
b. Дай-ка я открою окно.
c. Дайте-ка я открою окно.

В (30a) от адресата требуется разрешение на осуществление указанного действия, тогда как в (30b) и (30c) адресат вообще может отсутствовать в поле зрения говорящего и быть полностью исключенным из ситуации, однако во всех трех случаях используется одна и та же форма *дай(те)* (глагол *дать* во втором лице единственного или множественного числа). Предложение (30c) может быть употреблено, если перед говорящим несколько адресатов. Семантика этой конструкции – намерение, однако в отличие от конструкций с глаголами типа *собираться*, *намереваться*, «дай(те)-ка я + глагол» используется при диалогическом режиме общения [Падучева 1996], в результате чего она не допускает таких трансформаций, как перенос в прошедшее время, отрижение, вопрос или употребление с другим лицом. В силу своей диалогичности такое выражение намерения маркирует (воображаемого) адресата.

Итак, наряду с баскским, согласование с полом адресата представлено в багвалинском языке, однако в багвалинском такой тип согласования распространяется на несколько конструкций с частицами, а не на всю глагольную парадигму. Согласование с

адресатом по числу обнаруживается в русской разговорной конструкции с так называемым императивом к первому лицу. Упоминавшиеся в литературе аналоги аллокутива – японский адрессив и конструкции с этическим дативом в романских языках – устроены несколько иначе: в них нет показателей, которые варьируют в зависимости от свойств адресата, но при помощи специального показателя маркируется наличие собеседника с особым социальным статусом (более высокий по отношению к говорящему для японского и близкий говорящему для романских).

7. ВЫВОДЫ

- баскское согласование определяется не только набором аргументов, но и элементами, находящимися в позиции вынесенных топиков;
- в диалогической речи дискурсивным топиком является адресат речевого сообщения, поэтому в число топиков попадает нулевой невосстановляемый анафорический элемент *e_{ALLOC}* (похожий на *PRO*), связываемый адресатом, а в аргументной структуре появляется дополнительная согласовательная позиция для морфемы, ему кореферентной;
- аллокутивное спряжение не ограничено нейтральными формами индикатива, оно свободно употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях, условных зависимых, с некоторыми оговорками – в других типах вложенных предикаций.

Такая трактовка аллокутива учитывает отмеченное выше «согласование по регистру», то есть обязательность употребления аллокутивной формы в одном ряду с глаголом в аллокутивной или доверительной форме или в контексте доверительного местоимения (в любой позиции). Объяснение этого может выглядеть следующим образом: при использовании доверительного регистра (при положительном значении параметра [FAM]) адресат является дискурсивным топиком. Далее, если адресат (участник второго лица) и так присутствует в аргументной структуре глагола, а соответствующая именная группа – в позиции вынесенного топика, выбирается форма доверительного спряжения. Если же адресат не является аргументом глагола, в позиции вынесенного топика генерируется элемент *e_{ALLOC}*, который в свою очередь создает согласовательную позицию в составе глагольной словоформы. Аналогичным образом можно представить синтаксическое правило выбора референции нулевых элементов в баскских нефинитных предложениях и «факультативное» согласование с дативом глаголов типа *esan* ‘сказать’.

Предложенный анализ не противоречит тому, что вопреки высказываемому в грамматиках запрету, аллокутивные формы более или менее свободно употребляются в «неиндикативных» контекстах: зависимых предикациях, восклицательных и вопросительных предложениях.

Предположение о встраивании аллокутива в аргументную структуру баскского глагола благодаря тому, что в диалоге адресат является дискурсивным топиком, находит подтверждение на типологическом материале: обсуждаемые нами случаи согласования с адресатом в русском и багвалинском, а также похожие явления в японском и некоторых романских языках, также демонстрируют свойства диалогического режима общения.

Сделанный нами вывод о том, что баскское согласование чувствительно не только к набору элементов аргументной структуры глагола, но и к набору элементов в позиции вынесенных топиков, согласуется с положением, выдвинутым в [Ouharçabal 1993]: согласование не обязательно определяется набором семантических ролей глагола, оно может затрагивать элемент, занимающий позицию адъюнкта.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – лицо, A – абсолютивное согласование, ABS – абсолютив, AFF – аффирматив, ALLOC – аллоктивное согласование, AUX – вспомогательный глагол, COMIT – комитатив, COMPL – комплементайзер, COND – условный маркер, D – дативное согласование, DAT – датив, E – эргативное согласование, ERG – эргатив, F – женский род, FAM – доверительная форма, FUT – будущее время, GEN – генитив, INF – инфинитив, LAT – латив, LOC – локатив, M – мужской род, MS – масдар, N – средний род, NEG – отрицание, NM – номинализатор, OBL – маркер косвенной основы, PART – причастие, PARTITIVE – партитив, PFV – перфектив, PL – множественное число, POLITE – вежливость, POT – потенциалис, Q – вопросительный маркер, REFL – рефлексив, SG – единственное число, SUP – SUP-локализация, TEMP – временной маркер, TOP – топик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаскина, Гусев 2007 – Ю.В. Адаскина, В.Ю. Гусев. Конструкции с «лишним» участником в русском языке: императив первого лица // Русская филология 18. Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 2007.
- Аллатов 1973 – В.М. Аллатов. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Архипов, Нуждин (в печати) – А.В. Архипов, Г.А. Нуждин. Баскский язык // Языки мира (в печати).
- Кибрик 2001 – А.Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., 2001.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. М.; Вена, 1998.
- Минор 2005 – С.А. Минор. Кабардино-черкесский язык как полисинтетический. Дипломная работа МГУ. М., 2005.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Ackema 1999 – P. Ackema. Issues in morphosyntax. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Alberdi 1986 – J. Alberdi. Alokutibotasuna eta tratamenduak euskeraz // Anuario del Seminario de filología Vasca Julio de Urquijo. V. 20. 1986.
- Alberdi 1994 – J. Alberdi. Hitanoa non eta nork erabiltzen duen. Euskaltzaindia, Euskera, 3, 39. 1994.
- Alberdi 1995 – J. Alberdi. The development of the Basque system of terms of address and the allocutive conjugation // J.I. Hualde, J.A. Lakarra, R.L. Trask (eds.). Towards a history of the Basque language. Amsterdam (Philadelphia), 1995.
- Albizu 2003 – P. Albizu. Basque morphology: Redefining cases // X. Artiagoitia, P. Goenaga, J.A. Lakarra (eds.). Festschrift essays for Rudolf P. de Rijk. International journal of Basque linguistics and philology. Donostia, 2003.
- Aurrekoetxea 2003 – G. Aurrekoetxea. Arratiako hitanoaren arautzea // Euskalingua. 3. 2003.
- Baker 1996 – M. Baker. The polysynthesis parameter. Oxford; New York, 1996.
- Bonaparte 1862 – L.-L. Bonaparte. Langue basque et langues finnoises. London, 1862.
- Bottineau, Roulland 2003 – D. Bottineau, D. Roulland. La grammaticalisation de l'adresse en basque : tutoiement et allocutivité // Colloque international «Pronoms de 2-me personne et formes d'adresse dans les langues d'Europe». Paris, 2003.
- Bresnan 2001 – J. Bresnan. Lexical-functional syntax. London, 2001.
- Chafe 1976 – W. Chafe. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // C.N. Li (ed.). Subject and topic. New York, 1976.
- Chomsky 1981 – N. Chomsky. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 1982 – N. Chomsky. Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge (Mass.), 1982.
- Corbett 2006 – G. Corbett. Agreement. Cambridge, 2006.
- Coyos 2006 – J.-B. Coyos. Pronoms, indices verbaux de personne et prise en compte de l'allocutaire en basque // La linguistique, 42, 1. Paris, 2006.
- Dalrymple 1993 – M. Dalrymple. The syntax of anaphoric binding // CSLI. 1993.
- Eguren 2000 – L. Eguren. El morfema de alocutivo del euskera y el modelo de gramática // Hermeneus. Revista de la facultad de traducción e interpretación de soria. № 2. 2000.

- Elordieta 2002 – A. Elordieta. The role of verbal agreement in licensing null arguments // B. Fernandez, P. Albizu (eds.). Kasu eta komunzaduraren gainean. Donostia, 2002.
- Euskaltzaindia 1995 – Euskaltzaindia. Adizki alokutiboak (hikako moldea). Euskaltzaindiaren arauak. Bilbao, 1995.
- Farkas, Kazazis 1980 – D. Farkas, K. Kazazis. Clitic pronouns and topicality in Rumanian. Chicago, 1980.
- Fernández, Albizu 2000 – B. Fernández, P. Albizu. Ergative displacement in Basque and the division of labor between morphology and syntax // J. Boyle, J.-H. Lee, A. Okrent (eds.). Chicago Linguistic Society. 36. V. 2: The Panels. Chicago, 2000.
- Gavel, Lacombe 1933 – H. Gavel, G. Lacombe. Grammaire basque. Gure herria. 1933.
- Harada 1976 – S.I. Harada. Honorifics // M. Shibatani (ed.). Japanese generative grammar (syntax and semantics, 5). London, 1976.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 – J.I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). A grammar of Basque. Berlin; New York, 2003.
- Huang 2000 – Y. Huang. Anaphora. A cross-linguistic approach. Oxford, 2000.
- Jelinek 1984 – E. Jelinek. Empty categories, case, and configurationality // Natural language and linguistic theory. 2. 1984.
- Lafitte 1944 – P. Lafitte. Grammaire basque. Donostia, 1944.
- Lafon 1957 – R. Lafon. Remarques sur l'emploi du masculin et du féminin en basque. Via Domitia. 4. 1957. 4.
- Lafon 1959 – R. Lafon. Place de la 2-ème personne du singulier dans le conjugaison basque // BSLP. V. 54. 1959.
- Laka 1993 – I. Laka. The structure of inflection // J.I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). Generative studies in Basque linguistics. Amsterdam (Philadelphia), 1993.
- MacSwan 1999 – J. MacSwan. The argument status of NPs in Southeast Puebla Nahuatl: Comments on the polysynthesis parameter // Southwest journal of linguistics. 17. 2. 1999.
- Moreno 1988 – J.C. Moreno. Allocutivity and voice in the Basque verb // L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Tübingen, 1988.
- Ormazabal, Romero 2007 – J. Ormazabal, J. Romero. The object agreement constraint // Natural language and linguistic theory. 25. 2. 2007.
- Oyharçabal 1993 – B. Oyharçabal. Verb agreement with nonarguments: On allocutive agreement // J.I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). Generative studies in Basque linguistics. Amsterdam (Philadelphia), 1993.
- Oyharçabal, Rebuschi 1995 – B. Oyharçabal, G. Rebuschi. Les formes allocutives du basque: carrefour de la morphologie, de la syntaxe et de l'énonciation // J. Bouscaren, J.-J. Franckel, S. Robert (eds.). Langues et langage. Problèmes et raisonnement en linguistique. Mélanges offerts à Antoine Culicoli. Paris, 1995.
- Rebuschi 1981 – G. Rebuschi. Autour des formes allocutives du basque. Bilbao, 1981.
- Rebuschi 2004 – G. Rebuschi. Basque from a typological, dialectological and diachronic point of view // T. Roelcke (ed.). Variation typology. Berlin; New York, 2004.
- de Rijk 1991 – R. de Rijk. Familiarity or solidarity: the pronoun «hi» in Basque // Revista Internacional de los Estudios Vascos. 36. 1991.
- de Rijk 2008 – R. de Rijk. Standard Basque: a progressive grammar. Cambridge (Mass.), 2008.
- Sapir 1921 – E. Sapir. Language: An introduction to the study of speech. New York, 1921.
- Schuchardt 1893 – H. Schuchardt. Sobre la formación de las flexiones de relación del verbo vasco. Madrid, 1893.
- Simpson, Withgott 1986 – J. Simpson, M. Withgott. Pronominal clitic clusters and templates // H. Borer (ed.). The syntax of pronominal clitics. London, 1986.
- Steele 1978 – S. Steele. Word order variation: A typological study // J. Greenberg (ed.). Universals of language. V. 4: Syntax. Stanford (CA), 1978.
- Takasugi 1997 – S. Takasugi. Teach yourself Japanese. 1997. (<http://www.sf.airnet.ne.jp/ts/japanese/>)
- Zubiri I., Zubiri E. 2000 – I. Zubiri, E. Zubiri. Euskal gramatika osoa. Bilbo, 2000.
- Zubimendi, Esnal 1993 – J.R. Zubimendi, P. Esnal. Idazkera-liburua. Gasteiz, 1993.

© 2008 г. Е.А. СОРОКИНА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ИНСТИТУТА «СВОБОДНЫЙ» ~ «ЗАВИСИМЫЙ»

Статья посвящена семантической реконструкции базовых понятий института свободных и зависимых людей у древних германцев. На материале готского, англосаксонского и древнеисландского языков предпринята попытка реконструкции первичных значений древнегерманских корней **frijo-/frija*, **беша-/бегна*, **skalko-z* и определения социального статуса людей, обозначавшихся этими корнями.

До настоящего времени в современной науке вопрос о существовании у древних германцев института зависимых и свободных людей не нашел однозначного решения. Различие во взглядах на эту проблему обусловлено вполне объективными причинами. Во-первых, историки традиционно делают выводы, опираясь на сообщения античных писателей. Действительно, о древних германцах писали Цезарь и Тацит, сведения о них сохранились в трудах Страбона, Веллея Патеркула, Гая Плиния Старшего, Плутарха, Флора, Аппиана, Диони Кассия и т.д. При этом значительная доля письменных свидетельств о германцах не принадлежит очевидцам. Общеизвестно, что Тацит, например, немалую часть информации заимствовал у других авторов [Арсеньева 2000: 9]. Если же опираться на сведения только очевидцев, то всегда следует учитывать, что варвары были чужды грекам и римлянам не только по языку, но и по укладу жизни, социальному строю, верованиям. С одной стороны, это могло пугать и настораживать, с другой стороны, их простая жизнь могла внушать чувства ностальгии по утраченной римлянами чистоте и простоте нравов. Это приводило к идеализации жизни варваров [Гуревич 1999: 27–28]. При таких условиях, в дошедших до нас письменных свидетельствах отражается, вероятно, идеология и психология самих авторов, что вызывает сомнения в достоверности данных, а также затрудняет выявления из такого рода текстов реальных фактов жизни древних германцев.

Во-вторых, некоторые затруднения испытывает исследователь при интерпретации античных текстов. Античные авторы, описывая структуру германского общества, пользовались римской системой понятий и терминов. Вполне естественно, что при этомискажалась социальная и культурная жизнь варваров, так как германские институты описывались лексикой, не способной адекватно отразить всю их специфику.

В-третьих, современные комментаторы античных сочинений для социальных терминов часто применяют эквиваленты из различных древних и современных германских языков, которые, по их мнению, воссоздают соответствующие древнегерманские институты. При этом не учитывается тот факт, что эти термины относятся к эпохам, значительно удаленным во времени от древнегерманского общества и отражают реалии своего времени.

В-четвертых, неоднозначны и археологические данные, которые по своей природе не способны с полной полнотой осветить древнегерманскую общественную структуру, хотя последние сведения о поселениях германцев подтверждают мысль о

первоначальной родовой структуре древнегерманского общества (малая или большая семья¹).

Все эти трудности, встающие перед исследователями, часто приводят к противоположным выводам, которые всецело зависят от установки самого ученого, что, поневоле заставляет задуматься: существует ли надежда получить хоть какое-то объективное знание о древнегерманском социальном строем? Современные достижения археологии, климатологии, палеоботаники, мифологии и т.д. вселяют некоторую надежду на возможность решения данной проблемы. Не последнее место в этом списке занимает лингвистика, а именно, семантическая реконструкция². Ценность реконструкции первичных значений слов (этимонов) для различных культур и эпох состоит, в первую очередь, в том, что позволяет выяснить не только особенности доисторического (бесписьменного) состояния сознания, с которым эти значения соотносятся, но и, воссоздать, например, структуру общественных отношений, о которой они могут свидетельствовать.

Наиболее надежным и достоверным источником для семантической реконструкции древнегерманской лексики являются, несомненно, тексты, написанные на древних германских языках, которые хотя и относятся к более поздним периодам, но дают исследователю-лингвисту возможность проследить развитие значений слов и вероятность реконструировать термины, обозначавшие социальные институты древних германцев.

Предметом исследования в данной статье являются базовые термины, обозначающие класс свободных и зависимых людей. Из словарей готского, древнеанглийского и древнескандинавского языков были отобраны слова, с одной стороны, обозначающие данный социальный статус человека, а с другой, имеющие общие корни и восходящие к праегерманскому языковому состоянию³.

*frija-

Во всех перечисленных древнегерманских языках для обозначения независимого человека используется прилагательное «свободный».

Гот. *andhofun imma: fraiw Abrahamis sijum jah ni mannhun skalkinodedum aiw hvanhun; hvaiwa fi qibis fatei frijai wairfib?* «они ответили ему: мы семя Авраама, мы никогда не были зависимыми, как ты говоришь. Можешь ли ты быть свободным» (Jo. 8: 33)⁴.

¹ Некоторые исследователи ставят под сомнение возможность существования у германцев большой семьи, ссылаясь на то, что средняя продолжительность жизни была тогда очень низкой (предположительно 27 лет); это практически исключало одновременное существование трех поколений родственников. См. [Beuys 1980: 22–23].

² Процедура восстановления древнего, или предшествующего, значения слова [Трубачев 2004, 1: 123].

³ Выбор данных языков в качестве объекта исследования объясняется не только их архаичностью, но и принадлежностью к различным подгруппам германской группы языков: восточной, западной и северной, что подтверждает возможность существования этих слов в период праегерманской языковой общности.

⁴ В статье принял следующие сокращения языковых памятников:

1. Acc. – *Account of the poet Coedmon* // An Anglo-Saxon reader edited, with notes, a complete glossary, a chapter on versification and an outline of Anglo-Saxon grammar by J.W. Bright. New York, 1912. (Указывается номер страницы и строки).
2. Andr. – *Andreas* // Oxford Text Archive text U-1936-C. <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/vercelli.html> (Указывается номер строки).
3. Apoll. – *Apollonius of Tyre* // <http://www.georgetown.edu/faculty/ballc/apt.html> (Указывается глава и номер строки).
4. Ass. – *The Assumption of St. John the Apostle* // An Anglo-Saxon reader edited, with notes, a complete glossary, a chapter on versification and an outline of Anglo-Saxon grammar by J.W. Bright. New York, 1912. (Указывается номер страницы и строки).

Др.-анг. *Noe siððan mid sunum sinum sidan rices ðreohund wintra fisses lises, freomen æfter flode, and fiftig eac, þa he forð gewat.* «И Ной со своими сыновьями правили три сотни и пятьдесят зим своей жизни как **свободные люди** после потопа» (Gen., 1598).

Др.-исл. *En rótt konungr sjá ágirnist meira en menn viti dæmi til, þá vil ek þó frjals vera ok engan skatt gjalda.* «И пусть конунг сей предельно честолюбив, чего доказательства людям известны, желаю я, однако, **свободным** быть и никакой дани не платить» (Pors. Pát., 2).

Все три слова – гот. *freis*, др.-анг. *frēo*, др.-исл. *frjáls* – восходят к общегерманскому **frija-* с несколько иным значением – «дорогой, любимый», т.е. буквально соответ-

-
5. Beow. – *Beowulf*, edited with an introduction notes and new prose translation by M. Swanton. New York, 1978. (Указывается номер строки).
 6. BM – *The Battle of Maldon* // A choice of Anglo-Saxon verse selected with an introduction and a parallel verse translation by R. Hamer. London, 1970. (Указывается номер строки).
 7. BS – *Bósa saga ok Herrauðs* // <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (Указывается номер главы).
 8. Col. – *Colossians* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 9. Cor.II. – *Corinthians II* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 10. Dan. – *Daniel* // <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/junius.html> (Указывается номер строки).
 11. Ep. – *Ephesians* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 12. Ex. – *Exodus* // <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/junius.html> (Указывается номер строки).
 13. Gal. – *Galatians* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 14. Gen. – *Genesis* // Oxford Text Archive text U-1936-C. <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/junius.html> (Указывается номер строки).
 15. Jo. – *John* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 16. LS – *Laxdaela saga* // <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (Указывается номер главы и строка).
 17. Lu. – *Luke* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 18. Mat. – *Matthew* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 19. Max.I – *Maxim I* // Oxford Text Archive text U-1936-C. <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/exeter.html> (Указывается номер строки).
 20. Neh. – *Nehemiah* // Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache von F.L. Stamm, M. Heyne, F. Wrede. Paderborn, 1896 (Указывается глава и номер строки).
 21. Ps. – *Psalm* // Oxford Text Archive text U-1936-C. <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/exeter.html> (Указывается номер псалма и строка).
 22. RS – *Ragnars saga loðbrókar ok sona hans.* // <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (Указывается номер главы).
 23. SES – *Snorra Edda, Skáldskaparmál.* // <http://norse.ulver.com/edda/index.html> (Указывается номер главы).
 24. Ss – *Sigurðarkviða in skamma* // <http://norse.ulver.com/edda/index.html> (Указывается номер главы).
 25. þor. þát. – *þorsteins þáttir tjaldstœðings* // <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (Указывается номер строки).
 26. þor. S – *þorsteins saga Vikingssonar* // <http://norse.ulver.com/edda/index.html> (Указывается номер главы).
 27. Wh. – *The Whale* // A choice of Anglo-Saxon verse selected with an introduction and a parallel verse translation by R. Hamer. London, 1970 (Указывается номер строки).
 28. Wids. – *Widsith* // Oxford Text Archive text U-1936-C. <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/exeter.html> (Указывается номер строки).
 29. YS – *Yngvars saga viðförla* // <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (Указывается номер главы).

ствует древнему и.-е.**priyos*. Ср.: скр. *priyá-s* «дорогой, любимый», авест. *frya-* «милый». Первоначальный смысл и.-е. **priyos* «прилагательное со значением личной принадлежности, подразумевающее не юридическое, а аффективное отношение к “себе” и всегда способное принять эмоциональную окраску, так что в зависимости от обстоятельств оно обозначает то “(свой) собственный”, то “милый, дорогой, любимый”» [Бенвенист 1995: 215]. Аффективная сторона значения выходит на первый план и начинает встречаться чаще всего: так, *priyá-* в ведийском языке характеризует всех близких и дорогих для какого-либо человека. От **priyos* произошел славянский глагол *prijačo* (др.-рус. *прияю* «высказывать расположение, любовь»), отсюда русское слово *приятель* [Фасмер 2003: 369, Черных 1999: 68]. Аффективное значение отражено и в общегерманском корне **fri-* «любить, питать чувство, проявлять заботу».

Можно предположить, что первоначально древнегерманским **frija-* обозначались люди, связанные чувством любви и привязанности. Такие отношения в родоплеменном обществе обычно характерны для семьи и рода, т.е. для кровных родственников. Действительно, понятие свободы у индоевропейцев связано с непрерывностью человеческого рода. Ср.: лат. *liber* «свободный» – лат. *liberi* «дети» (продолжение рода) [Маковский 2000: 122].

Не случайно использование, например, в англосаксонских текстах таких обозначений, как *frēo-burh* «родной город», *frēo-broðer* «родной брат» и т.д.

naénig heora fóhie þoet hé þanon scolde / eft eardlufan aéfre gesécean / folc ofðe fréoburh þaér hé áféded wæs «никто не думал, / что он когда-либо любимую землю увидит, / свой народ или родной город, где был вскормлен» (Beow., 693).

Him on leodsceare frumbearnes riht freobrodor ofðfah, ead and əððelo... «От него родной брат взял по праву перворожденного в племени богатство и славу...» (Ex., 339).

Подтверждением нашему предположению могут также служить гот. *frijonds*; др.-англ. *freond* «друг», др.-исл. *frœndi* «родич», «брать», «сын» восходящие к праегерманскому глаголу **frijon* «любить» от **frija-*. Анализ контекстов, в которых эти слова употреблялись, показал, что первоначально они могли обозначать «родного по крови и любимого члена семьи и рода». Так, в следующем примере Беовульф предлагает Хродгару отомстить за погибшего Эсхере – родича, по которому скорбели датчане (*sorh is geníwod Denigea léodum*), советника и наставника (*mín rúnwita ond mír raédhora*) самого Хродгара.

Béowulf mafelode bearne Ecgþéowes: / 'Ne sorga, snotor gumna sélre bið aéghwaém / þoet hé his fréond wrece fonne hé fela turne «Беовульф молвил, потомок Эгттеова: / “Мудрый человек! не стоит печалиться! / – должно мстить за друга (родича), а не плакать бесплодно!”» (Beow., 1385).

Принадлежность гот. *frijonds* к словам, характеризующим внутрисемейные отношения можно проиллюстрировать примером из Евангелия от Матфея, когда, вместо ожидаемого перевода греческого ἀδελφοὺς готским *brofar*, было употреблено *frijonds*, которое обычно использовалось для передачи греч. φίλος «друг, дорогой, любимый».

jah jabai golei ans frijonds izwarans þatainei. hve managizo taujif?: греч. καὶ ἐὰν ἀστάσθε τοὺς ἀδελφοὺς ὑμῶν μόνον, τί περισσὸν ποιεῖτε «и если ты приветствуешь только брата (друга) своего, что ты делаешь более чем другие?» (Mat. 5: 47).

Наиболее четко семейство-родовые отношения прослеживаются в древнеисландском слове *frœndi*, которым обозначали именно кровного родственника. Возьмем, к примеру, «Сагу о Торстейне сыне Викинга», где данное слово используется при обращении как к родному брату, так и к племяннику.

Porsteinn spyrr þá: «Hví er hlóð á spjóti þínu, frœndi?» «Торстейн спрашивает его (младшего брата Торира): «Почему на твоем копье кровь, брат?»» (Бог. S. 10);

segir hann, «...ok er ek Vífilsson, bróðir Víkings, föður þíns... Hefi ek hér upp vaxit í eyppni ok būit hér síðan. En hefir þú nokkuð, Þorsteinn frændi, frétt til Ötunfaxa víkings?» «он говорит: "...я сын Вифила, брата Викинга, твоего отца. Я родился на этом острове и живу до сих пор. Но ты слышал, мой племянник Торстейн, о викинге Отунфахе?"» (фор. S. 22).

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что в прагерманском языке словом **frija* могли обозначать кровных родственников, членов семьи, связанных взаимоотношениями приязни и любви. Неслучайно в древнеисландском эпосе богиня брака, любви, семейного очага и деторождения называлась Фригг <**frija* [МНМ 1994: 572]. Следы былой принадлежности **frija* к словам, характеризующим семейно-родовые отношения, отражены, например, в немецком *Friedhof* «кладбище», которое восходит к др.-в.-нем. *frit-hof* <**freithof*, где *hof* имело значение «двор, огороженное место», а *frit* <**fri* «любить, проявлять родительскую заботу» [Kluge 1999: 286]. Изначально **freithof*, возможно, указывало на место проживания семьи, рода. Затем, с разрушением родоплеменных отношений, оно стало использоваться для обозначения места захоронения сородичей.

Интересную информацию дает анализ готского производного *freihals* <**frioheals* <**frijo-heals* «свобода». Оно имеет сложную структуру и состоит из двух слов: *freis* <**frijo-* «свободный» и *hals* <**heals* «шея». Предположительно, древнегерманские зависимые люди носили на шее специальное кольцо, которое указывало на их статус: статус несвободного человека. Если исходить из того, что *freis* <**frijo-* обозначало кровных родственников, то термин *freihals* можно было бы толковать как «соплеменник, т.е. свой, кровный родственник, который первоначально был зависимым, но потом освободился». И действительно, у Тацита в сочинении «О происхождении и местожительстве германцев» находим: «Играют германцы и в кости, и, что поразительно, будучи трезвыми, смотрят на это занятие как на важное дело, причем с таким увлечением и при выигрыше, и при проигрыше, что, потеряв все свое достояние и бросая в последний раз кости, назначают ставкою свою свободу и свое тело. Проигравший добровольно отдает себя в рабство и, сколь бы моложе и сильнее выигравшего он ни был, безропотно позволяет связать себя и выставить на продажу» [Тацит 1993: 347]. В связи с этим, термин *freihals* «свобода» мог первоначально употребляться для обозначения социального статуса именно освобожденных соплеменников. Затем, с расширением лексического значения, стал использоваться в готском языке как понятие «свобода».

Pammei freihalsa uns Xristus frijans brahta standaif... «Встаньте, свободу Христос принес...» (Gal. 5:1); *afran farei ahma fraujins, faruh freijhals ist* «где дух господина, там свобода» (Сог. II, 3: 17).

Производное от германского **frioheals* «свобода» отмечено в древнеисландском языке, где оно стало обозначать класс независимых людей.

Eg gef þér frelsi svo að þú skalt frá fessum degi frjáls tædir heita. «Я даю тебе свободу, так что с этого дня ты имеешь право называться **свободным человеком**» (LS, 16: 9).

Весь представленный выше материал позволяет сделать вывод о том, что первоначально в прагерманском обществе не существовало специального термина для обозначения класса свободных людей. Изначально **frija* могло характеризовать человека с точки зрения его принадлежности к роду, семье, т.е. являться своим. Однако даже будучи своим по крови, он мог на какое-то время потерять свою независимость в племени и быть продан. При этом возможность выкупиться или быть выкупленным находит подтверждение в существовании **frioheals*. Это позволяет предположить, что древним германцам было знакомо понятие «зависимый человек» [Peltered 1985: 118], но это была временная зависимость, которая проявлялась в необходимости выплатить долг, хотя «вольноотпущенники по своему положению (оставались) не намного выше рабов» [Тацит 1993: 347].

Эволюция изменения значения от «любимого, родного, родича» до «свободного», отмеченная в германских языках, может быть объяснена исключительным положением семьи в родоплеменном обществе. Термин, обозначавший первоначально отношение приязни между родными людьми, приобретает значение термина социального статуса и начинает служить наименованием общности людей по принадлежности к определенной группе (своим), а затем и по положению в обществе – наименованием «свободных людей» [Бенвенист 1995: 215]. Иллюстрацией к вышесказанному могут служить следующие примеры: др.-инд. *priyā-s* «дорогой, любимый» → *priyā* «жена, супруга» при др.-англ. *freo* и др.-сканд. *frī*, имевших значение не только «жена», но и «знатная женщина», т.е. обозначение женщины, принадлежащей к определенной социальной группе.

Типологически, наш вывод находит подтверждение в славянских языках. Для славянского *svoboda* «свобода» реконструируется первоначальное значение как «совокупность (вместе живущих) родичей, своих». Ср.: др.-русск. *свобода* «поселок, селение, слобода», др.-польск. *słoboda* «небольшой поселок, поселение крестьян» [Трубачев 2006: 170].

**bewa-/*begna-*

Одним из терминов, обозначающих класс зависимых людей и восходящих к праегерманскому языковому состоянию, является **bewa-/*begna-* > гот. *bius*, *biu-magis* «слуга, раб», *biwi* «служанка», др.-англ. *deow* «слуга, раб», *deowe* «служанка, раба»; др.-исл. *bjonn* «слуга».

В готских переводах Евангелия отмечено несколько случаев употребления *bius*, включая производные *biu-magis* «слуга», где *magis* «мальчик, ребенок, слуга» и *biwi* «служанка».

ni ainshun biwe mag twaim fraujam skalkinon «не может слуга двум хозяевам служить» (Lu. 16: 13).
ak qif waurda, jah gahailnid sa biutagus meins «но скажу слово, и слуга мой излечится» (Lu. 7: 7).
qaf þan Mariam: sai, biwi fraujiins, wairbai mis bi waurda þeinattha «и сказала Мария: смотри, служанка господина» (Lu. 1: 38).

По данным готского словаря, слову *bius* и его производным соответствуют следующие древнегреческие слова: ὀικέτης «домочадец, слуга» производное от ὀικία «дом», παις «дитя, ребенок»; παιδάρια «малютка, мальчик» и παιδίσκη «девочка» от παις; δούλη «раба, рабыня» [Balg 1889: 471, 473]. Можно предположить, что слово *bius* изначально имело значение «маленький ребенок», так как общегерманский корень **bewa-/*begna-* соответствует и.-е. **tek-ō-/tek-pó-*. Ср.: скр. *táktan* «ребенок», др.-греч. τέκνον «дитя, ребенок». У древних германцев, вероятно, произошел следующий семантический сдвиг значения: «дитя» → «бесправный» → «находившийся в услужении» → «слуга, раб». Действительно, положение детей было тяжелым и бесправным. Их могли захватить в плен, отправить в услужение к более богатым соплеменникам, продать [Порциг 1964: 182]. Согласно Тациту, дети росли «голые и грязные», воспитывались в «такой же простоте, как и рабы, и долгие годы в этом отношении между ними не было никакого различия: они жили среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделил свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания» [Тацит 1993: 345]. Женщины, вероятно, находились в более тяжелом положении, чем дети, поэтому готскому *biwi* «служанка» в ряде случаев соответствует древнегреческое δούλη «раба».

Таким образом, термином *bius*, вероятно, обозначали домашних слуг, предположительно молодых, до 14–15 лет, когда, согласно письменным источникам древних германских языков и археологическим данным, заканчивалось детство у германцев [Härke 1997: 126–129].

Для древнеанглийского *деоу* реконструируется несколько иное значение. Так, термин часто встречается в религиозных текстах. В представленном ниже отрывке из «The Assumption of St. John the Apostle» *дēowan* могли быть не только богато одеты (*godwebbe* – пурпур, *gefætewode* – орнамент, украшение), но и быть всемирно (*woruldlicum*) известны (*wuldrē* – слава, честь).

and gesāwon heora dēowan mid godwebbe gefætewode, and on woruldlicum wuldrē scīnende. Dā wurdon hī mid dēofles flān furhscotene, and drēorige on mode fōet hī wædligende on ānum wāclīcum wæfelse fērdon, and heora dēowan on woruldlicum wuldrē scīnende wæron «и (он) увидел, что ее слуги, в украшенных пурпурных одеждах, на весь мир достоинством сверкали. И был он дьявольской стрелой пронзен, впал в печаль, потому что он – бедный – постоянно в убогих одеждах ходил, а слуги се на весь мир славой освещены были» (Ass. 77: 12–16).

За определенные услуги хозяину *деоу* мог быть щедро награжден.

Hlaford cyng. getun hellanicus binne bēow. Da genām hine apollonius be bare hande and arærde hine up and hine cyste and hine weligne gedide and sette hine him to geferan. «Правитель-король, помнишь Хелланика, твоего слугу? Затем Аполлоний взял его за руку, поднял его, поцеловал, сделал богатым и посадил рядом как товарища» (Apoll. 28: 51.23).

Получить статус *деоу* человек мог по добной воле, например, отдать имущество (*gōdum*) и поступить в монастырь (*mynster*).

ond hēo hine in fōet mynster onfēng mid his gōdum, ond hine gefēodde to gesomnunge bāra Godes bēowa «И она его в монастырь приняла с его имуществом и присоединила к группе слуг (т.е. к монахам) Божьих» (Acc., 11: 1).

В качестве второго компонента *деоу* отмечено в составе ряда личных имен. Например, *Ecgfrēow*, отец Бсовульфа.

wæs mīn fæder folcum gecýfed / æfele ordfruma Ecgfrēow hātan «мой отец, известный народу / знатный воин-предводитель, зовется Егттеов» (Beow., 262).

Существует два толкования имени *Ecgfrēow*: «Меча слуга» от др.-англ. *ecg* «острие, меч» и «Страха слуга» от др.-герм. *Aga- «страх» [Топорова 1996: 10]. Трудно поверить, чтобы знатного воина могли назвать именем «Страха слуга». Возможно, под *деоу* англосаксы понимали нечто другое, что позволило использовать это слово в именах знати. Элемент *деоу* присутствует в имени *Wealhfrēo*, жены короля Хродгара.

Éode Wealhfrēow forð, cwén Hrōdgáres «Вошла Вальхтеов, жена Хродгара» (Beow., 612), где *wealh* «кельтский», а также в имени шведского короля *Ongenfrēow* (Sweom Ongendfeow, Wids., 31).

Né ic te Swéðeode sibbe oððe tréowe / wihte ne wéne ac wæs wide cíð / fōette Ongendío ealdre bē-snyðede / Hæðcen Hrépling wið Hrefnawudu «Я не из Швеции, мир и перемирие ожидающий, / но хорошо известно, / что Онгентеов жизни лишил / Хадкюна Хредлинга в Вороньем лесу» (Beow., 2924).

Из представленных выше примеров видно, что в англосаксонском обществе *деоу* мог быть обеспеченным человеком, иметь известность и славу, принадлежать к знатному роду. При этом он оставался «зависимым», но это не было зависимостью или рабством в современном понимании, это могло быть **служение**, т.е. исполнение личных поручений своего господина. Такое служение считалось почетным. У древних германцев существовала вера, что сила, богатство, везение вождя распространялись на весь его род, на тех, кто служит ему. И чем выше был социальный статус господина, чем он был богаче, удачливее в битвах, тем почетнее считалась служба, тем больше материальных благ имел служащий.

bā wæs Hrōdgáre herespéd gyfen / wiges weordmynd fōet him his winemágas / georne hýrdon «Хродгар прославился в войне, / так что все его сородичи / страстно служили ему» (Beow., 64).

Для того чтобы до конца понять социальный статус *деоу* у англосаксов необходимо, на наш взгляд, установить, чем слово *деоу* отличалось от *þegn*, другого древнеанглийского слова, которое восходит к тому же пра-германскому корню *þewa-/*þegna-.

В словарях *þegn* толкуется как «слуга, постоянно живущий в доме», «вассал», «последователь, ученик», «свободный человек», «человек благородного происхождения». Из контекстов видно, что социальные функции *þegn* были достаточно разнообразными: во-первых, он должен был охранять хозяина.

hér is aéghwylc eorl óbrum getrýwe / módes milde mandrihtne hléo / þegnas syndon gefwaére «здесь каждый из мужчин, / честный к другим, великодушный в мыслях, в защиту их хозяина / слуги объединились» (Beow., 1230).

Во-вторых, защищать честь и достоинство своего господина, даже после его смерти.

þa wearð afeallen þoës folces ealdor, / cefelredes eorl; ealle gesawon / heorðgeneatas þoët hyra heora lœg. / þa ðær wendon forð wlance þegenas, / unearge men efston georne; / hi woldon þa ealle oðer twega, / lifforlœtan oððe leofne gewrecan. «Затем упал предводитель народа / короля Этелреда, все могли видеть / среди воинов их вождя мертвым. / Затем вышли вперед гордые слуги – воины, / храбрые люди поспешили с желанием / погибнуть или отомстить за хозяина» (BM: 202).

В-третьих, он мог быть не только известным воином (*guma gilphlœden*), но и хранителем старых традиций, сказителем на пирах.

Hwílum cuninges þegn / guma gilphlœden gidda gemyndig / sé ðe ealfela ealdgesegena / worn getmunde word ófer fand / sóðe gebunden. «В это время слуга конунга, / муж всеславный, множество историй и старых традиций помнящий, / нашел новые слова и / вплел в повествование» (Beow., 867).

Кроме того, *þegn* был соплеменник или родич, как, например, Виглаф, который после смерти Беовульфа оставался последним из рода Вагмундингов (*bú eart endeláf ússes cunnes Waégtundinga*, 2814).

Hyne þá mid handa heorodréorigne / þéoden maérne þegn ungetete till / winedryhten his wætere gefafe «Он (Виглаф) руками, кровью испачканного / короля (Беовульфа) известного, слуга очень хороший / друга и хозяина водой обмыл» (Beow., 2722).

Анализ контекстов употребления *ðeo* и *þegn* позволяет предположить, что основное отличие между ними заключалось в праве на ношение оружия. Не обнаружено ни одного примера, где бы *ðeo* пользовался оружием. В то же время, *þegn* часто участвует в сражениях и носит не просто оружие, а копье (*mægenwudu*), которое у древних германцев ассоциировалось с классом свободных воинов.

gewát him þá tó warode wicge rídan / þegn Hróðgáres frumttum swehte / mægenwudu mundum «и прямо к ним он коня направил, / слуга Хродгара, / копьем потрясая» (Beow., 235).

Не случайно, в своде законов короля Уэссекса (688–726 н.э.) штраф за предоставление чужому беглому слуге копья был выше, чем за предоставления меча. По нашему мнению, именно запрет на ношение оружия и объясняет использование слова *ðeo* в религиозных текстах, как обозначение слуги божьего.

В древнеисландских письменных памятниках *þjonn* также относился к классу зависимых людей.

Lýðr heitir landfólk eða ljóðr. Heitir ok fræll kefsir, þjónn, öppungr, firr. «Народ зовется “чёрнь” и “простолюдь”. Раб же зовется: “челядинец”, “слуга”, “работник”, “невольник”» (SES, 81).

При этом даже король мог назвать себя *þjonn* в знак уважения к другому королю.

Eymundr tók fakksamliga við gjöf konungsins ok kvað þá skjótt skyldu aprí fara ok bjóðda Óláfi konungi til sín ok mæla svá: «Eymundr, þjónn finn, býðr fér til veizlu með góðvilja ok kann fökk, aí bú farir». «Эмундр получил знамя с благодарностью, подарок короля, и сказал им ехать прямо к королю Олафу и пригласить его присехать, “и передайте: Эмундр, ваш слуга, приглашает на пир по доброй воле и будет рад, если вы примете предложение”» (YS, 3).

Таким образом, как и у англосаксов, люди могли стать *þjonn* добровольно, показывая готовность служить.

Показателен для нашего исследования и отрывок из «Краткой песни о Сигурде», где описываются приготовления Брюнхильд к своему сожжению на погребальном костре рядом с любимым Сигурдом. С собой она берет то, чем владеет (*eigu*) – убитых служанок (*soltnar þýjar ok salkonur*, 47), а также других слуг, которые достались ей в наследство из родительского дома.

þvíl at hánut fylgja / fimm ambáttir, / átta þjónar / eðlum góðir, / fóstrman mitt / ok faderni, / fat er Viðli gaf / barni sínu. «За ним последуют (на костер) / пять служанок, / восемь слуг / хороших, кормилиц / моего отца, / которых Будли дал / ребенку своим» (Ss, 70).

Другим она предлагает золото, если они будут готовы пожертвовать своими жизнями.

«Nú skulu ganga, / þeir er gull vili / ok minni þvíl / at mér biggja» «Пусть пойдут те, / кто хочет золото / от меня / получить» (Ss, 49).

Однако желающих пойти за ней на костер не оказалось.

«Ernar soltnar, / tipum enn lifa» «Довольно убитых, / жизнь дорога нам» (Ss, 50).

Как видно из примеров, Брюнхильд могла распоряжаться жизнями только тех, кто принадлежал ее роду и ей лично. Скорее всего, восемь слуг (*átta þjónar*) согласились на смерть добровольно, так как далее следует эпитет «добрые по природе» (*eðlum góðir*). Вероятно, для *þjóppi* исполнение своего долга перед родом, которому он служит, было важно и обязательно.

Итак, на основании проведенного исследования мы получили следующие результаты. У готов словом *þius* скорее всего обозначали ребенка до 14–15 лет, принадлежащего роду, семье. У англосаксов и древних исландцев *ðeow* и *þjópp* не были в полной зависимости от хозяина, а служили по доброй воле, имели имущество, могли быть известными и прославленными, но не могли носить оружие. А так как дети у древних германцев не являлись полноценными членами сообщества и не имели права на ношение знаков принадлежности к взрослым воинам, то словом, первоначально использовавшимся для их обозначения, в дальнейшем стали называть всех бесправных и зависимых.

**skalko-z*

Прагерманское **skalko-z* также засвидетельствовано в трех исследуемых нами языках: гот. *skalks* «слуга», др.-англ. *scealc* «слуга, подчиненный», др.-исл. *skálkr* «слуга». Необходимо отметить, что источник происхождения **skalko-z* до настоящего времени неизвестен.

Из-за немногочисленности сохранившихся готских письменных памятников (в основном переводы Евангелия) реконструкция первичного значения *skalks* в готском языке затруднительна. Не вызывает сомнения лишь то, что так обозначали людей, находящихся в подчинении как у Господа, так и у другого человека.

golei izwis Aipafras, sa us izwis, skalks Xristaus Iesuis, sinteino usdaudjands bi izwis in bidom, ei standaif allawurstwans jah fullawitans in allamta wiljin gudis «Приветствует вас Епафрас ваш, раб Христа Иисуса, всегда подвзывающийся за вас в молитвах, чтобы устояли вы, совершенные и осведомленные о всем, что есть воля Божья» (Col. 4: 12);

qaf sums fize skalke fis maistins gudjins, sah niþjis was þammei aftaimait Paitrus auso: niu fuk sahv ik in aurtigarda miþ imma «Говорит один из рабов первосвященника, родственник того, кому Петр отсек ухо: не я ли тебя видел в саду с Ним?» (Jo. 18: 26).

При этом в греческом варианте Евангелия ему соответствует *δούλος* «подневольный, раб», что подтверждает зависимое положение *skalks*. Однако маловероятно, чтобы у готов этим словом обозначали именно рабов, как это понималось в античном мире. Скорее всего, переводчик попытался подобрать наиболее близкое по значению слово, которое могло приблизительно соотноситься с греческим *δούλος*.

Для реконструкции первичного значения готского *skalks* необходимо установить функции, которые входили в его обязанность. Так, он выполнял различные поручения своего хозяина.

...qifa ...du skalka meinamma: tawei þata, jah taujif «...говорю рабу моему, сделай это и он даст» (Mat. 8: 9); *jah insandida skalk seinana hveilai nahtamatis qifan þaim haitanat* «и послал раба во время ужина сказать им, что они приглашены...» (Lu. 14: 17).

Он работал в поле, пахал землю, пас скот.

hvas þan izwara skalk aigands arjandan aiffau haldandan, saei atgaggandin af haifjai qifai: suns hindarleif anihkumhei? «Кто из вас, имея **раба пашущего** или **пасущего**, по возвращении его с поля, скажет ему: "иди сейчас же, садись за стол"?» (Lu. 17: 7).

Раб мог даже заниматься торговлей.

athaitands þan taihun skalkans seinans atgaf im taihun dailos jah qaþ du im: kaiprof, unte ik qitau. «Призвав же **десять слуг** своих, он дал им **десять мин [деньги]** и сказал им: "пустите их в оборот, пока я не приду"» (Lu. 19: 13).

Доля раба (*skalks*) была тяжелой, его могли безнаказанно изувечить.

if Seimon Paitrus habands hairu, uslauk ina jah sloh fis auhumistins gudjins skalk jah afmaitait imma auso taihswo; sah þan haitans was namin Malkus. «Симон же Петр, у которого был меч, обнажил его и ударил первосвященника **раба**, и отсек сму **правое ухо**: было же имя рабу Малх» (Jo. 18: 10).

На зависимое, подчиненное положение *skalks* указывают ряд контекстов. Во-первых, раб не мог ни в чем превосходить хозяина своего.

nist siponeis ufar laisarja nih skalks ufar frauin seinamma «Ученик не выше учителя, и **раб не выше господина своего**» (Mat. 10: 24); *fanaseifs izwis ni qifa skalkans; unte skalks ni wait hva taujif is frauja* «Я уже не называю вас **рабами**, потому что **раб не знает, что делает его господин**» (Jo. 15: 15).

Во-вторых, он не имел никаких прав, впрочем, как и дети хозяина.

Aþfan qifa: swalaud melis swe arbinumja niuklahs ist, ni und waiht iusiza ist skalka, frauja allaise wisands «Но говорю: наследник, пока он младенец, ничем не отличается от **раба**, хотя он и **господин всего**» (Gal. 4: 1).

В-третьих, в текстах, где идет речь о противопоставлении свободных и зависимых, всегда используется слово *skalks*.

taujif þiufis, þata ganimif at frauin, jaþfe skalks jaþfe freis «делающий добро получит от **господина**, независимо **раб ли он или свободный**» (Ep. 6: 8); *farei nist Kreks jah Judaius, ..., skalks jah freis, ak alla jah in allaim Xristus* «где нет ни грека, ни иудея... ни **раба**, ни **свободного**, **везде есть только Христос**» (Col. 3: 11).

Как видно из приведенных выше примеров, невозможно однозначно установить социальный статус *skalks* – являлся ли он рабом, военнопленным или слугой, соплеменником своего хозяина или чужаком. Можно лишь с определенной уверенностью говорить о том, что готским словом *skalks* называли человека, который занимал подчиненное положение в обществе и стоял на более низкой ступени в социальной иерархии, чем свободные люди.

Возможно, более многочисленный материал древнеанглийского языка позволит выявить дополнительные семы, которые помогут установить первичное значение праегерманского слова **skalkoz*.

В древнеанглийских письменных памятниках нами выявлены следующие контексты, в которых употреблялось слово *scealc*. Во-первых, в англосаксонских текстах *scealc* имеет то же значение, что и в готских письменных источниках – «слуга».

Heriað naman drihtenes, neode swylce herigen hine his scealcas swiðe ealle. Ge þe on godes huse gleawe standað «Молись именем Господа, молись ему и его слугам, которые стоят в доме Божьем...» (Ps. 134: 2); *Het þa his scealcas scufan þa hyssas in bœlþlyse, beornas geonge.* «Приказал своим слугам толкать молодых в костер, воинов юных» (Dan., 320).

При этом служба могла принести славу.

þa he him þone mætan Moyses sende, his sylfes scealc, samod ærgædere and Aaron eac, þone he ær geceas. «Он послал прославленного Моисея, слугу своего, и вместе с ним также и Аарона, которого он выбрал ранее» (Ps. 104: 68).

Во-вторых, благодаря более обширному материалу, удалось выявить дополнительные семы, не отмеченные в готском языке. Например, в поэме «Беовульф» сам Беовульф назван *scealc*.

ná scealc hafað / furh drihtnes miht daéd gefremede / ðe wé ealle aér ne meahton / snyttum besyrwan «сейчас *scealc* (Беовульф), / имся благодаря Богу силу, предъявил деяние, / которое мы ранее не смогли / устроить» (Beow., 938).

Возможно, этим подчеркивался его более низкий социальный статус по сравнению с королем Хродгаром. Однако не исключено, что здесь могло акцентироваться внимание на том, что Беовульф – не свой соплеменник, а чужой, воин, прибывший со стороны для помощи. Сема «прибывший из-за моря», «моряк» прослеживается в употреблении слова *scealc* в сочетании со словом *scip* «корабль».

«Oft þær gesæleð, þær we on scelade, scipum under scealcum, þonne sceor cumeð, brecad ofer hædwæg, brimhengestum». «Часто так случается, что мы в море, корабль с моряками, когда шторм приходит, он ломает в море корабль» (Andr., 512); *ond þonne in deadsele drence bifæstede / scipi mid scealcum* «и в зал смерти втягивает / корабль с моряками» (Wh.: 30); *Seldan in sidum ceole, nefne he under segle yrne, werig scealc wiþ winde rowef* «Редко на носу правили, только он под развеивающимся парусом, усталый моряк, ветром управлял» (Max. I, 184).

Сема «воин» реконструируется в отрывке поэмы «Беовульф», где описывается пир дружинников Хродгара.

béorscealca (béor «пиво») sum / fús ond faége fletræste gehéag. / setton him tó héafdon hilderandas / bordwudu beorhtan. þaér on hence wæs / ofer æfelinge ýþgeséne / heafostéapa helm hringed byrne / frecwudu frýmlíc «Пива напившийся воин, / смелый и готовый умереть, возлежал на скамье. / Другие сидели, / у голов их щиты для битвы сияли. Над скамьей, / над каждым знатным можно увидеть / боевой шлем, кольчугу и / славное копье...» (Beow., 1242).

Вполне вероятно, что изначально *scealc* у англосаксов мог обозначать именно воина, прибывшего из-за моря, который занимался на службу, а возможно, во время сражений попадал в плен.

Несмотря на многочисленные древнеисландские письменные памятники в текстах слово *skálkr* встречается очень редко, что затрудняет его реконструкцию. Можно лишь предположить, что это мог быть слуга-охранник, как в «Саге о Боси и Херраде».

Hún sagði konungsdóttur eigi upporpna fyrir einum ok sagði henni fylgja at jafnaði gelding þann. «er Skálkr heitir ok er svá sterkr, at hann hefir tólf karla afl, hvat sem reyna þarf». «Она сказала, что дочь короля не будет беспомощна перед одним человеком, и она сказала, что ей нужно следить за ней повсюду: «Тот, кого зовут *Skálkr*, он так силен, как двенадцать человек, если в этом есть нужда» (BS, 13).

Или слуга-рыбак, как в «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны и его сыновьях».

vetra vák at foldar fiski fimmítán gamall, mínu; hafa skalk, böл neta bíti, bráðrakinn mér dauða, heidrar lax til hjarta... «зима держала рыб пятнадцать лет, помнится; поднял рыбак их лежбище, взял палку, неожиданно ударил до смерти лосося в сердце...» (RS, 3).

К сожалению, немногочисленность случаев употребления данного термина, а также сложность в его толковании не позволяют установить точное значение *skálkr* в древнеисландском языке. Обычно оно реконструируется с учетом данных других древних германских языков как «слуга».

Анализ письменных источников исследуемых языков позволил выявить следующие семы. Во-первых, «слуга, зависимый человек, тот, кто выполняет поручения своего хозяина». Во-вторых, «воин, защитник, охранник». В-третьих, «чужестранец, тот, кто прибыл из-за моря, моряк». Таким образом, для прагерманской языковой общности реконструируется следующее значение **skalko-z* как «человек, воин, занимающий подчиненное положение, возможно чужой». Однако данные письменных памятников древних германских языков не объясняют выбор именно этого слова для обозначения базового термина института свободных и зависимых людей у древних германцев. Для решения этой проблемы следует обратиться к другим источникам.

Предположительно прагерманское слово **skalko-z* могло быть заимствовано из другого, не обязательно индоевропейского, языка. Такое положение вполне возможно, так как зачастую у индоевропейцев зависимый человек, раб – это чужестранец, враг, захваченный на войне или проданный как военная добыча. Понятно, что при таких условиях он приравнивается к чужому, пришельцу и часто в качестве имени получал название местности или племени. Достоверность такого предположения подтверждается присутствием семы «чужестранец, прибывший из-за моря» в нашем исследовании. Типологически, подобное происхождение подтверждается наличием в современном французском языке слова *esclave* «раб, рабыня», которое произошло от названия славян *Slaves* [Бенвенист 1995: 236]. Подобным образом возник древнеиндийский термин *dāsa-*, который в «Ригведе» наряду со значением «раб», «слуга» сохраняет более древние значения «демон», «враждебный людям», «варвар, принадлежащий к чужому племени», «чужеземец» [Гамкрелидзе, Иванов 1998: 479].

В лингвистике существует несколько точек зрения на происхождение **skalko-z*, так как этимологическая неясность данного слова не позволяет однозначно реконструировать его первичное значение (см. [Фасмер 2003, 4: 257]). Наиболее распространенной является возведение **skalko-z* к и.-е. корню **skel-/kel-* «резать/бить» со значением «отрезанный, отщепленный» [Левицкий 1997: 109]. Интерес для нашего исследования представляет сопоставление **skalko-z* с прасл. **cholpъ*, предположительно восходящего к тому же и.-е. корню. Ср.: русск. *холоп*, польск. ист. *chłop* «холоп», «мужик», «парень»; чеш. *chlap* «раб», «крепкий парень»; словен. *chlapec* «батрак», «работник»; словац. *chlap* «мужчина», «деревенский парень» [Черных 1999: 348]. А.И. Соболевский связывал это слово по корню с др.-рус. прил. *холостъ* (ст.-сл. *хластъ*) – «безбрачный» и высказал предположение, что *холоп* первоначально значило «кастрированный раб» [РФВ 1879, 71: 444]. Значение «кастрированный» было нами обнаружено в «Саге о Боси и Херрауде» (см. пример выше), где *Skálkr* – евнух (*gelding*) следует за дочерью короля.

По мнению О.Н. Трубачева, к слав. **cholpъ*, очевидно, примыкают материально близкие слав. **xolstъ*, русск. *холостой*, **xolkъ* «кастрированный, бесплодный», ст.-слав. *неклака* «беременная». Однако кроме видимой материальной близости и частичных семантических соприкосновений, их объединяет общая «невыясненность этимологии корня» [Трубачев 2006: 187]. В значительной степени трудности, стоящие перед этимологией, объясняются наличием *x* в начальной позиции, что является предметом споров между лингвистами.

Несмотря на различные взгляды на этимологию слав. **cholpъ*, анализ значений восходящих к нему славянских слов позволяет выявить сему «молодой», «мальчик». Ср.: польск. *chłopiec*, болг. *хлáпe* «мальчик», польск. ист. *chłop* «холоп», «мужик», «парень»; чеш. *chlap* «раб», «крепкий парень»; словац. *chlap* «мужчина», «деревенский парень». По мнению О.Н. Трубачева, это слово определенным образом связано с названиями малолетних детей и терминами родства [Трубачев 2006: 187].

Возьмем на себя смелость предположить, что и прагерманское **skalko-z* первоначально могло обозначать молодого мужчину, холостяка. Необходимо отметить, что в индоевропейской традиции не существует общего названия для холостяков [Шрадер 2003: 149], в каждом языке оно имеет свои истоки. Использования **skalko-z* в этом значении вполне возможно. Во-первых, реконструированная нами сема «воин, защитник» объясняется тем, что германские воины не женились, пока не достигали пика своей физической силы и не доказывали свою отвагу на поле боя [Тодд 2005: 43]. Во-вторых, сема «слуга» указывает на зависимое положение несовершеннолетних германцев, так как до женитьбы они продолжали оставаться юнцами. Мироизречение древнего германца было проникнуто осознанием необходимости брака. Брачные узы были для него священны, «а бездетность у них совсем не в чести» [Тацит 1993: 346]. Для того чтобы занять видное положение в обществе, германцу необходимо было не только проявить силу и отвагу в битвах, но и быть достойным продолжателем своего рода.

В свете полученных данных возможны альтернативные интерпретации представленных выше примеров. Так, Беовульф мог называться *scealc*, потому что не был женат и не имел детей. В плавание, вероятно, уходили молодые неженатые воины, отсюда *scipum under scealcum*.

Подводя итоги всего вышесказанного можно заключить, что в период прагерманской языковой общности социальный институт свободных и зависимых людей находился в стадии формирования, так как термины **frija-*, **þewa-/þegna-* и **skalko-z* вероятнее всего отражали семейно-родовые отношения, чем базовые понятия исследуемого социального института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1995 – Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Гамкелидзе 1984 – Т.В. Гамкелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
- Левицкий 1997 – В.В. Левицкий. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. Черновцы, 1997.
- Маковский 2000 – М.М. Маковский. Мифопоэтические этюды // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
- МНМ 1994 – Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1994.
- Порциг 1964 – В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- РФВ 1879 – Русский филологический вестник. Т. 1–78. Варшава, 1879–1918.
- Тацит 1993 – К. Тацит. Сочинения: В 2 т. СПб., 1993.
- Тодд 2005 – М. Тодд. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005.
- Топорова 1996 – Т.В. Топорова. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Трубачев 2004 – О.Н. Трубачев. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: В 2 т. М., 2004.
- Трубачев 2006 – О.Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006.
- Фасмер 2003 – М.Р. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003.
- Черных 1999 – П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.
- Шрадер 2003 – О. Шрадер. Индоевропейцы. М., 2003.
- Balg 1889 – G.H. Balg. A comparative glossary of the Gothic language with special reference to English and German. London, 1889.
- Beuys 1980 – В. Beuys. Familienleben in Deutschland. Neue Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Hamburg, 1980.
- Härke 1997 – H. Härke. Early Anglo-Saxon social structure // The Anglo-Saxons from the migration period to the eighth century: An ethnographic perspective. San Marino, 1997.
- Kluge 1999 – F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1999.
- Peltered 1985 – D.A.E. Peltered. Slavery in Anglo-Saxon England // The Anglo-Saxons: synthesis and achievement. Wilfrid Laurier University Press, 1985.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. Д.В. СИЧИНАВА

СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЛИНГВИСТИКИ XIX–XXI ВЕКОВ. II. ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЕ ПОДХОДЫ*

1. ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Привлечением внимания к морфологической синонимии (и в том числе синонимии глагольных категорий) лингвистика конца XX века обязана значительному прогрессу в типологическом исследовании грамматических значений. Если структурализм (особенно дескриптивизм, пренебрегавший семантикой вообще) фактическиставил под сомнение возможность межъязыкового сопоставления схожих грамматических категорий и граммем, то начиная с 1970-х годов возможность обобщений в области семантики глагольных категорий была убедительно продемонстрирована в целом ряде работ, прежде всего в монографиях Бернарда Комри [Comrie 1976; 1985]; из отечественных работ нужно назвать прежде всего «К основаниям сопоставительной аспектологии» и «Очерки по аспектологии» Ю.С. Маслова [Маслов 1978/2004; 1984/2004]. В 1980-е годы получает также новое развитие так называемая теория грамматикализации, согласно которой грамматические показатели в языках мира диахронически восходят к лексическому материалу (а сама грамматикализация, соответственно, может быть определена как «процесс перехода от лексем к грамматическим формативам» [Lehmann 1982/1995: vii]). Об истории понятия грамматикализации (в том числе и в отечественных работах), о сущности этого процесса с семантической и синтаксической точек зрения, о спорах вокруг частных теоретических вопросов и о критике теории грамматикализации ныне и на русском имеется хороший и подробный обзорный очерк в [Майсак 2005: 23–82]. Далее мы обсуждаем по возможности кратко лишь то, что в рамках этой теории имеет непосредственное отношение к нашей проблематике – к синхронному сосуществованию грамматических форм с близкой и тождественной семантикой.

Элементы такого подхода имеются уже в доструктуралистском языкоznании (а также в лингвистике более позднего периода, развивавшейся вне структуралистских школ). Они представлены, в частности, в работах таких классиков лингвистики, как В. фон Гумбольдт, А. Мейс (предложивший сам термин «грамматикализация» [Meillet 1912: 131, 133] и определивший ее как «переход от автономного слова к грамматическому элементу»), систематически апеллировавший к грамматикализации при исследовании индоевропейского материала Е. Курилович. В отечественном языкоznании одним из первых о «грамматизации» писал (используя этот термин) акад. В.М. Жирмунский. В ра-

* Начало статьи см. ВЯ. 2008. № 3.

боте [Жирмунский 1963/1976: 88]¹ дается такое определение «грамматикализации»: она «представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического (предметного) значения, которое первоначально имело служебное слово»; с этой точки зрения анализируются (как «более» или «менее» грамматикализованные) аналитические конструкции европейских языков. Результаты его работ по грамматикализации были опубликованы и на Западе [Žirmunskij 1966] и повлияли на дальнейшие исследования в этой области (ср. [Lehmann 1982/1995: 5–6 et passim]); о проблематике грамматикализации в работах советских лингвистов 1960–1980-х годов (В.Н. Ярцевой, В.Г. Гака, Б.А. Серебренникова и др.) см. в [Майсак 2005: 30–36].

На новый уровень данная проблематика выведена в серии работ, из которой наиболее значительны монографии [Lehmann 1982/1995; Heine et al. 1991; Horpeter, Traugott 1993; Bybee et al. 1994]. В рамках теории грамматикализации П. Хоппером было предложено понятие «наслаждения» («layering»)² – это синхронное сосуществование в языке морфологических единиц, принадлежащих различным этапам грамматикализации, и/или единиц с близкими значениями, возникших параллельно; данная метафора уже существовала в лингвистике (см. подробнее следующий раздел), однако обычно не связывалась с идеей грамматикализации лексических показателей.

Принципиальными для создания новой научной парадигмы стали предпринятые независимо, с привлечением разных методик, типологические исследования [Bybee 1985] и [Dahl 1985], давшие ряд принципиально сходных обобщений относительно корреляции семантики и морфологического устройства; авторы этих исследований выступили с совместной статьей [Bybee, Dahl 1989], в которой представили также и более подробные обобщения относительно диахронической судьбы видо-временных систем. Было, в частности, установлено, что аналогичные видо-временные формы в разных языках образуются путем независимого, типологически устойчивого развития из различного рода лексических источников. В процессе исследований, с одной стороны, Дж. Байби и ее соавторов, а с другой стороны, Э. Даля, подтвердилась возможность развития в одном и том же языке нескольких грамматических показателей одного и того же типа, принципиально близкая независимой грамматикализации лексем в различных языках. Принцип «наслаждения», предложенный Хоппером, включен в понятийный аппарат обобщающей работы [Bybee et al. 1994].

2. «ВАРИАТИВНОСТЬ» И «НАСЛАДЖЕНИЕ» КАК ФАКТОРЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: РАБОТЫ ЛЕМАНА, ХОППЕРА И ТРАУГОТА

Уже в работе Х. Лемана [Lehmann 1982/1995] обсуждается проблема сосуществования конкурирующих форм в процессе грамматикализации, которая, как отмечает исследователь, ведет к резкому ограничению пространства возможностей выбора средств выражения, к превращению открытых лексических классов в замкнутые парадигмы (так называемые «парадигматизации» [Lehmann 1982/1995: 120]). Подход Лемана к данному явлению сохраняет структуралистские черты: так, возникающая при грамматикализации вариативность, по его мнению, самоустраниется: «Потеря семантических различий в пределах парадигмы может означать, что формы, ранее противопоставленные друг другу, становятся вариантами. Иногда один вариант не совершенно изгоняет другой из языка, но один из них становится закрепленным за одними лексемами, а другой за другими» [Там же]. К диахроническим следствиям конкуренции двух вариантов автор

¹ Здесь и далее цит. по последнему изданию.

² Термин «layering», употребительный в теории грамматикализации, не следует смешивать с термином «layering», употребительным в нидерландской школе функциональной грамматики: так, в [Dik 1997] говорится о «слоевой структуре простого предложения» (*layered structure of the clause*), где под «слоями», «layers», разумеются различные компоненты предложения («грамматические и лексические модификаторы»), уровни его структуры.

относит алломорфию (которую понимает дескриптивистски, как дополнительное распределение синонимичных морфем) и супплетивизм.

Среди критериев грамматикализации (и степени «грамматикализованности» той или иной морфемы) Х. Леман выделяет «парадигматическую вариативность». Она определяется им как «свобода, с которой говорящий выбирает некоторый знак» [Там же: 123]. Существует два типа такого выбора – между двумя различными элементами некоторой парадигмы («интрапарадигматическая вариативность») и между выраженностю и невыраженностю того или иного грамматического значения («транспарарадигматическая вариативность»). Однако Леман подчеркивает, что среди явлений, связанных с интрапарадигматической вариативностью, «интерес для нас представляют не свободное варьирование, а выбор между альтернативами, между которыми имеется противопоставление. Свободное варьирование не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не коррелирует вообще ни с чем, поскольку оно в принципе несистемно. Выбор же между противопоставленными членами парадигмы диктуется грамматикой в той степени, в которой вся данная парадигма грамматикализована. Тем самым по мере усиления грамматикализации интрапарадигматическая вариативность уменьшается» [Там же]. Здесь также очевидны следы структуралистского подхода; интерес представляют и доступны объяснению только системные факты, которые могут быть представлены в виде оппозиции; свободное же варьирование представляет собой языковой хаос, который не может быть сопоставлен ни с каким иным релевантным лингвистическим параметром (а, следовательно, невозможны и связанные с ним типологические обобщения).

Решающий шаг в сторону постструктуралристской трактовки синонимии грамматических форм сделан П.Дж. Хоппером. Феномен синхронного сосуществования диахронически «старых» и «новых» форм, а также сосуществования образовавшихся параллельно форм с близкой дистрибуцией выделен как важный и неотъемлемый фактор грамматикализации в статье [Hopper 1991]; там же для этого явления был предложен получивший распространение в англоязычной лингвистике термин «layering», букв. «наслаждение»³.

Собственно, данный общеязыковой принцип и данная метафора (восходящая к популярной в XIX веке «естественно-научной», конкретнее – «геологической» модели языка) не являются, конечно же, ни в коей мере изобретением Хоппера: о «слоях языка» – элементах, возникших в разное время и сосуществующих в синхронном состоянии – лингвисты писали на протяжении всего столетия, предшествовавшего расцвету теории грамматикализации. Уже у И.А. Бодуэна де Куртенэ, за 120 лет до цитируемой работы, мы находим следующее положение, выступающее частью «принципа генетической объективности»: «Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963: 67], а в связи с исследованием речи пациента-афатика Бодуэн говорит: «Как и во всех языках, как вообще во всем, что развивается, в языке В. М-го можно различить наследия, возникшие в разные периоды времени» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963:

³ Вообще говоря, он отнюдь не общепринят даже в основных работах по грамматикализации, хотя и используется в значительном числе статей, ориентирующихся на теоретический подход Хоппера, Траугот и особенно книги [Bybee et al. 1994]. Не употребляет термина «layering» Э. Даль (неоднократно обсуждающий данную проблематику под другими названиями, особенно в [Dahl 2004]); М. Хаспельмат предпочитает термин «множественная грамматикализация» (см. конец этого раздела), не апеллируют к «наслаждению» и работы Б. Хайне и соавторов.

145]. Э. Бенвенист, обсуждая синонимию французских глагольных форм, замечает: «Задача состоит, таким образом, в том, чтобы найти в синхронной картине глагольной системы современного французского языка отношения, связывающие различные временные формы. Истинная природа искомых связей приоткрывается в том месте, где, как на горном склоне, глубинные слои выходят на поверхность. Существует точка, в которой система становится непозволительно избыточной; это временное выражение “прошедшего”, располагающее двумя формами» и т. п. [Бенвенист 1959/1974: 271]. Заслуга Хоппера заключается скорее в том, что данный принцип поставлен им в непосредственную связь с теорией грамматикализации и оторван от господствовавшего в структуралистский период требования непременного поиска структурных оппозиций между элементами сосуществующих слоев. Специфическая роль наслаждания, универсального в принципе свойства языка, для принципов грамматикализации сформулирована сотрудницей и соавтором Хоппера, Э.К. Траугот: «Насаждение важно для грамматикализации в том смысле, что оно позволяет исследователю: а) допускать на ранних этапах языка полисемию, а не омонимию (даже если конструкция *be going to* уже не полисемична, оказывается, что она была таковой на протяжении раннего новоанглийского периода), б) признать, что некоторые показатели, имеющие разные функции в разных контекстах, исторически родственные» [Traugott 2001: 5]. Как увидим, важность данного принципа в контексте эволюции грамматических показателей отнюдь не сводится к этим двум положениям.

Примечательно, что в указанной статье [Horger 1991], где перечисляется пять принципов грамматикализации, принцип «наслаждения» занимает первое место среди них. Он сформулирован следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми слоями» [Там же: 22].

Из дальнейшего следует, что речь идет о полной синонимии и квазисинонимии способов выражения в грамматике: «Принцип наслаждения отсылает к тому капитальному факту, что очень часто в некотором языке существует более одного способа выражения (*technique*) схожих или даже синонимичных функций» [Там же: 23]. Упоминаются и различные степени дополнительной дифференциации этих вариантов, причем учитываются не только семантические, но и социолингвистические параметры: «Они могут ограничиться отдельными лексическими единицами, особенностями классами конструкций или социолингвистическими регистрами; они могут иметь незначительно разные значения или попросту признаваться “стилистическими вариантами”» [Там же]. Указывается здесь и на то, что данная ситуация не обязана быть ограничена незначительным «переходным периодом»: «Иногда наслаждение представляет лишь переход от одного способа выражения к другому, но оно может быть также вполне устойчивым» [Там же].

В качестве иллюстрации этого феномена Хоппер приводит фрагмент системы видовременных показателей английского глагола [Там же], аналогичный список также в [Horger, Traugott 1993: 125]. Здесь можно выделить несколько различных типов «наслаждения» показателей. К «разнообразию форм и конструкций» Хоппер относит, в частности, дополнительно распределенные полностью синонимичные показатели, которые, например, в традиции дескриптивизма считались бы алломорфами одной морфемы (маркирующие Past Indefinite перегласовка корня вида *take-took* и регулярное окончание правильных глаголов *-ed: look-looked*). Список включает и выражающие близкие значения, но дополнительно никак не распределенные грамматикализованные конструкции, как общего (*keep V-ing – keep on V-ing*), так и различного происхождения (*be -ing – keep -ing*). К примерам «наслаждения» в глагольной системе в [Horger, Traugott 1993] также отнесено аналитическое будущее (вида *cantare habet*) в поздней латыни, существовавшее сравнительно долго со старым синтетическим футурумом (*cantabit*). Отмечено, что и в английском языке «особенно богато представлены... оттенки “будущего времени”» [Horger 1991: 23]: конструкции с *will, be going + to, be -ing, be to* и *be about + to*. Важное обобщение здесь делается не только относительно семантики форм, подверженных

«наслаиванию», но и относительно их структуры: «все формы, входящие в последние две группы (аналитические видовые формы и формы будущего времени. – Д.С.), используют перифрастические конструкции, что свойственно самому недавнему слою грамматикализации». Кроме того, «необязательно, чтобы все слои диахронически отличались один от другого»: в качестве примера приводятся конструкции со значением будущего времени *to be + to* и *will + инфинитив*, которые обе существовали в древнеанглийском (и возникли приблизительно одновременно).

Автор делает следующий вывод, полемичный по отношению к структурализму: «Подобное загромождение (*cluttering*) грамматики функционально схожими конструкциями, которое, возможно, на протяжении долгого времени наследуются из предыдущих состояний языка и даже создаются заново, непросто примирить с представлением о языке как о гомогенном, четко выстроенным и разграниченном объекте» [Hopper 1991: 24].

Дополнительный, более подробный анализ «наслаивания» предпринят П. Хоппером в его совместной с Э.К. Траугот книге [Hopper, Traugott 1993]. Объем этого понятия, как будет видно из дальнейшего, несколько шире, чем рассматриваемое в настоящей работе явление синонимии грамматических показателей. Определение интересующего нас понятия дается следующим образом: «Сохранение более старых форм и значений наряду с более новыми вызывает в любом синхронном срезе эффект, который можно назвать «наслаиванием» или «вариативностью» (*variability*)» [Hopper, Traugott 1993: 124]. «Наслаивание – это синхронный результат последовательной грамматикализации форм, принадлежащих к одной и той же [функциональной] области. В любом отдельно взятом языке в пределах одной функциональной области имеются значительные синхронные разнообразия» [Там же: 125].

К «наиболее очевидным» случаям наslaивания Хоппер и Траугот относят случаи, когда «сосуществуют полная и редуцированная форма, родственные формально и лишь минимально дифференцированные семантически». Кроме того, может существовать «разнообразие форм и конструкций, выполняющих похожие, хотя и не идентичные, функции» [Там же].

Кроме того, к феномену «наслаивания», согласно Хопперу и Траугот, относится и период сосуществования языковых единиц в процессе диахронического перехода от одной единицы к другой. Сформулированные авторами принципы затрагивают не только проблематику грамматикализации, но и принципы языковой эволюции (диахроническую лингвистику) вообще:

«Старые и новые формы сосуществуют, как с точки зрения отдельных говорящих, так и с точки зрения языкового коллектива, на протяжении времени. По-видимому, А может “стать” В только после промежуточной стадии, в продолжение которой А и В сосуществуют:

$$A > \left\{ \begin{matrix} B \\ A \end{matrix} \right\} > B$$

Подобное сосуществование... может продолжаться на протяжении нескольких сот лет, как в случае показателя *bé* в языке эве или английской конструкции *be going to*. Но оно может быть и очень кратким, как в случае среднеанглийских регрессивных глаголов *stint* и *fin* (примерно означавших ‘бросить делать что-л.’, ‘прекратить делать что-л.’), которые прошли быстрое развитие и быстро вышли из употребления» [Hopper, Traugott 1993: 125].

В этом случае, как ясно из примеров, на которые ссылаются Хоппер и Траугот, – выше они подробно разбирают оба эти случая, – под «наслаиванием» имеется в виду не синонимия нескольких показателей, а именно диахронически обусловленная полисемия одного и того же морфологического материала, который сохраняет и старое лексическое (эве *bé* ‘говорить’, англ. *be going to* ‘идти (прогрессив)’), и новое морфологическое (показатель зависимой предикации *bé* в эве, показатель проспектива *be going to* в ан-

глийском). Вместе с тем для показателей зависимой предикации в эве (и ряде других языков ква) характерна, как упоминается в той же работе [Там же: 126], также и синхронная синонимия, связанная с различными путями грамматикализации⁴.

Кроме того, обсуждаемый феномен в понимании Хоппера и Траугот относится не только к морфологии, но и к некоторым синтаксическим явлениям, граничным с морфологией. Таковы, помимо только что упомянутых синонимичных подчинительных союзов в языке эве, также альтернативные – финитная и нефинитная – стратегии кодирования сентенциального актанта в эстонском (тип соотношения, известный очень многим языкам, вида *слуга, подметающий комнату vs. слуга, который подметает комнату*) [Там же: 125–126].

Процесс смены «старого» «новым» представлен авторами так: «В обычном случае грамматикализация не приводит к заполнению какой бы то ни было очевидной функциональной лакуны. Напротив, грамматикализовавшиеся формы конкурируют с уже существующими конструкциями, настолько близкими к ним по функции, что едва ли можно рассматривать объяснение, апеллирующее к «заполнению лакуны» – никакой очевидной лакуны, которую надо было бы заполнить, просто нет... В продолжение любой фазы сосуществования форм существуют некоторые контексты, в которых оба (или все, если их более двух) рассматриваемых типа проявляют четкое прагматическое различие. Часто бывает так, что одна из конкурирующих форм начинает преобладать, и, возможно, ее набор значений включает в себя значения вытесняемых ею форм. Таким образом, исторически преемственные сообщества говорящих на протяжении долгого времени могут поддерживать, путем постоянного обновления форм, некоторую грамматическую категорию – такую, как будущее время, – в то время как в другом сообществе говорящих эта категория так никогда и не появляется» [Там же: 126]. Ср. также краткую формулировку в обзорной статье [Horrege 1996: 230]: «Грамматикализация осуществляется не посредством устранения старых форм и заменой их на новые, но путем заполнения <семантического поля> весьма тонко дифференцированными формами, которые все имеют приблизительно одно и то же значение».

Разумеется, принцип «наслаивания» в понимании Хоппера и Траугот не ограничивается исключительно историей грамматических категорий; здесь можно сослаться на статью одного из соавторов, где она указывает: «Наслаивание – это феномен, связанный со всяким изменением, фонологическим, морфосинтаксическим или семантическим (это попросту принцип вариативности, а в семантике – принцип полисемии); следовательно, в нем нет ничего специфически свойственного однонаправленности <как свойству грамматикализации>» [Traugott 2001: 4].

Одна из синонимичных форм может вытеснить остальные или оттеснить их на маркированную периферию; этот процесс авторы называют «специализацией». «Специализация – процесс сокращения пространства возможностей для выбора грамматической формы, по мере того как значения форм все более и более обобщаются» [Horrege, Traugott 1993: 116].

В качестве примера специализации в [Horrege 1991: 26–27] и [Horrege, Traugott 1993: 116] приводится история показателей отрицания во французском языке. В старофранцузском существовал ряд грамматикализованных показателей «второго» отрицания (употребляющихся после глагола, первоначально как усилитель препозитивного отрицания *ne*, затем обязательно): *pas* ‘шаг’, *point* ‘точка’, *mie* ‘крошка’, *gote* > *goutte* ‘ капелька’, *areste* > *arête* ‘рыбья кость’, *amende* > *amande* ‘миндаль, ядро ореха’ и несколько других; к настоящему времени сохранились только отрицания *pas* и *point*, из которых *pas* нейтрально, а *point* эмфатически маркировано (‘отнюдь’, ‘ничуть’), а также не упо-

⁴ Феномен активного «наслаивания» нескольких конкурирующих грамматических показателей неоднократно описывался в языках группы ква (семья нигер-конго): ср. анализ синонимии результативно-посессивных конструкций эве в [Heine 1997: 130 и сл.], наличие нескольких форм плюсквамперфекта в акан [Dahl 1985].

минаемое нашими авторами *guère* ‘не очень, немного’ (первоначально ‘много’, ‘очень’ без отрицания).

Учитывая феномен «наслаивания», авторы указывают, что «специализация не обязательно влечет за собой устранение альтернатив, но может выражаться просто как текстуальное предпочтение, обусловленное семантическими типами, социолингвистическим контекстом, жанром дискурса и другими факторами» [Hopper, Traugott 1993: 116].

Следует снова отметить, что принцип языкового изменения, согласно которому «новое» не в одночасье приходит на смену «старому», а некоторое время (возможно, долгое) существует и конкурирует с ним, – неоднократно высказывался в языкоznании досструктуралистского периода, ориентированном прежде всего на диахронию; напомним, что и сам термин «грамматикализация» возник в рамках этой же традиции (в работах А. Мейе). Мы уже указывали на аналогичные суждения И.А. Бодуэна де Куртенэ; понятие «специализации» заимствовано Хоппером и Траугот, как они и сами указывают, из работ выдающегося французского лингвиста, основателя семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины, М. Бреала.

В качестве же параллели к представлению о языковых изменениях в теории грамматикализации можно привести, например, взгляды на «морфологические» (морфосинтаксические) изменения в языке швейцарского лингвиста начала XX в. А. Сеше. В начале своей научной деятельности – историк языка, впоследствии Сеше стал одним из основателей синхронистического структурализма (и одним из двух «редакторов»-соавторов «Курса общей лингвистики», изданного под именем Ф. де Соссюра). Его книга «Программа и методы теоретической лингвистики» [Sechehaye 1908], наряду с некоторыми идеями, получившими впоследствии развитие в структурализме, содержала и важные наблюдения относительно сущности языковых изменений («эволютивной лингвистики»). Некоторые пассажи из этой работы прямо перекликаются с тем, что мы находим у современных авторов, работающих в рамках теории грамматикализации.

Полемизируя – так же, как и Хоппер и Траугот 85 лет спустя – с теорией, согласно которой морфологические изменения «заполняют лакуну» в языке, Сеше говорит: «Можно ли представить себе, что имеется в виду, когда говорят, что язык якобы создает новый способ выражения для замены им другого, вышедшего из употребления? Это предполагает идею лакуны, которую оставило нечто существовавшее и больше не существующее, и обдуманный поиск средств, чтобы эту лакуну заполнить – и то и другое явно противоречит психологическому правдоподобию» [Сеше 2003: 147].

Далее этот тезис развивается на конкретном примере: «Утверждают, что закон падения конечных безударных слогов вызвал в романских языках исчезновение падежных окончаний имени, и что это привело к созданию новых синтаксических средств: употребления определенных предлогов и фиксированного порядка подлежащего и дополнений относительно глагола. Но что касается употребления предлогов, вся кому известно, что оно существовало гораздо ранее падения окончаний. Предлоги уже употреблялись в классической латыни, и их использование сочеталось с использованием падежей; лишь в народной латыни употребление тех предлогов, которым предстояло заменить падежи, становилось мало-помалу регулярным. [...] Из этого следует, что словоизменение еще существовало как формальная система, однако его роль была сведена к достаточно бесполезному дублированию предлога, который сам по себе четко выражал падежное отношение. [...] Задолго до того, как исчезло само воспоминание о различных косвенных падежах латинского языка, их собственное значение было утрачено. Их роль всецело переняли предлоги, и именно ненужность падежей, представлявших собой избыточное усложнение грамматики, и повлекла их исчезновение. [...] Разумеется, это явление доступно нашему прямому наблюдению лишь в письменном языке, но это не ставит под сомнение наш вывод о том, что в тот момент, когда склонение исчезло, его заменитель уже был найден» [Сеше 2003: 147–149].

Здесь идет речь именно о длительном периоде конкуренции двух синонимичных конструкций, а языковое изменение трактуется как отказ от старой конструкции, которая

становится избыточной. Таким образом, теоретические обобщения, выявленные еще традиционным историческим языкознанием, сохраняют свою силу и в рамках теории грамматикализации. В 2004 г. Э. Даль в своей книге «Рост и поддержание языковой сложности» возвращается к проблематике языковых изменений и, в частности, к аргументации Хоппера и Траугот против «идеи лакуны»; здесь мы видим даже в точности тот же самый пример, что и у Сеше сто лет назад: «В литературе распространение новой конструкции или формы часто связывают с коммуникативными потребностями говорящего. При этом часто утверждается, что старая конструкция уходит со сцены до того, как является новая: например, падежные окончания исчезают и вместо них должны появиться предлоги... Прежде всего, если конструкции, о которых идет речь, действительно нужны для коммуникации, как же говорящие на этом языке обходятся без них в промежуточный период?» [Dahl 2004: 125].

В более ранней работе, чем обсуждаемая книга Даля, М. Хаспельмат [Haspelmath 2000] также подробно критикует «теорию лакун» и, в частности, обсуждает феномен «наслаждения» (в статье используется термин «множественная грамматикализация», *multiple grammaticalization*) как контрапункт против такого подхода, причем приводит и примечательные положения общетеоретического характера. «Лингвисты нередко думают о грамматических элементах как о членах множества неизменных платоновских идей, которые язык может выражать либо не выражать. Но такой подход не только не оправдывает необычайно четкие различия между похожими категориями в разных языках, но и не объясняет, почему грамматикализация постоянно создает конструкции, более старое средство выражения которых уже существует в том же языке и не проявляет признаков вымирания» [Там же: 792]. В качестве примеров приводятся, в частности, старые и новые формы будущего в английском и французском, аорист и имперфект, существующий с перфективом и имперфективом в болгарском, а также старые и новые согласовательные показатели в итальянских диалектах. Все эти случаи показывают, что нормальным механизмом смены моделей является их конкуренция, а не период «междуречия», когда старое средство выражения пропало, например, вследствие фонетической редукции (как предполагали и оппоненты Сеше, и оппоненты Хаспельмата), а новое средство выражения еще не отыскалось.

Теоретические исследования 1980-х годов, исходной точкой которых послужила диахроническая эволюция, создающая грамматические показатели, – получили решительную поддержку в исследованиях, исходной точкой которой послужила синхронная типология глагольных систем.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Теоретические принципы грамматической типологии, независимо (с использованием разных методик) выработанные в монографиях [Dahl 1985] и [Bybee 1985], а затем развитые в совместной статье этих авторов [Bybee, Dahl 1989] и книге [Bybee et al. 1994], названы одним из них «подход Байби–Даля» («B&D approach», [Dahl 2000: 6–8]). Согласно Э. Даля, данный подход «отличается от большинства других исследований времени и аспекта тем, что в качестве основных единиц описания выступают не “категория времени” и “категория аспекта”, а то, что мы называем грамматическими показателями (*grams*), то есть такие явления, как прогрессив в английском, *passé simple* во французском и т.п.» [Там же: 7]. «Как правило, грамматические показатели, которые традиционно были бы отнесены к одной и той же категории, ведут себя совершенно различным образом в зависимости от того, каким образом они выражены в языке» [Там же].

Другим важным понятием, используемым при данном подходе, является «тип грамматического показателя в языках мира» (*crosslinguistic gram type*), который, однако, не представляет собой элемента некоторого абсолютированного универсального «алфавита грамматических показателей», но, скорее, статистически наиболее вероятные области в пространстве «грамматических возможностей» [Там же]. Здесь демонстрируется также и связь «подхода Байби–Даля» с теорией грамматикализации: тип грамматиче-

ского показателя можно также рассматривать как «стабильные участки на пути развития, которые показатели проходят в процессе грамматикализации» [Там же].

Проблема синонимии грамматических категорий входит в число теоретических проблем, затронутых уже в работе [Dahl 1985], одной из основополагающих в рамках данного подхода. В число методологических установок своего исследования, проводившегося при помощи специально разработанных анкет, Э. Даль включает требование поверхностного анализа (*superficiality*): «Действительно, мы старались сделать наш анализ как можно более “поверхностным” в том смысле, что во всех случаях, когда перед нами при идентификации категорий стоял выбор между критерием значения и критерием выражения, мы выбирали последний. Иными словами, если две формы, как казалось, имели одну и ту же семантику, хотя и различались по выражению, мы предпочитали разделять их. Причиной этого было то, что отождествив две, на первый взгляд, семантически идентичные категории, мы могли в действительности скрыть различия, которые выявились бы по мере проведения более глубокого анализа. В качестве примера можно привести такие языки, как немецкий, где различные вспомогательные глаголы (*haben* и *sein*) используются при образовании перфекта от различных глаголов. Отождествить эти два типа перфекта – значило бы скрыть тот факт, что выбор между ними в действительности зависит от семантических критериев» [Dahl 1985: 46–47]. Здесь целью Даля является дополнительная дифференциация форм с одинаковым базовым значением (= квазисинонимов), в том числе и дополнительно распределенных⁵; однако такая методология исключает пропуск или намеренное игнорирование синонимических (как полностью, так и частично) форм глагольной парадигмы. И действительно, материал его исследования включает некоторое количество форм с одинаковым базовым значением – как дифференцированных, так и полностью синонимичных.

Следующими шагами в теоретическом осмыслении грамматических синонимов стала уже упоминавшаяся работа [Bybee, Dahl 1989] и посвященная грамматикализации глагольных форм монография [Bybee et al. 1994], где дополнительно подкреплены некоторые обобщения, полученные в первой из названных работ. Здесь указан важный теоретический принцип, согласно которому «теория грамматикализации в том виде, в каком мы ее здесь излагаем, предсказывает отсутствие корреляции между структурными и семантическими классами; действительно, если каждый показатель проходит путь развития в соответствии со своим изначальным значением, то он развивается независимо от других показателей» [Bybee, Dahl 1989: 61]. Таким образом, отвергается жесткая зависимость грамматической семантики от структурных отношений в рамках системы. На ряде примеров – две перфектные конструкции в германских языках, несколько показателей семантической зоны будущего в английском языке – формулируется принципиальное положение о том, что при конкуренции нескольких путей грамматикализации в одном и том же языке возможна «частичная конвергенция показателей из различных источников» [Там же: 96] – иными словами, несколько возникающих параллельно показателей в ходе семантического обобщения сближаются по значению и образуют несколько синонимичных форм (возможно, с дифференциацией или даже дополнительным распределением).

⁵ Заметим, что в действительности некоторые синонимичные формы с дополнительным распределением Даля все же исключает из своего анализа. Обсуждая проблемы установления соответствий между «ярлыками», приписываемыми тем или иным контекстам видо-временной анкеты, и «видо-временными категориями», автор указывает, что в некоторых случаях он вынужден был устранить из рассматриваемого материала одну из двух параллельных форм; парадоксальным образом речь идет в точности о том же примере, который обсуждался им выше: «Я обнаружил, что следует несколько модифицировать четкий принцип поверхностного анализа, упомянутый на с. 46: это касается языков, где имеется лексически обусловленный выбор между несколькими вспомогательными глаголами, маркирующими Перфект. Чтобы получить категории, более подходящие для типологического сравнения, я решил свести (reduce) их к одной категории для каждого языка» [Dahl 1985: 53].

Среди основных выводов статьи – «на одном этапе в одном и том же языке могут существовать грамматические показатели, близкие друг к другу семантически; например, не является необычным то, что некоторый язык имеет более одного показателя со значениями, связанными с будущим» [Там же: 96].

Специальный теоретический параграф посвящен обсуждаемому явлению в [Bybee et al. 1994: 8]. Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка принимают понятие «наслаждения» (layering), введенное П. Хоппером, и считают его одним из главных факторов эволюции морфологических систем. Более четко, чем в работе 1989 года, подчеркивается роль семантического обобщения в развитии синонимичных форм: «Грамматическим классам также свойственно дальнейшее сокращение объема. <...> Это заметно в таких случаях, как конкуренция в английском языке между *shall* и *will*, которые принадлежат к одному и тому же классу и выполняют схожие функции. В американском английском *will* в значительной части вытеснило *shall*. Подобное развитие представляется следствием семантического обобщения. Когда значение некоторого грамматического показателя обобщается, он становится допустимым в контекстах, где ранее, возможно, уже употреблялся другой показатель» [Bybee et al. 1994: 20]. Наиболее типичным следствием такого развития является квазисинонимия: «Действительно, особенно в таких областях, как выражение будущего времени и модальности, нередко случается множество грамматикализованных и грамматикализирующихся конструкций разного возраста и из разных источников, которые делят пересекающиеся зоны или ведут конкурентную борьбу за них» [Там же].

Несмотря на конкуренцию, ведущую к дополнительной дифференциации и/или конвергенции форм, глагольные системы с синонимией подобных форм являются достаточно устойчивыми. «Наши данные ясно показывают, что в одном языке может быть более одного грамматического показателя, представляющего один и тот же тип грамматических показателей, например, будущее. Английский язык, располагающий тремя будущими – *will*, *shall* и *going to* – с этой точки зрения скорее типичный, чем нетипичный пример» [Там же]. Байби и ее соавторы также указывают, что «развитие нового показателя не зависит от утери или изменения функции его предшественников, как часто предполагается при традиционном подходе к (языковым) изменениям» [Там же: 20]. Полная дифференциация таких пар совершенно не обязательна: «контрасты между грамматическими показателями могут и не представлять собой максимальные контрасты» [Там же: 174].

Естественным выводом из вышесказанного является утверждение принципиального сходства синонимических отношений, устанавливаемых на множестве грамматических показателей, с одной стороны, и единиц иных языковых уровней, с другой стороны. Это заставляет пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому система структурных различий является для грамматических значений – в отличие от всех прочих – фундаментальным характеризующим свойством (хотя тот очевидный факт, что грамматическим значениям в языках мира действительно присуща большая структурированность сравнительно с иными, под сомнение не ставится): «Подобное богатство множественных грамматических показателей напоминает то, каким образом референциальное пространство может делиться в данной области между кластерами лексических единиц, альтернативными фразовыми идиомами и даже альтернативными синтаксическими структурами; существование нескольких грамматикализаций на одном и том же пути и сохранение лексического содержимого предыдущих этапов – вот две причины, побуждающие нас рассматривать “систему” или “структуру” скорее как эпифеноменальную, чем основную по отношению к природе грамматической субстанции и выражения. <...> Теперь должно быть ясно, что мы выступаем не столько за исследование “структуры” выражения грамматических значений в языке, сколько за исследование того, каким образом в различных языках возникает грамматическое значение и выражение, что помогает понять свойства, внутренне присущие естественному языку» [Bybee et al. 1994: 20–21].

В практической части этой работы приводится – в различных разделах – несколько десятков пар (а иногда и троек, и четырех) синонимичных глагольных форм в языках

мира; базовое и дополнительное употребления грамматического показателя при этом разграничены, и указывается, какие дополнительные (вторичные) употребления развивает большинство рассматриваемых показателей. В случае совпадения базовых употреблений, при том, что дополнительные употребления расходятся, речь, в наших терминах, идет о квазисинонимии. Поскольку, однако, указанное исследование опирается не на анкетирование информантов, а на различные существующие описания, степень подробности, семантической ориентированности и адекватности которых может существенно варьировать, отсутствие указаний на распределение дополнительных значений той или иной пары форм еще не говорит об их полной синонимии; в этом случае осторожнее говорить также о квазисинонимии (см. выше). В связи с некоторыми типами грамматических показателей эксплицитно указывается, в частности, что для этих типов особо характерно наличие более одной соответствующей формы в одном и том же языке; кроме уже неоднократно обсуждавшегося будущего времени и родственных значений, отметим прогрессив [Bybee et al. 1994: 149] и перфект, не развивающий дополнительных значений, так называемый «молодой перфект» [Там же]; список показателей – [Там же: 65–66].

Важные теоретические утверждения, связанные с синхронным «наслаждением» грамматических показателей, образовавшихся из общего источника или принадлежащих к одному и тому же типу, содержатся в работе [Dahl 2000], представляющей собой введение к коллективной монографии «Время и вид в языках Европы» [Dahl (ed.) 2000].

В этой статье Э. Даль эксплицитно противопоставляет подход, основанный на грамматикализации, традиционному структуристскому подходу, опирающемуся на понятие морфемы и описывающему ее семантику в соответствии с противопоставлениями, существующими внутри данной системы. «Подход, базирующийся на грамматикализации, стремится прежде всего подчеркнуть существенное сходство – как в плане выражения, так и в плане содержания – между грамматическим материалом различных языков. Внутрисистемные отношения, характеризующие данный элемент, будут рассматриваться как вытекающие скорее из внутренних свойств данного элемента, чем из чего бы то ни было еще» [Dahl 2000: 13]. Следовательно, не всегда оказывается возможным и желательным установить жесткие противопоставления между членами системы: «Процесс грамматикализации обыкновенно приводит к положению дел, которое непросто поддается описанию в терминах бинарных оппозиций. Так, грамматические показатели проявляют тенденцию распространяться волнообразно и, метафорически говоря, догоняют друг друга на пути развития. Если и можно говорить об “оппозиции” между более старым и более молодым показателем на одном и том же пути грамматикализации, это скорее вторичный эффект позиции показателей относительно друг друга. Действительно, из-за многомерности процесса грамматикализации, в некоторых случаях нельзя установить системного семантического различия между двумя подобными показателями» [Там же].

Кроме того, в этой же статье вводится связанное с диахроническими последствиями синонимии глагольных показателей понятие «показателя-пончика» (*doughnut gram*)⁶ с «пустой серединой» – не имеющего прототипических (базовых) использований, которые уже заняты новым показателем. Подобные граммемы «достаточно частотны; они возникают в процессе грамматикализации в тех случаях, когда один или несколько показателей образуются из одного и того же источника в различный период. Центральные значения старшей граммемы захватываются младшей, однако периферия ее сохраняется на некоторое время. Типичный случай – прогрессивы, превращающиеся в имперфективы и затем уступающие прежнюю свою территорию для образования новых прогрессивов. В результате возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда прогрессив уже не имеет употреблений, свойственных для прогрессива» [Dahl 2000: 10]. Грамматические показатели, согласно Э. Далю, представляют собой частный случай

⁶ Данная метафора взята Далем из работы [Kemmet 1993].

т.н. остаточных показателей (*residual grams*), «семантическая область которых сокращена вследствие вторжения некоторого другого показателя». Нередко подобные показатели формируют заново базовое значение взамен утраченного: «то, что в прежней ситуации было вторичным употреблением, становится первичным» [Там же].

В отечественной лингвистике с точки зрения теоретического осмыслиения грамматической синонимии можно отметить, в частности, анализ синонимии нескольких форм будущего времени в багвалинском языке, предпринятый Т.А. Майсаком и С.Г. Татевосовым и сформулированные в этой связи теоретические положения [Майсак, Татевосов 2001], опирающиеся на «подход Байби–Даля». Авторы отмечают, что «в рамках структуралистского подхода к грамматическому значению ожидается, что... образующие систему единицы стремятся к максимальному контрасту и что всегда существует хотя бы один диагностический контекст, который позволяет выявить этот контраст. Обнаружения языковых данных, подобных будущим временам в багвалинском языке, в рамках этой системы допущений о свойствах грамматического значения не ожидается» [Там же: 286]. Подчеркивается, что система допущений, принятая в теории грамматикализации, напротив, «не вводит ограничений на дистрибуцию категорий, “обслуживающих” одну и ту же семантическую область, и появление единиц с пересекающейся или даже совпадающей дистрибуцией не является неожиданным» [Там же]. Авторы формулируют также типологические закономерности (отчасти эти формулировки восходят к цитировавшимся выше работам) относительно того, какие глагольные формы чаще других вступают в синонимические отношения: «разные области грамматического значения в разной степени склонны к появлению синонимичных частно-языковых категорий. Интенсивная синонимия в сфере глагольных значений наблюдается в первую очередь среди категорий, выражающих модальность и временную референцию к будущему. Наоборот, категории, ассоциированные с временной референцией к прошлому, в большей степени склонны к формированию семантических контрастов» [Там же].

Таким образом, фундаментальные исследования, предпринятые в рамках грамматической типологии, особо выделяют грамматическую синонимию как одно из основных явлений, релевантных для изучения видо-временных значений в языках мира с теоретической точки зрения; в рамках этих исследований уже накоплен и значительный фактический материал, отражающий корреляции между явлением грамматической синонимии и определенным типом показателей, синхронные и диахронические свойства таких пар и т.п.

4. «КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ» В ТЕОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ СЛОЖНОСТИ» ЭСТЕНА ДАЛЯ

Феномен сосуществования «старых» и «новых» грамматических форм со схожими значениями играет важную роль в концепции «языковой сложности», изложенной в недавней монографии Даля [Dahl 2004]⁷, которая представляет собой плод его двадцатилетних трудов. Данная работа достаточно подробно анализирует типологию этого явления и опирается на последние достижения (в том числе и самого автора) в области теории грамматикализации, однако учитывает и положения, сформулированные в рамках более ранних подходов (в том числе структуралистских). Соответствующий раздел книги Э. Даля – наиболее содержательное в существующей литературе обсуждение проблематики, рассматриваемой в настоящей работе.

Здесь рассматривается уже не просто эволюция конкретных грамматических форм, а становление и развитие всей грамматической системы языка, связанное с развитием и поддержанием информационной «сложности» языка. Под «сложностью» понимается нелинейное соответствие между планом выражения и планом содержания, включая и

⁷ В настоящее время в печати находится подготовленный нами русский перевод этой работы (Э. Даляр. Возникновение и сохранение языковой сложности).

наличие значительного числа обязательных (грамматических в понимании Якобсона) единиц, дублирующих информацию, уже выраженную в высказывании, а также разного рода нетривиальное устройство подобных единиц – «системная сложность»: различные типы словоизменения, несегментные единицы, многообразие моделей словообразования [Dahl 2004: 40–45 и сл.].

Положение дел, которое нарушается, в частности, синонимией и омонимией, но и языковой сложностью в целом – это так называемая «упорядоченность» (*order*), или максимальная информативность, при которой «каждая форма имеет только одно значение, и наоборот» [Dahl 2004: 19]; прямо противоположная ситуация – это «беспорядок» (*disorder*), или максимальная энтропия, где любая форма может иметь любое значение; «очевидно, что естественные языки располагаются где-то посередине», но в общем случае «порядок менее вероятен, чем беспорядок» [Там же: 20]. Каждая система содержит элементы как порядка, так и беспорядка, причем типологическим обобщениям более поддаются первые, нежели вторые, ибо пространство возможностей для упорядочивания, разумеется, гораздо меньше, чем для различного рода нарушений идеализированной ситуации; в этой связи Даль даже цитирует первое предложение из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого. Всякое изменение в языке, согласно Далю, так или иначе предполагает увеличение степени «беспорядка»; из этого можно сделать вывод, согласно которому переходные состояния языка «несчастливы» каждое «по-своему», и типологическое исследование едва ли может его затрагивать.

Синхронная синонимия грамматических единиц рассматривается как элемент диахронического процесса «созревания» (*maturity*) определенных грамматических паттернов (*patterns*). Периоду «распространения паттерна» (постепенному употреблению во все большем количестве контекстов и семантическому стиранию первоначального значения) сопутствует конкуренция существующих паттернов за определенную нишу (метафора, взятая из биологической теории эволюции, [Dahl 2004: 77–78]) в языке, заканчивающаяся рано или поздно – но не непременно рано – «упорядочением» («регуляцией») таких паттернов. Если некоторая языковая единица распространяет свою семантику на некоторое достаточно распространенное значение *X* – например, будущее время, – «в нормальном случае в языке уже имеется некоторый способ выражения той же пропозиции» [Там же: 120]. Исходным положением системы здесь является ситуация, в которой два паттерна *P1* и *P2* «синонимичны (по крайней мере с точки зрения условий истинности) за исключением того, что *P2* используется при некоторых ограниченных условиях» [Там же: 121–122]. Затем в ходе «распространения» паттерна *P2* он проходит «риторическую инфляцию» и перестает нести характерный для него оттенок информации; к числу примеров подобного изменения Даль относит, в частности, и эволюцию перфекта в сторону простого прошедшего – он теряет свойственную данной категории характеристику неопределенности времени события [Там же: 123].

В качестве особых условий появления синонимичных форм Даль указывает и принцип «выхода из положения» (*problem solving*); новый способ выражения возникает там, где старый по каким-либо морфологическим или синтаксическим причинам уже неприменим; хотя Даль и присоединяется к вековой критике давней гипотезы, согласно которой нововведения в языке «заполняют лакуну» ([Dahl 2004: 125], см. об этом также выше, раздел 2), он признает, что в известных случаях подобные факторы и имеют объяснительную силу. Например, в шведском языке аналитическая форма сравнительной степени образуется в основном от суффиксальных адъективов, в которых существующий суффикс «блокирует» добавление нового. В этой связи он вспоминает, между прочим, и радикально-структураллистский «блокирующий принцип» Эроноффа и последователей [Там же: 97, 126], рассматривая его на частном примере «запрета» на порождение неправильной глагольной формы в английском языке, если в языке уже имеется регулярная.

Итак, в языке увеличивается «варьирование» (*variation*) и уменьшается степень «упорядоченности»: рост употребительности одной и той же формы ведет к падению употребительности другой, равнодействующая с точки зрения системы здесь равна нулю (*zero-sum game*); однако на этом изменение не обязательно заканчивается. «Упорядочение паттернов ведет либо к совершенному исчезновению из данной ниши одного или не-

скольких более старых паттернов, либо установлению тотального или частичного разделения труда между новыми и старыми паттернами. Таким образом, варьирование ограничивается, а порядок увеличивается» [Dahl 2004: 120].

Даль особо выделяет важный принцип, согласно которому возможные диахронические последствия конкуренции в одной и той же нише двух разных грамматических паттернов могут привести к созданию новых границ внутри этой ниши, в результате чего, на первый взгляд, «на ровном месте» (*out of thin air*) появляются новые грамматические различия, а система продолжает усложняться [Там же: 120–121].

Выделяется, таким образом, три типа диахронического развития «конкуренции паттернов» в одной и той же нише [Там же: 128]:

- (1) стабильная ситуация свободного варьирования паттернов («ничего не меняется»);
- (2) «победа» нового паттерна, вытесняющего старые;
- (3) «перемирие» (*truce*), то есть разграничение в функциях между существующими паттернами.

Ситуация (1), однако, сравнительно редко представляет собой пример совершенно свободного выбора – как правило, употребление той или иной из конкурирующих форм определяется дополнительными стилистическими и прагматическими факторами, если не прямо денотативным элементом значения. «Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода; в случаях, когда выбор между конкурентами делается исходя из семантических факторов, это часто факторы очень тонкого и зыбкого (*elusive*) характера» [Dahl 2004: 129]. В качестве примера Даль приводит анализ способов выражения будущего времени в европейских языках и конкуренцию между перфектом и старым простым прошедшим как в тех языках, где последнее уже вытеснено новой формой, так и в тех, где указанные формы находятся в состоянии стабильного сосуществования.

Э. Даль подчеркивает, что подобные явления не вписываются в жестко структуралистский анализ: «Ситуации конкуренции, подобные упомянутым здесь, трудно соотнести со структуралистским идеалом системы четких оппозиций, “*où tout se tient*”⁸. Так, что касается способа маркирования будущего времени в романских языках, то, как кажется, нет однозначного семантического разграничения между синтетической формой и перифрастическими оборотами, хотя можно показать, что существует множество семантических факторов, влияющих на выбор между ними. Например, едва ли можно утверждать, что удаленность во времени – часть семантики синтетического будущего во французском языке, хотя, несомненно, есть тенденция употреблять его скорее для отдаленного, чем для близкого будущего» [Там же: 129–130]. Другой обсуждаемый пример подобной неопределенной ситуации – выбор между краткой и полной формой прилагательного в предикативной функции в русском языке – также определяется множеством семантических, грамматических и стилистических факторов. Характерная черта этих «многофакторных тенденций» (термин наши) – неустойчивость: «Только в том случае, когда два паттерна употребляются в одинаковой нише, выбор между ними может быть связан с семантическими и стилистическими эффектами. Поэтому такие эффекты достаточно неуловимы и нестабильны; они не существовали до того, как в нише появился новый паттерн, и если ему будет суждена дальнейшая экспансия и захват всей ниши, они исчезнут снова» [Dahl 2004: 131].

«Разграничение функций» между старым и новым паттерном может выражаться, в частности, в установлении четкой пограничной линии внутри множества лексем; таким образом, в часть лексем новый паттерн не проникает вовсе; на этой границе «процесс

⁸ Знаменитая краткая парадигма социорианского структурализма: «*chaque langue forme un système où tout se tient*» («каждый язык образует систему, где все (=все элементы) поддерживают друг друга»). Она, однако, не принадлежит самому де Соссюру (и даже, по крайней мере, не содержится в издании под его именем «Курс общей лингвистики»), а сформулирована занимавшим независимую по отношению к структурализму позицию А. Мейе [Meillet 1937: 475], который пишет о знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» де Соссюра.

грамматикализации может на долгое время – возможно, на несколько веков – затормозиться» [Там же: 131–132]. В качестве примера приводятся синтетическая и аналитическая форма сравнительной степени прилагательного, лексическая граница между которыми проходит в различных европейских языках по-разному. Иногда такое разграничение ведет к тому, что некоторая конструкция, первоначально употреблявшаяся в большем количестве контекстов, становится обязательной для некоторых из них, но недопустимой в других – «это можно сравнить с перемирием, согласно которому две армии, сражавшиеся на всем пространстве некоторой территории, отступают на известные позиции и делят эту территорию между собой» [Там же: 133]. Такая стратегия является контрпримером к часто делающемуся утверждению об однонаправленности и необратимости (*unidirectionality*) процесса грамматикализации (соответствующие положения восходят к работам Хоппера, см. об этой проблематике [Haspelmath 2004], там же и соответствующая библиография) поскольку в данном случае конструкция как раз отступает с «завоеванных» было позиций. Кроме того, разграничение может затронуть и набор значений конкурирующих форм; нередко одна из них утрачивает базовое значение и оставляет только вторичные – это феномен «категории с пустой серединой», который уже обсуждался выше (см. раздел 3).

В обсуждаемой работе [Dahl 2004] идет речь также и о резком сокращении альтернативных показателей по мере обобщения значения и тем самым сужения грамматической «ниши» («специализации» по Бреалю), которое также является необходимой составной частью «упорядочения» паттернов как грамматических способов выражения.

На смену «упорядочению» паттернов приходит «адаптация» – то есть уменьшение фонетической избыточности (*verbosity*) кода: морфологизация, переразложение, переход от аналитизма к синтетическим показателям и схожие процессы [Там же: 157–174].

Таким образом, процесс «конкуренции паттернов» рассматривается как обязательный элемент становления новых грамматических способов выражения. Выделяется – на обширном типологическом материале – целый ряд характерных его признаков, таких, как неустойчивость предпочтений между конкурирующими формами (определеных не столько денотативной семантикой, сколько достаточно тонкими различиями pragmatischen и stilistischen характера), возможность стабильного разграничения синонимичных старой и новых форм, зависимость подобного процесса от лексического наполнения конкурирующих конструкций. Наконец, несмотря на постоянные отсылки к «блокирующему принципу», к «боязни синонимов» в языке, признается возможность достаточно долгого существования жестко не разграниченных (кроме как при помощи вышеупомянутых предпочтений неустойчивого характера) грамматических синонимов; «подобный тип конкуренции между грамматическими паттернами является скорее правилом, чем исключением» [Dahl 2004: 131].

Вместе с тем Э. Даль относит подобное явление к «беспорядку» в языке, с трудом поддающемуся типологическому обобщению (в отличие от «островов стабильности» в виде более четко структурируемых элементов синхронного языкового состояния). В частности, высказано только одно – причем без аргументации и некатегоричное – утверждение относительно предпочтения тех или иных фрагментов грамматической системы языка к формированию грамматической синонимии («Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода»).

5. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ДРУГИХ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИХ ТЕОРИЯХ: БИСИНХРОНИЯ, ВАРИАЦИОНИЗМ, ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Проблема грамматической синонимии, или «варьирования» формы при неизменном (базовом) содержании, ставится и в некоторых других лингвистических направлениях XX – начала XXI века; кратко обсудим их достижения, релевантные для проблематики нашей работы.

С начала 1980-х годов во французской славистике выдвигалась идея необходимости анализа языковых явлений при учете двух временных планов истории языка – иными

словами, отдельного рассмотрения и сопоставления явлений, демонстрирующих в синхронном срезе семантическую близость, но возникших на различных этапах диахронического развития. В этом подходе (так называемой «бисинхронии», *l'approche bisynchronique*) заметно сходство с принятым в теории грамматикализации принципом «наслаждания». Он предложен славистом П. Гардом в 1981 году; Гард предлагает говорить о «бисинхронии» в тех случаях, когда «в пределах одного и того же синхронного состояния факты соответствуют двум различным моделям, которые в действительности представляют собой проекцию на синхронный план эволюции старой модели по направлению к новой» (цит. по [Robillard 2001: 13]). В рамках указанного подхода наиболее активно работает М. Гиро-Вебер, которая, в частности, применяла его к семантическому анализу кратких и полных прилагательных в русском языке [Guiraud-Weber 1993] (как типичный феномен грамматической синонимии форма прилагательного в русском языке рассматривается, например, в [Dahl 2004: 130–131]).

Специально ставит в фокус внимания «варьирование» языка группа лингвистов (преимущественно американских и канадских), направление которых так и называется – вариационизм (*Variationist Linguistics*). Полемизируя со структурализмом (и с генеративной морфологией в версии Эроноффа и его продолжателей), вариационисты утверждают, что семантическая (в их терминологии нередко – «функциональная») эквивалентность широко представлена на уровнях языка «выше фонологии и за пределами ее» (*above and beyond phonology* [Sankoff 1973]). Большое внимание здесь уделяется изучению не столько грамматической семантики – хотя и такие исследования имеют место – а социолингвистических и территориальных вариантов языка. Действительно, это направление по своему генезису достаточно тесно связано с социолингвистикой, прежде всего с работами У. Лабова. Развиваясь первоначально независимо от типологии глагольных систем и теории грамматикализации, вариационизм обнаруживает в последнее время точки сближения с этими направлениями исследований. Ряд авторов, работающих в русле вариационистского подхода, в последнее время под влиянием работы [Bybee et al. 1994] апеллирует к понятиям грамматикализации (в том числе параллельной грамматикализации разных лексических источников) и «наслаждания» (*layering*): это характерно, например, для работ канадской исследовательницы С. Тальямонте [Tagliamonte 2000] и ее мексиканской коллеги Р. Торрес Какоульос [Torres Cacoullos 1999; 2001].

В [Tagliamonte 2000] автор анализирует глаголы со значением «посессивного результата» *have*, *have got* и *got* одновременно как показатели, отражающие различные стадии грамматикализации, и как маркеры разных социолингвистических регистров языка («разновидностей английского»). Здесь же указано и на то, что диахроническое развитие формы подразумевает ее специализацию, и по мере прогресса языкового изменения грамматические ограничения на дистрибуцию синонимичных форм растут (таким образом, получается перекличка, например, с концепцией «языкового созревания» Э. Даля).

Диссертация [Torres Cacoullos 1999] и основанная на ней статья того же автора [Torres Cacoullos 2001] посвящена грамматикализации конкурирующих конструкций со значением прогрессива (актуально-длительного вида) в испанском языке и его латиноамериканских вариантах, причем активно используется понятийный аппарат как вариационизма, так и теории грамматикализации. Здесь показано, что по мере того как с увеличением степени грамматикализации теряются остатки лексического значения грамматических показателей (например, *estar*, первоначально ‘стоять’, и *andar*, первоначально ‘ходить’, начинают безразлично употребляться в одних и тех же контекстах), они могут употребляться как показатели того или иного социолингвистического регистра (так, в мексиканском испанском *estar* служит сигналом языка образованного и городского общества, в то время как прогрессив с *andar* характерен для простонародной и деревенской речи).

В получившей известность на рубеже веков лингвистической «теории оптимальности» (предложенной в 1993 году фонологом А. Принсом и специалистом по когнитивным процессам П. Смоленским; см. краткое введение в нее [Gilbers, de Hoop 1998]) недавно появилась особая работа, посвященная соотношению «варьирования формы» (т.е. синонимии) и «варьирования значения» (т.е. омонимии) в грамматике [de Hoop et al.

2004]. Здесь обсуждаются в основном синтаксические явления (связанные с проблемами кодирования актантов и порядка слов). Но некоторые морфологические показатели также привлечены в качестве примеров, и опять-таки речь идет о латиноамериканском испанском прогрессиве – на сей раз как о «маркированном» синониме имперфекта.

Теория оптимальности утверждает, что грамматика состоит из системы ограничений на языковую правильность (принцип, неоднократно предлагавшийся в рамках генеративизма применительно к ограничениям на синтаксическую структуру), которые могут вступать в конфликт друг с другом, причем для таких случаев предусмотрена система приоритета (иерархия) этих ограничивающих правил. Из нескольких потенциально возможных поверхностных способов выражения выбирается лучше всего соответствующий сочетанию ограничений, так называемый «оптимальный» языковой элемент. В рамках «теории оптимальности» де Хооп и соавторы фактически «открывают заново» принцип «асимметричного дуализма» по Карцевскому и развивают его, сформулировав две дополняющие друг друга гипотезы. Первая касается омонимии/полисемии: «В тех случаях, когда нет варьирования формы (или оно уменьшается), налицо варьирование значения (или оно увеличивается)» [de Hoop et al. 2004: 1073]. Вторая затрагивает уже синонимию и выглядит полностью симметрично: «В тех случаях, когда нет варьирования значения (или оно уменьшается), налицо варьирование формы (или оно увеличивается)» [Там же: 1076]. Таким образом, сокращение варьирования одного из компонентов двустороннего языкового знака (единства формы и значения) влечет увеличение варьирования в другом компоненте. Авторы статьи эксплицитно критикуют «принцип блокирования» и «боязни синонимов» по Эроноффу–Вильямсу (см. предыдущую часть нашего обзора, раздел 5), утверждая, что контраст между синонимичными формами (или синтаксическими средствами выражения) проявляется в основном при рассмотрении примеров вне контекста; контекст, как правило, легко нейтрализует такие различия (ср. схожие идеи у Е. И. Шендельс, раздел 6 предыдущей части нашего обзора (см. ВЯ. 2008. № 3)). Таким образом, вполне возможно соотношение между формой и содержанием «две формы – одна семантика» («two-to-one mapping»); некоторые типы формальной и семантической маркированности (ключевое понятие для теории оптимальности), сопровождающие такую синонимию, и обсуждаются в статье де Хооп и соавторов (а также в некоторых других работах этого тематического номера журнала «Lingua»).

Таким образом, понятие грамматической синонимии продолжает активно осмысляться в лингвистике рубежа XX и XXI веков в рамках самых различных постструктураллистских теорий; предпринимаются и попытки (на наш взгляд, удачные) синтеза различных подходов (например, в исследовании прогрессива в испанском языке [Torres Cacoullos 1999] и объединяющем «вариационистский» подход канадской школы и теорию грамматикализации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1959/1974 – Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе (1959) // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бодуэн де Куртенэ 1871/1963 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ 1886/1963 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. Из патологии и эмбриологии языка // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Жирмунский 1963/1976 – В.М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Майсак, Татевосов 2001 – Т.А. Майсак. С.Г. Татевосов. Время // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М., 2001.
- Маслов 1978/2004 – Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1984/2004 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Сеше 2003 – А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003.
- Bybee 1985 – J. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliucca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies of language. V. 13–1. 1989.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 – B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Dahl (ed.) 2000 – Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2000 – Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2004 – Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Dik 1997 – S. Dik. The theory of functional grammar. V. 2. Berlin, 1997.
- Gilbers, de Hoop 1998 – D. Gilbers, H. de Hoop. Conflicting constraints: An introduction to optimality theory // Lingua. V. 104. 1998.
- Guiraud-Weber 1993 – M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchronique dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // RESI. V. LXV. № 1. 1993.
- Haspelmath 2000 – M. Haspelmath. The relevance of extravagance: a reply to Bart Geurts // Linguistics. V. 38. № 4. 2000.
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Up and down the cline – the nature of grammaticalization. Amsterdam, 2004.
- Heine 1997 – B. Heine. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization: a conceptual Framework. Chicago, 1991.
- de Hoop et al. 2004 – H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort. Variation in form versus variation in meaning // Lingua. V. 114. 2004.
- Hopper 1991 – P.J. Hopper. On some properties of grammaticalization // E. Traugott, B. Heine (eds.). Approaches to grammaticalization. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Hopper 1996 – P.J. Hopper. Some recent trends in grammaticalization. Annual Review of Anthropology 25. 1996.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kemmer 1993 – S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Lehmann 1982/1995 – C. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. Munchen, 1995 (1st ed., 1982).
- Meillet 1912 – A. Meillet. L'évolution des formes grammaticales // Scientia (Rivista di scienza). 12 (26). 1912; цит. по перепеч.: A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921.
- Meillet 1937 – A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1937.
- Robillard 2001 – D. de Robillard. Peut-on construire les «faits linguistiques» comme chaotiques? Quelques éléments de réflexion pour amorcer le débat // Marges linguistiques. 2001. № 1.
- Sankoff 1973 – G. Sankoff. Above and beyond phonology in variable rules // C.-J.N. Bailey, Roger Shuy (eds.). New ways of analyzing variation in English. Washington, 1973.
- Sechehaye 1908 – A. Sechehaye. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Paris, 1908. (Русск. пер.: А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003).
- Tagliamonte 2000 – S. Tagliamonte. The grammaticalisation of the PRESENT PERFECT in English: Tracks of change and continuity in a linguistic enclave // O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Pathways of change – grammaticalization in English. Berlin, 2000.
- Torres Cacoullos 1999 – R. Torres Cacoullos. Grammaticalization, stylistic variation, and language contact: a study of Spanish progressive -ndo constructions. PhD dissertation. The University of New Mexico, 1999.
- Torres Cacoullos 2001 – R. Torres Cacoullos. From lexical to grammatical to social meaning // Language in Society. 30. 2001.
- Traugott 2001 – E.C. Traugott. Legitimate counterexamples to unidirectionality. Paper presented at Freiburg university, October 17th 2001. (www.stanford.edu/~traugott/papers/Freiburg.Unidirect.pdf)
- Žirmunskij 1966 – V.M. Žirmunskij. The word and its boundaries // Linguistics. V. 27. 1966.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

J. Gippert, N.P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). Essentials of language documentation. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. x + 424 p.

Рецензируемый сборник является введением в сравнительно новую область лингвистической науки (или, скорее, область лингвистической деятельности) – документирование языка, в первую очередь, документирование малых языков в полевых условиях. Актуальность книги определяется растущей обеспокоенностью в связи с ускоряющимися процессами вымирания языков и редукции языкового разнообразия. Многие фонды прилагают значительные усилия к тому, чтобы сохранить наследие языков и традиций, находящихся под угрозой исчезновения.

Документирование языка требует не только лингвистической компетенции, но и готовности решать разнообразные организационные, этические, правовые, технологические и другие, самые неожиданные вопросы. Поскольку область относительно молода и стремительно развивается, многие технические моменты в недалеком будущем могут существенно измениться. Сборник, однако, является прекрасным введением в проблематику, сочетающей основы теории с практическими рекомендациями и разбором примеров. У книги есть веб-страница¹, на которой можно найти иллюстрации, аудиовидеоматериалы, подборку интернет-ссылок.

Два общих замечания, касающихся книги в целом. Читатель заметит, что ряд обсуждаемых в книге вопросов имеет к практике российских исследований лишь косвенное отношение и не представляет для нас особенного практического интереса – например, некоторые пункты Главы 2, посвященные правовым аспектам. Другие моменты, наоборот, крайне злободневны – например, вопрос о (не)допу-

стимости скрытой записи. В главах книги тесно переплетены вопросы как значимые, так и второстепенные для российских учёных. Это неизбежное свойство книги, претендующей на разнородную целевую аудиторию и универсальность.

Второе замечание относится к понятию лингвистического документирования. Во многих фрагментах книги проявляется существенное концептуальное отличие этого рода деятельности от практики исследований, сложившейся в России. Наша полевая лингвистика традиционно теснее связана с лингвистической типологией, и многие исследователи во главу угла ставят разработку грамматического описания. Подход, излагаемый в рецензируемой книге, иной: главным результатом документирования являются собранные первичные материалы. Эти материалы должны сопровождаться минимальным объемом вспомогательной информации, которая позволит эффективно использовать их для дальнейших специальных исследований. Информацию, которую будущие исследователи могут относительно легко извлечь из аннотированного текста (например, надежные рамки глаголов), эксплицировать не обязательно. В грамматический очерк следует помещать информацию, которая из текстов извлекается с трудом (например, словоизменительные парадигмы). Несмотря на непривычность такой постановки вопроса, нельзя не признать, что прагматически она оправдана – грубо говоря, за то время, которое полевой исследователь потратит на описание грамматики одного вымирающего языка, он мог бы успеть задокументировать второй. По сути речь идет о разделении труда между полевыми лингвистами и авторами грамматик; эффективность такого разделения покажет время.

¹ <http://titus.uni-frankfurt.de/ld>; <http://titus.uni-frankfurt.de/ld/links.htm>

§ 1. Что такое документирование языка и для чего оно нужно? (N.P. Himmelmann)

Документирование языка² понимается как «долговременная многоцелевая фиксация языковых данных». В отличие от традиционной описательной лингвистики, для документирования языковые данные являются основным объектом, а не иллюстративным материалом. В идеале целью документирования является создание широкого корпуса первичных данных, который удовлетворит последующие поколения пользователей, какой бы аспект языка они ни захотели исследовать. Пользователями языковой документации могут быть как исследователи самых различных областей (лингвисты, этнографы, фольклористы), так и сами члены языкового сообщества и разнообразные организации, занимающиеся образованием и языковым планированием. Следует также иметь в виду неизвестных на данный момент потенциальных пользователей и такие задачи, которые на момент документирования еще никто неставил. Поэтому, с одной стороны, нужно стараться избегать жесткой привязки к той или иной узкотеоретической парадигме; с другой, любой проект должен иметь теоретически обоснованный набор основных задач, чтобы не накапливать массы бесполезных данных.

Оптимальный корпус языковой документации должен содержать как традиционные «символьные», так и мультимедийные данные; пополняться из любых доступных источников; разрабатываться с расчетом на долгосрочное хранение и независимость от конкретной информационной среды (оборудования и программного обеспечения).

Новыми в данном подходе являются:

(i) Внимание к первичным данным, т.е. к (аудио- и видео-) записям языковой деятельности, и предоставление доступа к ним широкому кругу пользователей. Помимо собственно коммуникативных актов, документируются также суждения носителей языка о тех или иных лингвистических объектах, различного рода таксономии (системы родства, системы счета, морфологические парадигмы и пр.). Фиксации подлежат и сами сеансы работы, включая задаваемые вопросы и предъявляемый стимульный материал. (ii) Протоколирование сеансов записи и снабжение корпуса ме-

таданными, позволяющими ориентироваться в корпусе и оценивать качество данных (см. § 4). (iii) Забота о долгосрочном хранении первичных данных, в т.ч. о высоком качестве исходных записей и о целом ряде технологических вопросов при их обработке (см. § 4, 13–15). (iv) Создание междисциплинарных рабочих групп, включающих специалистов в смежных с лингвистикой гуманитарных областях. (v) Тесное взаимодействие с носителями языка и их активное вовлечение в работу (см. § 3).

§ 2. Этические и практические вопросы реализации проектов полевых исследований (A.M. Dwyer)

В главе обсуждаются этические и правовые проблемы, возникающие при планировании полевой работы и в ходе взаимодействия с консультантами и с изучаемым языковым сообществом. Автор указывает на двоякое положение исследователя, положение которого «на стыке» двух культур зачастую приводит к противоположным мотивациям. Так, интересы научных центров требуют склонности к получению результата, а отношение консультантов зависит от их представлений о долгосрочности планов исследователя. Необходимо выбирать такую линию поведения, которая хотя бы отчасти уравновешивает эти факторы.

Общие культурные установки и этические нормы ведения полевой работы должны быть адаптированы к изучаемому сообществу. Следует применять универсальные правила столь же бесмысленно, как установить по всему миру единую почасовую оплату работы консультантов. Ярким примером является получение *информированного согласия* (*informed consent*) на запись и использование языковых материалов. Большинство западных научных учреждений продолжает требовать получения исследователем письменной расписки о том, что носитель не возражает против записи. Во многих культурах, однако, устный договор вызывает больше доверия и даже обладает большей связывающей силой, чем расписка; предложение дать расписку может привести к отказу от сотрудничества. Поэтому иногда правильнее получить устное согласие на запись, фиксируя его на аудио или видео. Указывая на конфликт между стремлением к фиксации спонтанной речи и этическими нормами, исключающими скрытую запись, автор признает допустимым получение информированного согласия сразу после скрытой записи. В идеале такое согласие должно не просто подтверждать право записи на существование, но и в как можно более явной фор-

² В тексте рецензии мы будем стараться различать термины «документирование языка» (как процесс) и «языковая документация» (как совокупность его конкретных результатов).

ме оговаривать возможные способы ее использования.

Среди этических принципов упоминается широко понимаемый принцип принесения пользы исследуемому языковому сообществу – речь идет не просто об оплате труда консультанта, но, шире, об ответном даре исследователя сообществу, который он приносит в частичную компенсацию получаемого им дара языка. Этот ответный дар может принимать разные формы, главное, что направлен он не только на консультантов исследователя, но на все сообщество в целом. Здесь автор настаивает на необходимости использования собранных языковых материалов – лучше осуществить хотя бы первичную обработку данных и сделать их доступными, чем не обработать вообще; последнее тоже является неблагодарностью по отношению к языковому сообществу.

§ 3. Полевая работа и языковое сообщество (U. Mosel)

В этой главе речь идет о том, как организовать работу в языковом сообществе и привлечь к ней самих носителей языка. Для успеха проекта необходимо соблюдать баланс между академическими интересами и той отдачей, которую получают от проекта сами местные жители. Кроме того, различные социокультурные и психологические факторы могут ограничивать виды собираемого материала, способы работы и даже форма и содержание конечного продукта. Иногда целесообразно идти на компромисс, фиксируя материал в двух формах – в той, на которой настаивают носители, и в той, которая необходима лингвисту. Это касается фиксации текстов (в точном соответствии с тем, что было произнесено vs. в редакторской версии носителей), использования орфографии (более точной vs. более удобной), вносимой в словарь информации (грамматически необходимой vs. культурно значимой). В долгосрочном плане документирование может стать намного эффективнее, если в него будут вовлечены члены языкового сообщества: они могут обучать исследователя языку, записывать, расшифровывать и переводить тексты, работать над словарем. Для этого, очевидно, необходимо передать им определенные навыки: обращение с записывающей аппаратурой, ведение и организация записей на бумаге, владение базовыми лингвистическими понятиями, организация рабочего цикла и др. Обсуждаются практические приемы, полезные в начале работы с неизвестным языком.

§ 4. Языковые данные и документирование

языков

(P.K. Austin)

В главе описываются основные манипуляции с данными, необходимые в процессе документирования, и требования, предъявляемые к полученному корпусу документации, а также необходимый для этого инструментарий. Современный корпус должен быть цифровым, в идеале материал должен уже собираться в цифровом формате. Необходимо регулярно создавать резервные копии, чтобы в случае сбоя оборудования данные восстанавливались в полном объеме.

Основные процедуры должны быть продуманы уже на самых ранних стадиях: 1) запись (звука, видео и т.п.); 2) оцифровка аналоговых данных; 3) анализ – транскрипция, перевод, аннотация, метаданные; 4) архивирование; 5) мобилизация – публикация данных в различных формах.

При записи первостепенное значение имеет качество оборудования, в особенности микрофонов и сменных носителей. При аудиозаписи нельзя использовать сжатие с потерями (в частности, формат MP3). Перед записью важно устраниć возможные источники шума, в том числе такого, который человеком обычно не осознается (шум ветра, тиканье часов, эхо от стен, шелест бумаги). Для видеозаписи могут потребоваться специальные осветительные приборы.

В последние годы сокращается жизненный цикл форматов данных. Замена старых форматов на новые, переход к новым типам носителей происходит все с большой частотой. Следует постоянно помнить о переводе имеющихся записей в новые форматы, чтобы в будущем они не оказались недоступными из-за отсутствия необходимого оборудования.

Отдельно отметим необходимость сопровождающих собранный материал метаданных (§ 4.2.2), важность которых еще не вполне осознается отечественными исследователями. Метаданные содержат сведения об источниках материала, участниках и обстоятельствах записей, содержании и структуре материала, технических параметрах. Только наличие метаданных обеспечит эффективный поиск в больших архивах³.

Автор различает три формы существования собранного материала, каждая из которых может требовать особого технического

³ Ср. поиск по метаданным в архивах программы документирования исчезающих языков DOBES (http://corpora1.mpi.nl/ds/imdi_browser/).

формата – исследование, архив, демонстрация (публикация). Задача разработчиков – обеспечить удобные способы преобразования данных из одной формы в другую.

§ 5. Язык в свете этнографии речи (J.H. Hill)

Это одна из самых коротких, но и самых увлекательных глав тома. По сути, текст является цепочкой иллюстративных примеров из практики полевых исследований и настолько захватывает, что было бы жаль лишать читателя возможности ознакомиться с ним самостоятельно. Поэтому мы не будем объяснять, почему носительницы юто-ацтекского языка науатль при встрече с Хилл пищали фальцетом, как получилось, что Билл Грейвз, исследователь пима, другого языка той же семьи, отказался от работы с самым знающим носителем языка, и что именно в выпущенном университетом Аризоны рекламном буклете словаря хопи заставило сообщество хопи так сильно изменить отношение к проекту, что словарь едва удалось опубликовать. А если вам когда-нибудь хотелось понять, почему переводчик, уже имея в кармане билет на восьмичасовой автобус, обещает встретиться с вами в девять, вам просто необходимо обратиться к тексту оригинала. Хилл выдвигает несколько принципов, опирающихся на хаймсовскую концепцию этнографии речи и имеющих непосредственное значение для эффективной полевой работы. Во-первых, следует всегда исходить из предположения, что необычные свойства речевого поведения носителей имеют определенную семантику или pragmatику, а не мотивированы внеязыковыми факторами (особой физиологией, средой проживания и т.п.). Во-вторых, если вам кажется, что носители ведут себя по отношению к вам неадекватно или грубо, скорее всего вы не отдаете себе отчет в специфических для данной культуры особенностях речевого этикета и коммуникативных установок. В-третьих, необходимо четко понимать, в каких ситуациях используется тот или иной регистр или, для многоязычных сообществ, тот или иной языковой код – это поможет выбрать эффективный метод получения языкового материала. Наконец, важнейший элемент этнографического исследования речи – это выяснение отношения языкового коллектива к своему языку, модели языка как объекта.

§ 6. Документирование лексических данных (J.B. Haviland)

В главе освещаются избранные вопросы создания лексикографических баз данных, хо-

рошо известные в теоретической лексикографии, но забываемые в азарте полевой работы. Приводятся примеры разнообразных семантических областей в языках Мексики и Австралии, в т.ч. именных классификаторов, глаголов каузативного перемещения, терминов родства, междометий и восклицаний и др. Подчеркивается важность учета контекста и условий уместности употребления лексических единиц, коннотаций, сочетаемости и пр., обсуждаются различные семантические метаязыки и методы накопления лексического материала. В общем случае особое внимание следует уделять более разработанным областям лексики, сочетая опрос и наглядный стимульный материал с систематическим наблюдением за языковым поведением носителей, поскольку некоторые аспекты семантики не сводятся к различию референтов и с трудом могут быть вербализованы информантами.

§ 7. Просодия в документировании языков (N.P. Himmelmann)

В главе рассматриваются требования к собранному материалу, обеспечивающие последующий просодический анализ. Вследствие высокой вариативности просодических параметров важно иметь по несколько произнесений одних и тех же высказываний, желательно от разных дикторов (в идеале не менее двух мужчин и двух женщин). Сопоставимые высказывания получаются путем предъявления одинаковых стимулов, разыгрывания одинаковых микродиалогов или произнесения клишированных высказываний.

При изучении лексической просодии следует иметь в виду, что изолированные слова являются элементарными высказываниями, поэтому необходимо отделять эффекты словесной просодии от просодии фразовой. Надежно (но трудоемко) помещать слово в рамочные предложения, чтобы получить употребления в начале, середине и конце высказывания (напр., «Он не знает слова "X"»). На практике проще группировать слова по три или четыре и записывать эти группы в разном порядке.

Одних только акустических данных недостаточно для выделения параметров, которые носители воспринимают как значимые (например, для определения места ударения). Необходимы данные о восприятии, собранные в ходе перцептивных экспериментов.

§ 8. Этнографический компонент лингвистического документирования (B. Franchetto)

Документирование языка тесно переплетено с документированием культуры; во всяком

случае лингвистическая документация должна быть пригодна для этнографического анализа. Что больше всего интересует антрополога в лингвистическом описании? Очевидно, это те элементы языка, которые напрямую связаны с окружающим миром, в первую очередь лексическая информация – значение слов, взаимосвязь различных значений слова. Лексемы полезно объединять не только по семантическому, но и по тематическому принципу (материальная культура, традиционное хозяйство и т.п.). Приводится краткий список стандартных тем, интересующих современного этнографа (мифы о происхождении, разрешение от беременности, видение языка и др.); отметим, что такой подход страдает известным недостатком – он привязан к современной парадигме и не в состоянии предсказать интересов будущих исследователей. Важнее другой принцип, не сформулированный автором, по крайней мере эксплицитно: корпус собираемых текстов должен быть максимально диверсифицированным и с лингвистической, и с социолингвистической и этнографической точек зрения.

По-настоящему захватывающим становится чтение (если употребление этого слова в данном случае правильно) главы начиная с третьего раздела. Дело в том, что все обсуждение проекта документации амазонского языка куикуро снабжено мультимедийными материалами, размещенными на интернет-сайте книги. Можно не только узнать о высоком уровне фонетической рефлексии этноса, рассуждающего о сравнительных артикуляционных и просодических свойствах своего языка в сравнении с языком соседей, но и услышать, как «танцуют», «подпрыгивают» или «колеблются» слова этих языков, увидеть, как вождь приветствует посланников, которые пришли пригласить жителей деревни на праздник, специальным напевным ритуальным речевым жанром. В целом, даже если теоретические предпосылки главы покажутся читателю несколько упрощенными, его не могут не захватить перспективы, которые открывает использование мультимедийных средств.

§ 9. Лингвистическое аннотирование (E. Schultze-Berndt)

Глава содержит обзор основных типов лингвистической аннотации, насыщена материалом и плохо поддается реферированию. Мы ограничимся тем, что наметим ее общую идеологию. Лингвистическая аннотация должна ориентироваться в первую очередь на требования компьютерной обработки текстов и общий

принцип «многослойного» представления. Центральным как для главы, так и для книги в целом является принцип *минимально достаточного аннотирования*; аннотация не столько должна содержать все разнообразие информации о языке, сколько давать будущим исследователям возможность получать эту информацию из аннотированного текста. Кроме принципа минимальной достаточности, объем разметки определяется в первую очередь временем и человеческими ресурсами, которыми располагает конкретный проект. Аннотированные материалы должны быть пригодны для использования внутри описываемого языкового сообщества, а также эксплицировать существенные элементы ситуативного контекста записи. Минимальный набор слоев аннотации – практическая орфография, перевод на языки-посредники (как минимум один из них должен быть понятен носителям описываемого языка) и комментарии, необходимые для понимания аннотированных материалов не включенному в контекст читателю. Если фонетическая транскрипция не выводится из практической орфографии, следует ввести слой фонетической транскрипции. Необходимо, чтобы аннотация обладала формальными средствами для отражения диалога и переключения кода; желательно, чтобы она отражала элементарные супрасегментные характеристики (интоационный контур конца интоационно-просодической единицы, резкое изменение тона, а также некоторые нелингвистические элементы – жесты, шепот, смех, паузы и т.п.).

Интересно отметить, что поморфемное гlosсирование отнесено к желательным, но необязательным элементам аннотации, что находится в резком противоречии с другой распространенной точкой зрения – морфологическое гlosсирование является важнейшим и обязательным, даже центральным элементом документации – точкой зрения, которой придерживаются и авторы обзора. Это отчасти объясняется различием целевой аудитории и методологического бэкграунда российской и западной полевой традиции. Для нас аннотированные тексты являются в первую очередь источником грамматической информации, должны быть ориентированы в том числе и на неспециалиста по документируемому языку, в то время как зарубежные полевые лингвисты уже давно делают акцент на предоставлении собранных материалов языковому коллективу. Позволим себе в этой связи предположить, что морфологическое гlosсирование в ряде случаев позволит выявить ошибки записи даже исследователю, свободно говорящему на описываемом языке.

§ 10. Проблемы сегментирования устной речи (N.P. Himmelmann)

Здесь обсуждаются проблемы, связанные с выделением единиц трех уровней: слов, интонационных единиц и единиц следующего, более высокого уровня. При членении текста на слова чаще всего можно опираться на интуицию носителя (попросить «надиктовать» предложение). Спорные случаи носят универсальный характер (клитики, сложные слова); носители не дают однозначного ответа, и приходится формулировать независимую от интуиции систему критериев.

По мнению автора, большинство публикаций страдает недостаточной эксплицитностью принципов выделения интонационных групп. Перечислены основные признаки их границ – пограничный тон, возвращение к базовому значению частоты основного тона, паузация, замедление артикуляции в конце и ускорение в начале и др. В целом, по мнению автора, от 80 до 90% интонационных единиц отождествляются однозначно. В одной такой единице обычно вводится один новый участник или одно новое событие; отмечается, однако, что носитель или исследователь, владеющий описываемым языком, склонен приписывать паузы на основании информационной структуры и часто слышит их там, где их нет – и наоборот.

Третий тип единиц, которые кратко обсуждаются в главе – это единства, в которые объединяются интонационно-просодические единицы. Природа их плохо изучена, само существование или универсальность вызывает сомнения.

В характерном для книги прагматическом духе Химмельман рекомендует для проектов по документации малых языков использовать редуцированную транскрипцию (без инструментального измерения длительности пауз, с упрощенной классификацией пограничных тонов и др.). Глава является прекрасным практическим введением в проблематику и суммирует основные знания в этой области; читатель сможет приступить к практической сегментации записей исследуемого языка.

§ 11. Создание орфографии (F. Seifert)

Автор обсуждает принципы, проблемы и примеры разработки практической (ориентированной на носителей) орфографии малого языка. Доказывается, что в целом ряде случаев приоритет при принятии решений имеют не структурные характеристики фонетики и фонологии языка, а социолингвистические,

идеологические и даже технологические факторы (грамотность на доминирующем языке, стремление противопоставить себя иноязычной этнической группе, сложность освоения особых раскладок клавиатуры). Центральным для автора является противопоставление *deep* (глубокой) и *shallow* (поверхностной) типов орфографий, которые, по-видимому, можно обозначить как морфонологический и фонетический. Орфография должна отражать лингвистически значимые признаки лексических единиц, однако разработчик орфографии всегда стоит перед проблемой выбора уровня, на котором эти признаки действуют. Выбор более глубокого уровня может мотивироваться тем, что он может помочь избежать междиалектного орфографического конфликта (проблема, актуальная для многих регионов РФ). Однако этот выбор часто вступает в противоречие с использованием орфографической системы доминирующего языка. Нам кажется, что практически перевешивают плюсы фонетической системы. В российской реальности, во всяком случае, приоритет использования орфографии доминирующего языка преобладает над остальными соображениями, а стремление носителей языка мириться противопоставить себя более многочисленному этносу бора кажется в целом далеким от малых народов России и стран СНГ.

Существенным является понятие функциональной нагрузки фонологического признака и положение о том, что не все, а только активно эксплуатируемые противопоставления нуждаются в орфографическом отображении. Если противопоставление редко и если оно легко восстанавливается из контекста, им можно пренебречь в целях упрощения графики. Основным критерием здесь является, с точки зрения автора, количество и контекстуальность возникающих в результате фонологической неполноты орфографии омографов.

§ 12. Грамматическое описание в документировании малых языков (U. Mosel)

В главе обсуждается место кратких грамматических очерков среди других типов кратких грамматических описаний (пилотная грамматика на материале малого корпуса; вводные замечания к статье; резюме подробной грамматики, введение к словарю и пр.). Для Мозель очерк не только отражает лишь текущее, неполное состояние знаний исследователя о языке, но вообще является не грамматическим описанием языка, а инструментом для работы с текстами. Из этого следует сразу несколько важных выводов. Например,

в очерке не должны содержаться такие привычные сведения, как класс глаголов, образующих каузативы, а также падежная рамка каузативного глагола – эти сведения могут быть перенесены из словаря и аннотированных текстов, соответственно.

Еще одно требование, которое Мозель предъявляет к грамматическому очерку – это точность и удобство в использовании. Под точностью здесь понимается не предсказательная сила описания, а соответствие языковым фактам, которые представлены в собранных материалах, и адекватность конвенций грамматической аннотации; под удобством – пояснение по поводу неочевидных категорий, расшифровка всех используемых в аннотации сокращений, а также четкая структурированность текста. Вообще, в этой главе как ни в какой другой проявляется пока не очень привычное для нас понимание документирования как сбора материалов, не обязательно предполагающего написание грамматики. Тем не менее, условие прозрачности структуры приводит к таким минимальным требованиям, которые все же делают очерк похожим на модель обычного грамматического описания, пусть в миниатюре (примечательны, однако, уточнения в духе «для упрощения понимания глосс» и «для более быстрой интерпретации высказываний»).

§ 13. Трудности архивного дела (P. Trilsbeek, P. Wittenburg)

По оценкам специалистов, около 80% материалов, собранных по исчезающим языкам и культурам, находится в руках частных лиц или рабочих групп по краткосрочным проектам, хранятся в плохих условиях и на низкокачественных носителях. Не случайно, что в масштабных проектах по документированию языков (например, DoBeS), создание централизованного архива считается одной из главных задач. В главе рассказывается о принципах и трудностях ведения архивов.

По сравнению с традиционными архивами, цифровые архивы в меньшей степени привязаны к сохранению физических носителей – хранить требуется саму информацию. Однако возникают и новые задачи: пополнение, удобный доступ с поиском, редактирование. Кроме противоречия между задачами долгосрочного хранения и быстрого доступа возможны столкновения интересов трех групп – собирателей данных, хранителей (архивариусов) и пользователей. Так, полевым исследователям необходимо компактное оборудование, тогда как для архивации нужны записи очень высокого качества, что требует громоздких технических инструментов.

Важно обеспечивать не только сохранность файлов, но и возможность без потерь восстановить хранящуюся в них информацию. Это связано с целым рядом вопросов, касающихся применяемых форматов и кодировок (как текстовых, так и аудио- и видеоформатов), включая перевод (миграцию) в более современные форматы.

§ 14. Документирование языков и представление текстовых материалов (J. Gippert)

В главе рассказывается о проблемах электронного представления текстов – кодировки символов, разметка структуры текста и т.п. Современным стандартом кодирования символов, в котором каждому символу каждой письменности (включая слоговые азбуки, иероглифические системы, транскрипцию МФА и др.) сопоставляется уникальный числовой код, является Юникод (Unicode). Во избежание проблем, вызванных смешением предшествующих Юникоду 8-битных «кодовых страниц», в которых одни и те же 256 кодов использовались для разных наборов символов, все лингвистические архивы должны быть переведены из устаревших кодировок в Юникод. Автор допускает неточность, называя Юникод 16-битной кодировкой и сетуя на недостаточно большое количество символов в нем ($2^{16} = 65\,536$); а стандарт ISO 10646, по его словам, является 32-битным и содержит коды, более чем 4 миллиардов кодов символов. Эта информация устарела задолго до выхода книги: начиная с Unicode 2.0 (1996 г.), объемы Юникода и ISO 10646 идентичны и включают 1 114 112 символьных кодов (текущая версия – 5.1. 2008 г.).

Существенным компонентом содержания документа является его структура – членение на слова, предложения, абзацы и т.п. Обычные средства визуального оформления – пробелы, интервалы, отступы, шрифтовые выделения – крайне ненадежны, поскольку применяются от текста к тексту непоследовательно, а машинное их представление привязано к конкретному текстовому редактору. Перспективным решением представляется миграция в формат XML (см. также § 5) – язык разметки, позволяющий разделить описание структуры данных и описание их визуального оформления: одно может храниться независимо от другого. Преимуществами являются разработанные для XML средства преобразования (XSLT) и наличие бесплатных программ для работы с ним.

§ 15. «Тяжелые» интерфейсы:
мультимедийная мобилизация языковой
документации
(D. Nathan)

Заключительная глава написана директором Архива исчезающих языков SOAS Дэвидом Натаном и обсуждает роль информационных технологий в мобилизации собранных материалов. Если первоначально документирование рассматривалось как чисто академическая деятельность, то теперь члены языкового сообщества вовлекаются в него в качестве активных и полноправных участников. Новая задача, которая пока только поставлена: сделать результаты работы доступными и полезными для языкового коллектива. Для этого необходимо учитывать предпочтения членов сообщества и доступные им технические ресурсы, работать в тесном сотрудничестве с ними. Многие мультимедийные аспекты (дизайн ин-

терфейса, оформление) следует разрабатывать при их участии.

Существующие программные средства, которыми пользуются полевые лингвисты, по большей части представляют собой тонкий интерфейс: их структура определяется структурой данных, и пользование ими требует не только навыков работы с компьютером, но и знаний в предметной области. Такие интерфейсы не годятся для языкового сообщества. Необходимы мультимедийные продукты, ориентированные не на исходные данные, а на задачи, которые будут решать неспециалисты, они должны стимулировать пользователей к самообучению и исследованию ресурса; явным образом отражать участие членов сообщества; в полной мере использовать возможности передачи звука и изображения; иметь целостный, рациональный и адекватный с точки зрения культуры дизайн.

A.B. Архипов, M.A. Даниэль

Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context / Ed. by C. Goddard. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 278 p. (Applications of cognitive linguistics; 3)

Настоящий сборник является третьим в серии *Applications of cognitive linguistics* (ACL, Приложения когнитивной лингвистики), которая была создана с целью публикации «результатов исследований в разных научных областях, где нашли успешное применение методы когнитивной лингвистики»¹. В данном случае речь идет о применении методик сравнительной лингвистической семантики (cross-linguistic semantics) в области прагматики. Главы сборника объединяет общая тематика, а именно, выявление культурных истоков дискурсивных стратегий и тактик, и общая мето-

дологическая основа, в первую очередь, методика «культурных скриптов», построенная на теории семантических примитивов Анны Вежбицкой, см. [Вежбицкая 1999].

Идея о том, что в исследовательских целях все многообразие значений может быть сведено к списку наиболее простых, с мыслительной точки зрения, семантических «атомов», является центральной в научном творчестве А. Вежбицкой и ее школы на протяжении уже более тридцати лет [Wierzbicka 1972]. Это учение легло в основу создания так называемого «естественному семантического метаязыка» (natural semantic metalanguage), своеобразного когнитивного «эсперанто», с помощью которого становится возможным достаточно компактное, четкое и единообразное описание сложных культурных концептов.

Именно эта теоретико-методологическая основа является, по мнению авторов рецензируемого сборника, наиболее соответствующей для эффективного изучения речевых практик, и внедрение ее принципов в прагматику позволяет говорить о появлении новой парадигмы, которой дается название этно-прагматика (с. 2). Данный сборник является своего рода манифестом нового направления. Входящие в него работы ставят своей целью обосновать необходимость нового подхода, его преимущества по сравнению с уже существующими, а также продемонстриро-

¹ В серии ACL, помимо рецензируемого сборника, к настоящему времени (февраль 2008 г.) также вышли [ACL 1, 2, 4, 5]. На февраль и март планируется издание [ACL 6, 9], см. официальную страницу издательства Walter de Gruyter, где можно найти также краткое описание каждого тома. Рецензию на первый том серии (автор рецензии – Eloy JM Romero-Muñoz, Université Notre-Dame de la Paix, Namur, Belgium), см. на странице Международной ассоциации когнитивной лингвистики: <http://www.cogling.org/Reviews/kristiansen.shtml>. Помимо указанной серии, издательство Mouton de Gruyter ведет серии: *Cognitive linguistics research* (Исследования по когнитивной лингвистике, с 1990 г.), *The expression of cognitive categories* (Выражение когнитивных категорий, с 2006 г.).

вать его возможности на примере результатов конкретных языковых исследований.

Первая глава сборника «Этно pragmatica: новая парадигма» (К. Годдард, с. 1–30) является в значительной степени программной для нового направления и теоретически объединяет остальные работы. Прочие семь разделов сборника посвящены культурному своеобразию дискурса в разных языках и региональных вариантах, в частности: установкам, запрещающим «давление» на человека в английском (А. Вежбицка, с. 31–64), бесстрастной шутливой иронии в австралийском варианте английского (К. Годдард, с. 65–98), отражению социальной иерархии в сингапурском варианте английского (Джок Онн Вонг, с. 99–126), выражению эмоций с помощью мимики лица и соответствующих языковых единиц в китайском (Чженгдао Е, с. 127–170), дискурсивным свидетельствам отношения людей к эмоциям в японской культуре (Рие Хасада, с. 171–198), коммуникативной реализации понятий *confianza* (= ‘доверие’) и *calor humano* (= ‘человеческое тепло’) в колумбийском варианте испанского (К.Е. Травис, с. 199–230) и речевым формулам благодарности в ряде западноафриканских языков (Ф.К. Амека, с. 231–266).

В первом разделе излагаются основные положения новой парадигмы. Ввиду того, что главы сборника связаны друг с другом именно общей теорией и методологией, представляется целесообразным остановиться на этом подробнее. Сама необходимость построения pragmatики на новых принципах (о которых речь позже) вытекает, по мнению автора, из несовершенства существующих концепций, среди которых перечисляются концепции Грайса, Браун и Левинсона, Шпербера и Уилсон и др. [Grice 1975; Brown, Levinson 1978; Sperber, Wilson 1995], и которые условно объединяются как универсалистские (universalist). К. Годдард выделяет несколько ключевых изъянов универсалистской pragmatики (с. 14), которые можно обобщить следующим образом. Данное направление слишком недооценивает влияние культуры на язык, в результате чего на описание и изучение речевых практик различных языковых общностей накладывается единая сетка «общечеловеческих универсалий» общения, которая на поверку оказывается псевдоуниверсальной, поскольку повторяет трафарет мышления самих исследователей (в первую очередь, англо-американский) и задействует понятийный аппарат, во многом чуждый культурным корням исследуемого языка. Иными словами, автор говорит о недопустимости описания концептов одной культуры в терминах, специфичных для

другой и внешних по отношению к первой. Вообще понятия внешнего взгляда и взгляда изнутри (*external and internal perspectives*) занимают важное место в авторской аргументации. При этом первое рассматривается как влекущее за собой негативные последствия для понимания языковых фактов, и описывается также терминами *этноцентризм* или *англоцентризм*, поскольку теоретики универсалистской pragmatики принадлежали к англо-американской культуре. Привлекая философскую аналогию, можно сказать, что автор винит их в ошибках, пристекающих из «идолов рода, пещеры и рынка» Ф. Бэкона, вместе взятых.

В противовес автор указывает на парадигму, в которой за исходный принцип принимается утверждение, что речевые практики наиболее понятны при их изучении изнутри самой культуры (с. 2). Делать заявление о возникновении альтернативной парадигмы позволяет автору наличие в новом направлении исследований особенной цели (выявление мотивации речевых актов, как она понимается носителями языковой культуры), методологии (из сравнительной лингвистической семантики), а также приверженности принципу укорененности выводов в языковом материале.

Главной методикой, которую используют авторы рецензируемого сборника для проникновения «внутрь» культуры, является «культурный скрипт»², т.е. «констатация, – выраженная по большей части или целиком с помощью неэтноцентричного метаязыка семантических примитивов, – какого-либо отношения, оценки или мнения, которые, предположительно, широко известны и являются общими для людей данной языковой общности» (с. 5). По-видимому, позволительно говорить о том, что «культурный скрипт» является своеобразной установкой, алгоритмом, который задает стереотипные способы взаимодействия людей в том или ином обществе. «Культурные скрипты» могут быть первичными или вторичными (с. 12), мыслительными, отношенческими, речевыми, эмоциональными, поведенческими (см. примеры на с. 110, 78, 176, 247), например:

малайский культурный скрипт *balasan* ‘адекватное воздаяние’ за дела:

люди думают так:

хорошие вещи случаются с человеком, если этот человек делает хорошие дела;

² Теорию и примеры см. с. 5–14, 33–36, а также [Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002]; кроме того, раздел о методологии присутствует почти в каждой главе.

плохие вещи случаются с человеком, если этот человек делает плохие дела (с. 13).

Как видно из примера, «культурные скрипты» записываются с помощью семантических примитивов: элементарных понятий и операций с ними – лексики и грамматики, – существование которых отмечено в большинстве языков (например, *кто-либо, что-либо, люди, сказать, делать, думать, хороший*, с. 3), что делает такую запись открытой для понимания носителей разных культур. Ввиду возникающей иногда необходимости задействовать в скрипте сложные концепты, которые по той или иной причине важны в описываемой ситуации (например, *ребенок*), вводится понятие семантической молекулы, т. е. конгломерата значения, который функционирует как единое целое и специально оговаривается (с. 9). Итак, самими создателями метаязыка подмечена его схожесть с таблицей химических элементов. Если продолжить это сравнение, «культурные скрипты» было бы уместно уподобить химической формуле взаимодействия атомов и молекул.

Таким образом, хотя это и звучит несколько парадоксально по отношению к сказанному выше, этнопрагматика по существу также претендует на универсальность описания речевых практик, будучи направленной на исследование смыслов различных языков по единобразной схеме, однако универсализм в этом случае носит принципиально иной характер. Допустимость и даже выгода единобразного описания семантики в этом случае зиждется на предварительно накопленных экспериментальных данных, свидетельствующих в пользу существования семантических примитивов.

Несомненным преимуществом методики «культурных скриптов», по сравнению с «универсалиями» прочих концепций, является возможность избежать различных «идолов», поскольку экспликация мотивировки языковых фактов осуществляется с помощью наиболее простых и внутренних для любой культуры понятий.

Список типов языкового материала, который получил рассмотрение с помощью «культурных скриптов» (с. 15–16), является более или менее стандартным для когнитивных исследований, опирающихся, в первую очередь, на ключевые слова культуры (культурные концепты), обиходные фразы и речевые образцы, устойчивые выражения и фразеологизмы, в которых кристаллизуются мысленные единицы, распространенные в данной языковой общности.

Во второй главе «Скрипты англо-американской культуры против “давления” на дру-

гих людей» на примере специфически англо-американской культурной коммуникативной стратегии, запрещающей оказывать давление (*put pressure*) на собеседника, автором показывается недопустимость подстановки англокультурных установок в качестве общечеловеческих «по умолчанию» (с. 33) в исследованиях по прагматике.

А. Вежбицка приводит обширный и тщательно подобранный языковой материал, иллюстрирующий различные способы избежания давления на собеседника в современном английском языке, в частности, запрет на использование в обыденной речи повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы. Проводя сравнение с данными ряда европейских языков (французского, немецкого, польского, румынского, итальянского, отдельно русского), в которых подобные речевые тактики в различной степени представлены, автор приходит к заключению, что указанное выше избегание навязчивости в высказывании просьб является характерным именно для англо-американской культуры. Что наиболее интересно, автору удается внести диахроническую перспективу в исследование и показать стадии развития современного положения дел (с. 53):

1) свободное использование повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы в начале новоанглийского периода (*I pray thee, do it*); 2) увеличение ограничений на использование повелительного наклонения и перформативных глаголов просьбы, введение в просьбу условного наклонения (*Could / would you do it?*); 3) представление просьбы в качестве предложения, над которым можно подумать и согласиться (*I would suggest, you might like to, you might consider, perhaps you could, if you would like to*); 4) представление просьбы в качестве размышления над тем, может ли собеседник ее выполнить (*I wonder if you could*).

Данное исследование, помимо чисто языковых моментов, значимо также за счет того, что оно указывает на ценностные источники рассматриваемого скрипта, а именно, большое значение, которое придается в современной англо-американской культуре личной автономии и независимости (с. 54).

Третья глава связана с выявлением установок бесстрастной (*deadpan*, произносимой с серьезным лицом) шутливой иронии, и некоторых других языковых явлений, характерных для австралийского варианта английского языка. Автор показывает, что в их основе лежат ценностные и повсденческие скрипты, требующие считать других подобными себе, не выделяться, не быть самодовольным, не

желать восхищения собой, не падать духом в трудных обстоятельствах, не жаловаться и т.д. Указанные скрипты иллюстрируются языковым материалом (*no whinging, no worries, a bit, pretty, bullshit, rubbishing mates*), который, однако, нельзя назвать обширным для каждого случая, особенно для серьезной иронии, вынесенной в заглавие работы. Статья не производит цельного впечатления, хотя и дает общее представление о характерных культурных установках и языковых клише.

В следующей 4 главе исследуются три культурных концепта разговорного сингапурского английского, которые отражают важную роль общественной иерархии в сознании говорящих. В разговорном сингапурском варианте английского языка заметно влияние различных вариантов китайского и малайского языков, и задачей автора является показать наложение соответствующих культур в дискурсивных стратегиях. Так, использование почтительного слова *Auntie* ‘Тетушка’ (и *Uncle* ‘Дядя’) в качестве обращения к женщине, принадлежащей поколению родителей говорящего, является аналогией употребления похожих по значению терминов в китайском языке. Глагол *call* ‘звать, называть’ может употребляться в особом значении (ср. русск. *возводить*), в сочетании с почтительным обращением (*call Auntie*), например, в ситуации, когда родители знакомят ребенка с людьми своего поколения и указывают ему на необходимость оказывать им почтение, обращаясь к ним особым образом. Такое употребление *call* также соответствует речевому образцу, существующему в китайском языке. Китайское заимствование *guāi* ‘хороший мальчик’ (*well-behaved*) является одобрительным обращением взрослых старшего поколения к ребенку.

Глава 5 о «загадочном китайском лице» является одной из наиболее интересных в сборнике, наряду со статьями А. Вежбицкой и Ф. Амеки, и одновременно отвечающих принципу обоснованности выводов практическим материалом. Эта глава посвящена исследованию китайских культурных скриптов, стоящих за выражением эмоций с помощью мимики лица и соответствующими языковыми выражениями. Рассмотрение переходит последовательно от 1) характерных китайских выражений лица, которые отсутствуют или слабо представлены в других культурах, к 2) лицевой мимике, схожей в разных культурах, но имеющей специфическую интерпретацию среди китайцев, и 3) специфическим для китайской культуры правилам, диктующим те или иные выражения лица в ситуациях, когда другие культуры диктуют другие выражения. Особенno следует отметить обстоятельную

методику исследования. Автор сопоставляет устойчивые языковые выражения, относящиеся к лицевой мимике (33 единицы), сами выражения лица, и их интерпретации людьми – носителями данной культуры. Значение каждого из выражений, и, таким образом, подходящая каждому выражению лица ситуация, получает описание с помощью культурного скрипта.

Важным представляется также то, что автор подытоживает работу соотнесением скриптов для выражений лица и культурных ценностей, которые в конечном счете их определяют, а именно: *rēn* ‘терпение, выдержка’, *hé* ‘гармония, мир, единение, доброжелательность’, *hán yāng* ‘воспитанная способность сдерживать проявления чувств’, *ài* ‘сопереживание горя’ (с. 150–156).

Шестая глава посвящена описанию в виде культурных скриптов отношения японцев к эмоциям (с. 171). Рассмотрение своего предмета автор начинает с отношения носителей англо-американской и японской культур к откровению/сокрытию своих эмоциональных проблем (предпочтение при откровении отдается психотерапевту в первой и близким – во второй). В следующем подразделе делается вывод, что для японцев в общем характерно ставить эмоциональность над рациональностью. В некоторых случаях поощряется проявление слез, например, в случае большого успеха. Вместе с тем, примеры других культурных скриптов в дальнейшем показывают, что обычно проявление на людях таких эмоций, как гнев, печаль, радость, встречает неодобрение в японской традиции как противоречие добродетели сдержанности, а также как способное травмировать чувства других людей. Важную роль в оценке эмоциональных проявлений играет ориентированность японцев на комфорт окружающих и мнение общества в целом (*hito, seken-tei*). Работа производит впечатление несколько неупорядоченной и отрывистой. Возможно, большей ясности способствовала бы более представительная выборка примеров и чёткость в изложении.

В седьмой главе обсуждается дискурсивная реализация культурных концептов *confianza* (= ‘доверие’) и *calor humano* (= ‘человеческое тепло’) в колумбийском испанском. В фокусе внимания К. Травис находятся как сами эти концепты, так и ласковые обращения (например, *mi amor* ‘любовь моя’), которые отражают важность в колумбийской культуре «внешнего выражения доброго расположения к другим людям и словесного подтверждения той связи, которая существует в межличностных отношениях» (с. 199). Автор отмечает

широкое употребление в разных видах общения, особенно между супругами и друзьями, ласковых обращений, в том числе псевдотерминов родства (например, *mamito* ‘мамочка’, *parito* ‘папочка’ во взаимном общении супружеских пар).

Последняя глава сборника содержит разбор, пожалуй, самых непривычных для европейского менталитета культурных скриптов, определяющих способы выражения благодарности в западноафриканских языках эве, акан, ликпе и були. В начале определяется категориальное своеобразие благодарности в западноафриканских языках по сравнению с другими языками мира, в частности, упоминается наложение категорий благодарности и поздравления в западноафриканских языках, которое может быть связано как с общей семантикой ‘доброжелательности’ (с. 235), так и с тем, что при поздравлении воздается благодарность сверхъестественным силам (с. 236). Автор подробно рассматривает эксплицитные способы выражения благодарности, имплицитную похвалу благодетеля путем указания на его добре дело (‘ты спас меня’), на его возвышение (‘ты сильный’), путем отрицания похвалы (по-видимому, риторический прием типа русск. ‘нет слов, чтобы выразить мою благодарность’), в том числе метафорически в пословицах (‘корова не благодарит пастбище’) и гиперболически в устойчивых выражениях (‘когда я умру, не плачь’). Исследование показывает необходимость знания мыслительных и религиозных культурных установок для адекватного понимания подобных выражений.

Обзор работ показывает, что цель авторами сборника была в целом достигнута: полезность, эффективность и перспективность методики культурных скриптов не вызывает сомнения. В частности, объяснение такой сложной установки, какая приводится для австралийской иронии, было бы чрезвычайно затруднительным без метаязыка семантических примитивов (с. 88).

Несмотря на некоторую неровность разделов сборника, можно смело сказать, что перед нами серьезный, интересный и четко структурированный труд группы единомышленников. Помимо введенного в научный оборот богатого языкового материала и новых выво-

дов относительно дискурсивных установок разных языков, каждая глава сборника содержит список литературы по рассматриваемой теме.

На наш взгляд, рецензируемый сборник представляет интерес для специалистов в области прагматики, стилистики, когнитивной лингвистики и сопоставительной семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежбицка 1999 – *A. Wierzbicka*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- ACL 1 – Cognitive linguistics: Current applications and future perspectives / Ed. by G. Christiansen, M. Achard, R. Dirven, J. Francisco Ruiz de Mendoza Ibanez. Berlin, 2006.
- ACL 2 – *R. Caballero*. Re-viewing space: Figurative language in architects' assessment of Built Space. Berlin, 2006.
- ACL 4 – *Fr. Câmara Pereira*. Creativity and artificial intelligence: A conceptual blending approach. Berlin, 2007.
- ACL 5 – *B. Cornillie*. Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi-)auxiliaries: A cognitive-functional approach. Berlin, 2007.
- ACL 6 – Cognitive linguistic approaches to teaching vocabulary and phraseology / Ed. by F. Boers, S. Lindstromberg. Berlin (в печати).
- ACL 9 – Cognitive approaches to pedagogical grammar: A volume in honour of René Dirven / Ed. by S. De Knop, T. De Rycker. Berlin (в печати).
- Brown, Levinson 1987 – *P. Brown, S.C. Levinson*. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002 – Meaning and universal grammar – Theory and empirical findings / Ed. by C. Goddard, A. Wierzbicka. V. I, II. Amsterdam (Phil), 2002.
- Grice 1975 – *H.P. Grice*. Logic and conversation / Syntax and semantics. V. 3: Speech acts / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. New York, 1975.
- Sperber, Wilson 1995 – *D. Sperber, D. Wilson*. Relevance: Communication and cognition. Oxford, 1995.
- Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.

Владислав В. Алпатов

Z. Guençhéra, J. Landaburu (éds). L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et causasiennes. Louvain; Paris: Peeters, 2007. 8 + 433 p.

Рецензируемый сборник представляет собой продолжение сборника статей с тем же названием, вышедшего под редакцией Златки

Генчевой в 1996 году (см. [Guençhéra (éd.) 1996]). В общем и целом можно сказать, что эта книга, как и первая ее часть, – «про эви-

денциальность» и входит таким образом в обширный круг работ последних десятилетий, описывающих эвиденциальные системы в отдельных языках или посвященных типологии эвиденциальности в целом. Здесь нет смысла останавливаться на истории вопроса; назовем лишь монографию [Aikhenvald 2004], которая подвела «промежуточный итог» этим исследованиям, обобщив то, что было известно про эвиденциальность на момент ее написания (заметим, что и большинство вновь появляющихся данных укладывается в изложенную там схему). В более узком смысле рецензируемая книга входит в ряд коллективных монографий, посвященных эвиденциальности в разных языках, – ряд, начатый известным сборником [Chafe, Nichols (eds.) 1986], продолженной упомянутой выше книгой [Guenchéva (éd.) 1996] и вышедшим недавно сборником [Храковский (ред.) 2007].

Есть, впрочем существенное «но». Значение термина «эвиденциальность» с самого начала колебалось между просто указанием на источник информации и эпистемическим статусом этой информации – иначе говоря, оценкой говорящим степени ее правдивости, причем именно второе употребление было, по-видимому, более ранним. А первым мы обязаны Р. Якобсону и его знаменитой статье про шифтеры 1957 г. (русский перевод – [Якобсон 1972]).

Смешение указания на источник информации и на эпистемический статус передаваемой информации вполне естественно: информацию, полученную лично, говорящий часто оценивает как более надежную, чем ту, которая попала к нему из третьих рук или путем логических умозаключений. В языках часто – хотя далеко не всегда – эвиденциальные морфемы используются и для выражения сомнения или, наоборот, уверенности в том, что говорится. Поэтому сейчас конкурируют скорее «узкос» и «широкос» понимание эвиденциальности: при узком понимании эвиденциальность – это только указание на источник информации¹, при широком – это более общая категория, включающая в себя и указание на источник информации, и оценку говорящим ее правдивости².

¹ Ср. формулировку А.Ю. Айхенвальд: «Evidentiality is a linguistic category whose primary meaning is the source of information... this covers the way in which the information was acquired, without necessarily relating to the degree of speaker's certainty concerning the statement of whether it is true or not» [Aikhenvald 2004: 3].

² Ср. хотя бы подзаголовок к упомянутому сборнику под редакцией У. Чейфа и Дж. Николс.

Рецензируемый сборник идет скорее по второму пути. Об этом, собственно, говорит уже его подзаголовок. В книге 1996 года такого подзаголовка не было, и это понятно: там в большинстве статей речь шла об эвиденциальных системах в узком смысле этого слова. Здесь же большое (вероятно, даже большее) место удалено именно эпистемическим маркерам, которые иногда указывают одновременно на источник информации, а иногда и нет.

Завершая эти терминологические пояснения, отметим, что в рецензируемом сборнике сам термин «эвиденциальность» почти не используется. Редакторы и большинство авторов предпочитают говорить о медиативе (к истории и обоснованию такого употребления см. предисловие З. Генчевой к первому сборнику [Guenchéva 1996: 11]) и, соответственно, об «énonciation médiatisée», буквально об «опосредованном высказывании». О том, чем плох термин «эвиденциальность», по крайней мере, во французском языке, см. в предисловии редакторов к рецензируемому сборнику (с. 3–5). Однако здесь речь идет лишь о франкоязычной терминологии; никакого содержательного различия между «эвиденциальностью» и «медиативом» не проводится. И, завершая терминологическое вступление, редакторы пишут: «Проблема отношения медиатива к источнику информации непроста... Одна из главных трудностей обусловлена тем, что различие между непосредственным и опосредованным знанием может пониматься как различие между источниками информации, а может – как противопоставление того, за что говорящий ручается, и того, за что нет».

Обратимся теперь собственно к статьям, содержащим сборник. Их, не считая предисловия, 18, и каждая посвящена системе эвиденциальных (в указанном выше смысле) маркеров в каком-то языке или в семье языков. 12 из них написаны по-французски, 6 – по-английски. Большинство посвящено языкам Южной Америки (Колумбии, Венесуэлы и Бразилии), одна статья – языку майя-юкатек (Мексика), три – кавказским языкам и одна – тюркскому (татарскому). Если в первом сборнике статьи были объединены в разделы на основе грамматического выражения эвиденциальности в данном языке (выражается ли он формой перфекта или каким-то другим способом), то здесь деление принято чисто географическое – по странам.

Учитывая, что языки Южной Америки, и вообще-то в большинстве своем малоизученные, в нашей стране известны особенно мало, знакомство со сборником превращается в увлекательное чтение всех статей подряд. Степень увлекательности, впрочем, не умень-

шается и в последнем, «российском» разделе книги.

Далее мы очень кратко охарактеризуем эвиденциальные («медиативные») системы, описанные в отдельных статьях.

Сборник открывается разделом о языках Колумбии, в который входят пять статей. Первая из них, написанная Жоном Ландабуро, посвящена языку-изоляту андоке, который располагает двумя отдельными системами аффиксов – эпистемической и собственно эвиденциальной. Собственно эвиденциальная включает два суффикса: инференциальный и для пересказа чужих слов (будем называть последнее значение репортативом, вслед за [Aikhenvald 2004]). Что же касается эпистемической системы, то она включает четыре префикса, которые маркируют информацию а) известную и говорящему, и слушающему; б) известную только говорящему; в) известную только слушающему; г) неизвестную ни тому, ни другому. В статье подробно описано, какие pragmatical interpretations приписываются этим четырем значениям. Отметим, что эпистемические и эвиденциальные аффиксы сочетаются друг с другом, что доказывает независимость этих двух значений в андоке.

Другому изолированному языку Колумбии, языку паэс, посвящена статья Тулио Рохас-Кюре. В этом языке имеется обязательная категория «модальности высказывания», включающая в себя три граммы: утверждения, неуверенности и вопроса. Помимо нее, существуют два суффикса временной дистанции, *-ki-* и *-ki-*, с довольно неожиданным распределением. Первый обозначает недавнее прошлое (не ранее того же дня), второй – более далекое прошлое. В применении же к будущему эти суффиксы выражают степень уверенности, причем первый – «недавний» – передает меньшую степень уверенности, а второй – «далекий» – большую (мы бы ожидали скорее, что информация о более близких к нам событиях должна была бы считаться более надежной, но здесь это не так). Наконец, еще два суффикса передают значения инференциальности и презумптива (последний означает, что говорящий предполагает, что событие имело или будет иметь место, на основе не фактов, но собственных умозаключений).

Восточная ветвь семьи тукано в литературе по эвиденциальности была прославлена знаменитой статьей [Barnes 1984] про язык туйука. В рецензируемом сборнике этой ветви целиком посвящена статья Эльзы Гомес-Имбер, однако ее материал показывает одно существенное и очень интересное отличие от системы, описанной Дж. Бернс (см. также

[Aikhenvald 2004: 60]): в нем нет презумптива (Э. Гомес-Имбер полагает, что он не относится к рассматриваемому кругу значений), зато в туйуко есть грамма со значением «видеть вдалеке», входящая в одну парадигму с граммой визуального восприятия³, аудитивом, инференциалисом и репортативом. Как кажется, ранее в типологии эвиденциальности такое значение не отмечалось.

В гуамбиано (семья коконука; статья написана Беатрис Васкес де Луис) есть ряд маркеров, имеющих отношение к эвиденциальности. Во-первых, это четыре так называемых «терминальных суффикса»: для визуального восприятия, для не-визуального восприятия, для уточняющего вопроса (со значением «это точно так?») и для предположения, не основанного на видимых фактах. Помимо этого, есть нетерминальный суффикс *-ra-*, выражющий и инференциальность, и передачу чужих слов; а также вспомогательный глагол *trap*, маркирующий «обоснованное предположение». Наконец, ссылку на источник информации можно передать и с помощью глаголов «видеть», «слышать», «казаться» и т.п.

Язык каменца (еще один изолят; автор статьи – носитель языка Хосе-Нарсисо Хамиой-Мучависой) имеет отдельную категорию, указывающую на то, принимает ли говорящий на себя ответственность за сообщаемую информацию (эта категория имеет соответственно два значения). Кроме этого, имеются два показателя: один – для ссылки на чужие слова; другой – для выражения адмиратива⁴.

В сикуани (группа гуахибо; автор статьи – Франсиско Кейшалос) эвиденциальные и эпистемические значения выражаются частицами: есть две инференциальных (одна из них предназначена только для тех умозаключений, которые сделаны на основе слуховой информации), для презумптива и для репортатива. Отдельную категорию (на чем настаивает автор) составляют частицы эпистемической оценки.

В карибском языке панара (Венесуэла; статья написана Мари-Клод Маттей-Мюллер) различаются констатив и инференциалис, но только в перфекте⁵ – в других временах тако-

³ «Visual»; для этого термина нет принятого русского перевода.

⁴ Адмиратив – еще одна грамма, не входящая в «эвиденциальность» в узком значении этого термина, но часто объединяясь с ней и в грамматических описаниях, и в самих языках.

⁵ Вспомним перфект как источник эвиденциальных показателей во многих языках Евразии.

го противопоставления нет. Помимо этого, существует несколько клитик, маркирующих разные типы передачи чужих слов и возможных в сочетании со всеми временами глагола.

Шесть статей составляют раздел о языках Бразилии.

Еще в одном карибском языке – куйкуро (статья Бруны Франкетто) различаются презумптив, репортатив, констатив (личное восприятие события), а также имеется показатель, употребляемый в мифологических и исторических рассказах; автор полагает, что этот последний следует объединять не с репортативом, а с констативом, поскольку и тот, и другой передают информацию, которая не подлежит сомнению.

Язык бакаири (автор статьи – Таня Клементе де Соуза), также входящий в карибскую семью, не имеет специализированных эвиденциальных показателей. Слова других людей в нем передаются с помощью прямой речи; эти конструкции рассматриваются в статье. Помимо них, в бакаири есть показатель *-le*, который означает, что говорящий не ручается за истинность сообщаемой информации. Схож с бакаири в этом отношении язык-изолят тикуна: Марилиа Факу-Соареш рассматривает на примере одного текста (рассказа о реальном событии, свидетелем которого рассказчик был в детстве) функции ряда эпистемических показателей.

Существенно богаче эвиденциальными значениями язык камайура (семья туши-гуарани; автор статьи – Люси Секи). Специальные частицы обозначают событие, при котором говорящий присутствовал лично, и такое событие, о котором известно с чужих слов (причем этимологически это маркеры, соответственно, недавнего и отдаленного прошедшего времени). Существуют и специальные частицы для передачи чужих слов, с которыми говорящий эксплицитно не согласен. Также есть особые маркеры для инференциалиса, презумптива, аудитива и для информации, полученной визуальным путем. Представлен также аддитив и ряд эпистемических частиц.

Сравнительный анализ 23 языков туши-гуарани представлен в статье Аны Суэлли Арруды Камары Кабрал. Она рассматривает системы современных языков, в некоторых из которых представлены, помимо «обычных» значений репортатива и квотатива, также особые «мифологические» частицы (используемые при рассказывании мифов и исключающие употребление любых других эвиденциальных частиц), а также частицы, означающие, что говорящий рассказывает о том, что он видел во сне. Многие из этих показателей возводятся на уровень пражзыка семьи; для

других предлагается этимология (так, репортатив предположительно возводится к корню со значением ‘говорить’).

Маркус Майа пишет о языке караже (семья макро-жс). Из эвиденциальных значений в нем представлен репортатив; эпистемические же значения выражаются множеством различных средств: помимо специальных маркеров «сомнения», используются и фокусные конструкции, и дирекционные показатели.

Очень интересная система представлена в языке юкатек (семья майя, Мексика; статья написана Уильямом Хэнксом). Известно, что эвиденциальные значения обычно образуют иерархию, на самом верху которой находится визуальная информация: она считается самой надежной, и соответствующая ей граммема часто бывает немаркированной. Здесь перед нами иная иерархия: на верху се стоит тактильная информация, поскольку она предполагает самый тесный контакт с объектом, о котором идет речь: такой контакт предполагает обычно и визуальное его восприятие. Потом идет информация, воспринимаемая визуально, но издалека. В ту же парадигму входит маркер уверенности.

Далее переходим к кавказским и тюркским языкам, лучше знакомым российскому читателю (как и российскому автору). Раздел открывается статьей Бернарда Комри и Марии Полинской про цезский язык, в котором различаются два прошедших времени: «засвидетельствованное» и «незасвидетельствованное». Само по себе это различие кажется достаточно простым; однако проблему представляет употребление прошедших времен в сказочном нарративе, которые обязательно должны начинаться в форме незасвидетельствованного прошедшего, но потом говорящий может переключаться на «засвидетельствованные» формы. Авторы показывают, что употребление прошедшего засвидетельствованного здесь сходно с употреблением настоящего исторического для создания «эффекта присутствия».

В лакском языке, описанном в статье В.А. Фридмана, центральную роль играют не эвиденциальные, а эпистемические значения; однако и в нем есть способы маркировать инференциальность и пересказ чужих слов. Для этого используются формы глаголов ‘казаться’ и ‘говорить’ соответственно, но эти формы, очевидно, уже находятся в процессе грамматикализации.

В цахурском языке (статья Т.А. Майсака и С.Г. Татевосова) выражение эвиденциальных значений возможно лишь в серии аналитических форм с настоящим временем глагола «быть» – т.е. в перфекте, дуративе и проспективе. Для выражения эвиденциальности ис-

пользуется противопоставление «атрибутивных» и «неатрибутивных» форм, т.е. форм вспомогательного глагола с атрибутивным показателем и без него (во всех прочих аналитических и синтетических формах глагола атрибутивные и неатрибутивные формы практически синонимичны): атрибутивные формы выражают классический спектр эвиденциальных и близких значений, т.е. пересказ чужих слов, инференциальность, адмиративность, а также «дистанцирование» говорящего от сообщаемых фактов. Вторая часть статьи посвящена частице *јї*, значение которой, как показывают авторы, можно описать как «я узнал, что Р»; употребление этой частицы может давать прагматические эффекты, сходные с эвиденциальными и адмиративными.

Завершает сборник статья С.Г. Татевосова об эвиденциальности в мишарском диалекте татарского языка. В этом диалекте есть эвиденциальная форма перфекта, противопоставленная не-эвиденциальному претериту, а также аналитические формы с глаголом *i-* ‘быть’, который может стоять в двух формах: перфекта (с суффиксом *-kän*) и старого тюркского перфекта на *-tež* (бытийный глагол – единственный в татарском языке, принимающий этот суффикс). Аналитические формы возможны во всех трех временах. При этом перфект выражает обычный круг эвиденциальных значений, а аналитическое прошедшее с *ikän* – то значение, которое принято называть адмиративным. В настоящем и будущем временах конструкции с *ikän* передают все эвиденциальные значения, поскольку синтетической эвиденциальной формы нет. Что же касается конструкций с *imež*, то их первичная функция – это передача чужих слов без указания, кому они принадлежат; в частности, слухов. Далее значение этих конструкций развивается в сознательное дистанцирование говорящего от передаваемой информации.

Подводя итог, скажем, что рецензируемый сборник статей посвящен двум областям значений, различным содержательно, но часто сближающимся в употреблении, – эвиденциальности (в узком смысле этого термина) и эпистемической оценке, и тому, как эти значения взаимодействуют в реальных языках. Большинство рассмотренных языков имеют и

эвиденциальные, и эпистемические показатели, при этом иногда (например, в андоке и сikuани) они могут сочетаться друг с другом, иногда (например, в юкатек) образуют единую парадигму. Ряд языков имеют только показатели одной из этих двух областей (эпистемические или эвиденциальные), однако их употребление создает эффекты, характерные для другой области.

Пожалуй, основным техническим недостатком рецензируемого сборника можно назвать «экономию» на гlosсах в некоторых статьях. Отсутствие грамматической строки сильно затрудняет понимание примеров. Также не всегда легко найти указание на генеалогическую принадлежность описываемого языка. Впрочем, эти замечания касаются исключительно подачи материала и не умаляют содержательной ценности сборника, который значительно умножает наши знания как о типологии эвиденциальности, так и о способах выражения эпистемической оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Якобсон 1972 – P.O. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Храковский (ред.) 2007 – В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. ст. памяти Н.А. Козинцевой. СПб., 2007.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Barnes 1984 – J. Barnes. Evidentials in the Tuysca verb // International journal of American linguistics. V. 50. 1984.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 – W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Guenchéva 1996 – Z. Guenchéva. Introduction // Z. Guenchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Guenchéva (éd.) 1996 – Z. Guenchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.

В.Ю. Гусев

M. Krause. Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007, xv + 250 S. (Slavistische Studienbücher, Neue Folge. Bd. 17).

Марион Краузе (Институт славянских языков Экономического университета Вены) – славист, автор ряда исследований в области когнитивной лингвистики, психолингвистики,

социолингвистики, распознавания речи, а также эпистемической модальности, являющейся предметом рассмотрения рецензируемой работы. «Эпистемическая модальность: к взаи-

модействию лексических и просодических показателей» – семнадцатая книга в Новой серии немецкого издания «Slavistische Studienbücher», включающей монографии и сборники статей, посвященные различным аспектам славянской филологии и истории славянских народов. Тема модальности уже затрагивалась ранее в рамках данной серии в четвертом выпуске [Jachnow et al. 1994], где рассматривались некоторые общие вопросы, связанные с реализацией модальных значений в языках славянской группы. Работа же М. Краузе затрагивает более частную проблематику – а именно, поле эпистемической модальности и специфику средств ее выражения в русском и сербохорватском языках.

Под эпистемической модальностью в лингвистике принято понимать оценку говорящим степени его уверенности в истинности сообщаемой информации, то есть характеристику содержания высказывания с точки зрения его соответствия действительности. Аналогичного понимания придерживается и М. Краузе.

Среди модальных значений, являющихся, как известно, предметом непрерывной дискуссии лингвистов, эпистемические вызывают, пожалуй, наименьшие споры. Тем не менее, некоторые разногласия все же имеются. Существующие расхождения связаны, в основном, с разделением поля эпистемической модальности на более частные значения, с отнесением к данному полю некоторых дополнительных смыслов и с терминологией. Так, в разных работах указанные значения называют также модальностью истинности/правдивости, проблематичностью, персуазивностью и субъективной модальностью, однако используемое Краузе название эпистемическая модальность является наиболее распространенным.

Помимо оценки достоверности сообщаемого, составляющей ядро рассматриваемого семантического поля, некоторые исследователи относят к эпистемическим ряд других значений, связь которых с такой оценкой скорее косвенна, – как, скажем, значение контрактивского долженствования в [Vybée et al. 1994: 180]. Неоднозначным является также отношение к эвиденциальности: если А.Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2004], например, считает эвиденциальность отдельной, никак не связанной с эпистемической модальностью категорией, то большинство других исследователей (Ф. Палмер, Т. Гивон, С. Чанг и А. Тимберлейк, В.А. Плунгян и И. ван дер Аувера и др.) приводят аргументы в пользу близости и типологической связи соответствующих смыслов (многие лингвисты при

этом относят к модальным не все, а только некоторые из эвиденциальных значений). Последней точки зрения придерживается и М. Краузе, отмечая, что связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью существует во всех языках, где информация, полученная менее прямым путем (скажем, через посредников), воспринимается как менее достоверная.

Классификация ядерных значений поля эпистемической модальности также неоднородна. В некоторых исследованиях предлагается выделять два базовых значения эпистемической модальности: эпистемическую возможность, соотносящуюся с невысокой степенью уверенности говорящего в достоверности некоторого положения дел, и эпистемическую необходимость, характеризующую относительно высокую уверенность говорящего (близкий смысл имеет противопоставление понятий *possibility* и *certainty* в [Lyons 1971]). В других работах эпистемические значения разделяются на три типа: слабую, среднюю и высокую степени уверенности говорящего. Фактически, данные подходы не имеют принципиальных различий: ясно, что степень уверенности говорящего представляет собой некоторый континuum (ср. [Зализняк 2006: 483–486]), который можно разделять на значения с разной степенью детальности.

Так, при проведении экспериментальной части работы (см. подробнее ниже) М. Краузе использует шкалу из пяти значений: «совершенно уверен», «почти уверен», «скорее уверен, чем не уверен», «скорее не уверен, чем уверен», «не уверен». Подобное разделение тоже, очевидно, не является максимально дробным: например, на данной шкале отсутствует «срединное» значение, соотносящееся с таким состоянием субъекта, при котором положение дел оценивалось бы им как соответствующее или не соответствующее действительности с равной степенью вероятности. Заметим, впрочем, что для целей рассматриваемой работы его выделение действительно не является релевантным, поскольку для анализируемых в ней модальных слов и частиц выражение подобного значения нехарактерно. Вводным словам с эпистемической семантикой в обычном случае, как правило, не свойственно маркирование указанного смысла, все они так или иначе содержат указание либо на большую, либо на меньшую степень уверенности говорящего; при необходимости указать на равновероятную оценку обеих возможностей используются противительные конструкции типа *может*, *Иванова, а может, и нет*.

При рассмотрении эпистемических значений большинство исследований сосредоточены на двух аспектах: в работах, посвященных анализу категории модальности ([Palmer 1986; ТФГ 1990; Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998] и многих других), основное внимание уделяется определению места эпистемических значений в семантическом поле модальности и проблематике, затронутой выше. Работы же, посвященные эпистемическим предикатам (приведем в качестве примера [ЛАЯ 1988; Апресян 1995; 2001; Иоанесян 2000]), направлены на изучение противопоставлений значений знания и мнения, а также на анализ логических свойств соответствующей лексики. Рецензируемая книга М. Краузе тоже затрагивает указанные проблемы, но не ограничивается ими: в центре внимания данного исследования находится рассмотрение когнитивного потенциала эпистемических единиц, с одной стороны, и анализ их просодических характеристик – с другой.

Объектом исследования данной работы являются вводные модальные слова (такие как русск. *конечно*, *может быть* или сербохорв. *sigurno, može biti*) и некоторые модальные частицы (русск. *же*, сербохорв. *ra*); небольшое внимание уделяется также лексическим маркерам эвиденциальности (сербохорв. *kaži*). Прочие средства выражения эпистемических значений – в частности, модальные предикаты – в работе не рассматриваются¹.

Цель работы состоит в определении диапазона эпистемической силы (степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого) анализируемых лексем, исследовании специфики онтогенеза эпистемических значений, рассмотрении просодических характеристик высказываний, содержащих эпистемические показатели, влияния просодии на изменение эпистемической силы лексемы, а также взаимодействия лексических и просодических маркеров при определении эпистемических характеристик высказывания.

В структурном плане работа состоит из предисловия, девяти глав (главы I–IV посвящены теоретическому анализу рассматриваемой проблематики, главы V–VIII – исследованию экспериментальных данных, глава IX носит обзорно-заключительный характер), библиографии и пяти приложений с таблицами.

¹ Эпистемические предикаты также не получают в данной работе специального рассмотрения, за исключением некоторых отдельных случаев типа русского *думать* в форме 1 л. ед. числа, анализируемых наравне с вводными словами.

ми, где представлены статистические данные исследований в области русского и сербохорватского языков (при статистической обработке данных используются тесты Колмогорова–Смирнова, Уилкоксона и χ^2). Остановимся далее на содержании работы более подробно.

Первая глава посвящена рассмотрению различных концепций исследования модальности (ряд существенных уточнений и дополнений делается также в последующих трех главах). Важная роль при понимании модальности отводится установкам говорящего (*Sprechereinstellungen*), что обуславливает субъективизацию и прагматизацию данной категории. Названные выше цели исследования – изучение онтогенеза и просодических характеристик эпистемических маркеров – в значительной степени определяются именно таким подходом к модальности.

В зависимости от отношения к роли говорящего при понимании модальности М. Краузе предлагает выделять три основных концепции: так называемые «одномерную», «двумерную» и «трехмерную», каждая из которых имеет непосредственное отношение к эпистемическим значениям.

В «одномерной» концепции понятие модальности ограничивается эпистемической модальностью, однако эпистемическая модальность понимается при этом более широко, чем определялось выше. С эпистемическими значениями предлагается соотносить два типа случаев: отношение высказывания к действительности, передаваемое, как правило, формами глагольного наклонения и характеризующее некоторое положение дел как реальное или ирреальное (в традиционном представлении такие значения принято относить к объективной (в другой терминологии – диктальной, предикативной, общей, конститутивной) модальности, как это делается, например, в работах Е.И. Беляевой, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Н.Ю. Шведовой, М. Грепла и др.), и оценку говорящим содержания высказывания с точки зрения достоверности (то есть эпистемические значения в указанном выше смысле). В основе «двумерной» концепции лежит разделение модальности на эпистемическую и неэпистемическую, последняя из которых подлежит дальнейшему разделению на деонтическую vs. динамическую модальность с дальнейшей классификацией. «Трехмерная» концепция, которой придерживается М. Краузе, дополняет модальность прагматической составляющей, рассматривая в рамках данной категории не только внешний и внутренний мир говорящего, но и взаимодействие говорящего и слушающего.

Приведенная классификация не охватывает всех существующих теорий: за рамками ее рассмотрения остается, например, широко распространенное представление, согласно которому в основе данной категории лежит противопоставление значений возможности и необходимости, а также концепции более широкого понимания модальности, относящие к этой категории характеристику высказывания в отношении утверждения/отрицания, эмоционально-качественной оценки и др. Дискуссионным, безусловно, является также отнесение форм глагольного наклонения к средствам выражения эпистемических смыслов, однако этот вопрос не является принципиальным для обсуждаемого исследования, так как данные формы в любом случае не рассматриваются в рецензируемой работе.

В последующих главах эпистемическая модальность анализируется в рамках теории оценок, в связи с чем вторая глава посвящена описанию оценок разного типа и их роли в коммуникации. Оценки рассматриваются как обязательная составляющая когнитивной деятельности человека и описываются с помощью следующей формальной схемы: *оценки некоторого объекта оценки X* (коим может являться содержание высказывания, коммуникативная ситуация, участники коммуникации и т.д.) *производятся на некотором основании оценки Y* (в качестве которого могут выступать знания, интересы, нормы и пр.) *как результат Z* (*Z* представляет собой некоторую шкалу и является оценкой в узком смысле, характеризуя *X* как хороший vs. плохой, интересный vs. неинтересный и под.). Оценки предлагается разделять на эмоциональные и рациональные, к последним из которых относится эпистемическая модальность, отождествляемая, по сути, с когнитивной оценкой.

В третьей главе, рассматривающей непосредственно эпистемическую модальность и ее связь с коммуникацией и эмоциями, эпистемические оценки определяются на основе введенных схем, при этом объектом оценки *X* предлагается считать некоторое положение дел, основанием оценки *Y* – знание, а ее результатом *Z* – характеристику *X*-а как более или менее вероятного.

Говоря о типах эпистемических значений, М. Краузе относит к эпистемической модальности не только высказывания, содержащие эпистемические маркеры – модальные предикаты, вводные слова и др. (типа *Фриц, вероятно, не читал письмо*), но и высказывания без этих показателей, служащие для констатации фактов (*Tatsachenaussagen*) (типа *Фриц не читал письмо*). Подобные высказывания, представляющие собой немаркированный

член данной категории, Краузе называет *модальными* (*modal*), противопоставляя их маркированным членам, называемым *модализированными* (*modalisiert*). В соответствии с концепцией естественности [Mayerthaler 1981; Wurzel 1984] наименее маркированный член какой-либо оппозиции является наиболее естественным. Это подтверждается и в случае эпистемической модальности: как демонстрирует Краузе на данных онтогенеза, эпистемически маркированные высказывания усваиваются детьми намного позже.

Предметом рассмотрения четвертой главы являются средства выражения эпистемических значений, разделяемые на две группы: лексические и просодические.

При рассмотрении лексических средств определяется круг лексем, исследуемых в данной работе (в центре которого, как отмечалось выше, находятся вводные модальные слова), их языковой статус и семантико-синтаксические характеристики. Рассматривается, в частности, использование модальных слов в вопросительных высказываниях, их место в предложении, способность нести фразовое ударение, описываются наиболее важные семантические группы данных маркеров, в числе которых рассматриваются также показатели эвиденциальности. Особое внимание уделяется анализу просодических свойств исследуемых лексем.

Что касается супрасегментных средств выражения эпистемических значений, то при их анализе акцент делается, во-первых, на изучение влияния интонации на эпистемическую силу лексических показателей, во-вторых, – на анализ контекстов, где просодические средства являются единственным каналом передачи эпистемической информации, то есть когда высказывания, не содержащие вербальных показателей эпистемической модальности, тоже выражают определенную степень уверенности/неуверенности говорящего.

Пятая глава посвящена описанию экспериментов, с помощью которых исследовались выделенные средства. Данные эксперименты проводились следующим образом.

Сначала дикторы, носители исследуемых языков, произносили короткие диалоги, содержащие высказывания с анализируемыми эпистемическими показателями (например: *Конечно. Иванова; Sigurno Danica*). Далее записанные реплики предъявлялись группам испытуемых, которые оценивали их с точки зрения выраженной в них эпистемической силы по пятибалльной шкале, приведенной выше. В экспериментах с русским языком принимали участие два диктора, в экспериментах с сербохорватским – три (по одному – носите-

ли сербского, хорватского и боснийского вариантов).

Эксперименты, проводившиеся с русским и сербохорватским материалом, обладают рядом различий. Так, при работе с русским языком использовались серии диалогов с различными эмоциональными коннотациями, а также делексикализованный вариант корпуса, с помощью которого оценивалась автономная роль просодии при влиянии на эпистемическую силу высказывания (в данном корпусе сегментная информация была скрыта фильтром). Работа с сербохорватским материалом ограничилась корпусом с нейтральными эмоциональными коннотациями, однако в рамках данного корпуса анализировались также такие факторы как изменение порядка слов, паузы и некоторые другие.

Группы испытуемых при работе с указанными языками тоже различались. В экспериментах как с русским, так и с сербохорватским принимали участие взрослые носители языка (23 для русского и 19 для сербохорватского), однако в экспериментах с русским языком участвовало еще несколько групп: группа взрослых носителей языка (26 человек), анализировавшая делексикализованный русский корпус; группа немецкоговорящих испытуемых, не знающих русского языка (6 человек), анализировавшая обычный устный корпус (как и в случае предыдущей группы, единственным ориентиром для испытуемых в данном эксперименте являлась просодия); группа русскоговорящих детей (шести-, восьми- и одиннадцатилетнего возраста), оценившая лексикализованный русский корпус, – с помощью данной группы проводилось исследование онтогенеза эпистемической модальности.

Три последующие главы посвящены описанию результатов описанных экспериментов. Так, в шестой главе рассматриваются результаты, полученные при работе над русским корпусом со взрослыми испытуемыми. В седьмой главе описываются данные изучения онтогенеза эпистемической модальности, полученные при работе с русскоговорящими детьми. В восьмой главе представлены результаты работы с сербохорватским корпусом.

В последней, девятой главе подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Проведенный анализ показал, что эпистемическая сила высказываний зависит прежде всего от лексических маркеров эпистемической модальности, однако просодия также может оказывать на нее определенное влияние как в сторону большей, так и в сторону меньшей степени уверенности говорящего. Между

эпистемической силой, выражаемой лексически, и соответствующими просодическими характеристиками существуют при этом определенные корреляции. При отсутствии в высказывании вербальных эпистемических маркеров просодия может частично выполнять их функции.

У детей окончательное формирование категории эпистемической модальности происходит довольно поздно: в шести-, восьмилетнем возрасте дети в большинстве случаев воспринимают эпистемические значения как бинарную оппозицию *уверен vs. неуверен*. К одиннадцати годам формируется способность к большей детализации, однако формирование данной категории в этом возрасте еще не заканчивается.

Позволим себе высказать несколько замечаний относительно проведенных исследований. Весьма интересным представляется эксперимент с делексикализованным русским корпусом, анализируемым русскоговорящими испытуемыми, и с обычным, лексикализованным корпусом, анализируемым немецкоговорящими испытуемыми, не знающими русского языка. Результаты, получаемые в этом случае, зависят в первую очередь от базы просодических представлений родного языка каждого из испытуемых, вследствие чего при одинаковых оценках можно говорить о некоторых универсальных представлениях. Поэтому целесообразно было бы, во-первых, провести аналогичный эксперимент и с сербохорватским делексикализованным корпусом, а во-вторых, увеличить количество дикторов и испытуемых, чтобы уменьшить влияние субъективных факторов.

Последнее замечание касается и остальных проведенных экспериментов: как отмечает М. Краузе, речевые фрагменты двух русских дикторов в некоторых случаях различались по ряду параметров, что говорит о необходимости привлечения более обширного языкового материала для большей достоверности получаемых результатов.

Несмотря на это, исследование Краузе представляет большой интерес, так как затрагивает когнитивные и коммуникативные аспекты изучения модальности, анализ которых имеет особое значение вследствие пограничного положения данной категории на стыке лингвистики, философии, логики и психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Проблема фактивности: знать и его синонимы // ВЯ. 1995. № 4.
Апресян 2001 – Ю.Д. Апресян. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в рус-

- ском языке // Русск. яз. в научн. освещении. М., 2001. № 1.
- Зализняк 2006 – Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Иоанесян 2000 – Е.Р. Иоанесян. Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале французского языка). М., 2000.
- ЛАЯ 1988 – Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики (Темпоральность. Модальность.). Л., 1990.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. Evidentiality: Problems and challenges // Piet van Sterkenburg (ed.). Linguistics today – Facing a greater challenge. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Jachnow et al. 1994 – H. Jachnow, N.B. Meckovskaja, B.Ju. Norman, A.E. Suprun (Hrsg.). Modalität und Modus. Wiesbaden, 1994.
- Lyons 1971 – J. Lyons. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1971.
- Mayerthaler 1981 – W. Mayerthaler. Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
- Palmer 1986 – F.R. Palmer. Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V.A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2. 1998.
- Wurzel 1984 – W.U. Wurzel. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. Berlin, 1984.

М.А. Петрова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению»

25–27 октября 2007 года в Калининграде – Светлогорске состоялась Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению», организованная Российским государственным университетом имени Иммануила Канта при финансовой поддержке РГФИ. В ее работе приняли участие ученые из ведущих вузов и академических институтов России, высших учебных заведений Германии, Польши, Беларуси. Тематика конференции позволила обсудить широкий круг актуальных проблем модальности.

Часть докладов была посвящена рассмотрению современных концепций и основных направлений исследования модальности. Г.А. Золотова (Москва), исходя из понимания модальности как многоплановой категории, основная функция которой состоит в формировании предикативности предложения, представила опыт разграничения и выявления данной категории в других ее функциях и условиях реализации. А.В. Бондарко (Санкт-Петербург) сконцентрировал внимание на таких важных вопросах рассматриваемой проблемы, как типы категориальных единств, оппозиции и неопозитивные различия в сфере модальности, актуализационный признак «точка зрения говорящего», связи модальности с другими семантическими категориями. С.С. Валиной (Калининград) были представлены основные результаты исследования категории модальности в РГУ им. И. Канта и намечены перспективы ее дальнейшего изучения. В докладе В.А. Плунгяна (Москва) «Модальность и ирреальность: обманчивое сходство и неуловимые различия» было предложено различать ирреалис как одну из грамматических бинарной грамматической категории реальности ситуа-

ции и ирреальность как фрагмент универсального грамматического набора, связанный с семантикой непринадлежности к реальному миру. В.В. Химик (Санкт-Петербург) рассмотрел широко распространенные в живой речи оценочные аффиксально-морфологические преобразования слов по эмоционально-экспрессивной шкале «хороший – плохой», выражаются с помощью размерно-параметрических представлений типа «малый – большой» и непосредственно связанные с субъективно-модальной оценкой содержания высказывания. Д.Р. Шарафутдинов (Екатеринбург) предложил концепцию модальности, согласно которой поле модальности, как одно из важнейших и наиболее развитых функционально-семантических объединений разноуровневых языковых единиц, представляет особый интерес в аспекте разработки продуктивной грамматики. В докладе Г.И. Берстниса (Калининград) предпринята попытка раскрыть познавательную природу объективной модальности и показать, что объективная модальность в языке есть результат действия универсального познавательного закона объективизации. Н.Ю. Павловская (Минск), опираясь на современную концепцию о двух типах глагольного наклонения, проанализировала когнитивную структуру модальности и сделала вывод о том, что в наклонении как основном грамматическом средстве выражения модальности заложена информация о ее таксономии и ее функции.

В значительной части докладов были рассмотрены грамматические аспекты изучения модальности в синхронии и диахронии русского языка. Так, М.Ю. Федосюк (Москва) в докладе «Сигнifikативное, референциальное и модусное содержание как три аспекта смысловой организации предложения» показал, что многие трудные вопросы синтаксиса

могут быть решены, если в плане содержания синтаксических единиц последовательно различать сигнifikативный, референциальный и прагматический (или модусный) аспекты. Б. Хансен (Регенсбург) на основе анализа грамматикализованных средств выражения модальности в русском языке (модальных вспомогательных слов) представил предварительные результаты более обширного, типологического исследования модальности в большинстве европейских языков. И.А. Короловой (Смоленск) на основе анализа особенностей функционирования в студенческой социальной среде оценочных форм имён собственных (по шкале «хороший – плохой», «свой – чужой») была раскрыта роль форм субъективной оценки имён собственных в системе общеязыковых средств выражения модальности. Х.Р. Мелиг (Киль) проанализировал полный и частичный модальный вопрос в русском языке и показал, что различие между ними внутри групп диктальных и модальных вопросов не идентично. В группе диктальных вопросов это различие относится к запрошенному объему ситуации, а в группе модальных вопросов данное различие связано с коммуникативной функцией. В докладе З.Л. Новоженовой (Гданьск) было показано, что в описании и конструировании поля глагольных предложений (ПГП) важную роль играет категория внутрисинтаксической модальности, а в связях модальности с другими свойствами единиц ПГП (типовое значение предложения, семантико-грамматические свойства субъектов, предикатов, объектов, представленности грамматических и лексико-грамматических категорий) отчетливо пропадает антропоцентрический принцип его организации. Е.М. Шептухина (Волгоград) проследила роль модальной семантики в процессе переосмыслиния глагольных образований со связанными основами и показала, что семантические изменения модуляционного характера расширяют возможности глагольного слова в выражении модальных значений. М.А. Бирюкова (Брянск) на примере анализа микрополя достоверности раскрыла роль компонентов функционально-семантического поля количественности в представлении модальной семантики, проанализировала ряд сопряженных модально-квантитативных категориальных ситуаций и выделила вариативные значения вероятности и истинности, на которые подразделяется достоверность. В докладе Л.П. Дроновой (Томск) охарактеризована пространственно-временная стратификация и историко-культурная детерминация лексических средств выражения модальности необходимости в истории русского

языка. И.Р. Федоровой (Калининград) рассмотрены косвенные экспликаторы модального значения возможности, представленные в памятниках древнерусской письменности. На материале лексем с этимологическим корнем *-ум-* проведено структурирование периферии рассматриваемой семантической зоны модальности с целью выявления набора сем, «отвечающих» за актуализацию модальных смыслов. В докладах О.Л. Кочетковой, Л.В. Колобковой и Н.А. Суворовой представлены результаты анализа грамматических аспектов модальности в русском языке начального периода формирования нации. О.Л. Кочеткова (Калининград) рассмотрела модальность перфектных конструкций с глагольными формами, в значении которых заложена комбинация компонентов, обуславливающих их употребление в функции модальных операторов. Л.В. Колобкова (Калининград) установила способы имплицитной и косвенной репрезентации модальности волеизъявления и их место в иерархии средств выражения модального значения волеизъявления. Н.А. Суворова (Калининград) показала роль фразеологизмов в качестве экспликаторов модальной семантики возможности, уточнила содержание семантики возможности во фразеологической репрезентации.

В ряде докладов предметом обсуждения явились общие и частные вопросы модальности текста. Так, в докладе Л.Г. Бабенко (Екатеринбург) было рассмотрено модальное поле художественного текста, в формировании которого основную роль играют субъектно-объектные и оценочные отношения. В структуре модального поля художественного текста, по мнению докладчика, выделяются различные модальные смыслы с учетом субъекта и объекта оценки: глобальные, частно-событийные и персонажные. В докладе М.А. Кронгауза (Москва) «Скрытые модальности текста» на материале рецензий на кинофильмы были рассмотрены такие читательские стратегии, которые позволяют выявить в тексте скрытые оценки и рекомендации. И оценку, и рекомендацию, по мнению докладчика, можно с полным основанием назвать модальностью данного типа текстов. В докладе Т.В. Шмелевой (Великий Новгород) «Авторское начало текста как модусный сюжет» было показано, как модусы высказываний составляют особую линию в устройстве текста. Ярким примером этого служит авторское начало, в котором прослеживается сюжет текстостроения. М.А. Корнилицина (Саратов) представила результаты наблюдений над спецификой функционирования конструкций, выражающих значения субъективив-

ной модальности в аналитических текстах современных газет. В докладе И.Ю. Куксы (Калининград) рассмотрены исторические изменения в способах выражения субъективной модальности газетно-публицистических текстов различной хронологической приуроченности, характеризующихся жанровой близостью и единством тематики. В докладе Н.Г. Бабенко (Калининград) на основе анализа произведений художественной литературы были поставлены дискуссионные вопросы об условно-объективном (а не субъективном) характере модальности художественного текста, о существовании не только авторской, но и читательской модальности (модальности восприятия). Р.В. Алимпиева (Калининград) на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» рассмотрела специфику реализаций модальных значений ситуативной модальности как экспликаторов нравственно-мирового мира главных героев романа (Евгения Онегина и Татьяны Лариной). В докладе И.Н. Лукьяненко (Калининград) на примере реализаций цветообозначения *багровый* в романе В. Набокова «Подвиг» рассмотрена модально-оценочная роль цветообозначений и выявлен механизм формирования субъективно-модальных смыслов. Л.Ю. Подручной (Калининград) проанализированы особенности реализаций модальных значений в устно-поэтических текстах, относящихся к сакральному корпусу фольклора. В докладе А.Е. Барецкой (Калининград) рассмотрены древнерусские синтаксические структуры со значением обусловленности, эксплицирующие значения пропозициональной модальности. Многоуровневая структура древнерусского текста требует, по мнению докладчика, применения антропоцентрического принципа исследования, что позволяет дополнить характеристику «стиля эпохи» и шире – «модальности эпохи».

Некоторые доклады были обращены к исследованию модальности в сопоставительном аспекте. В докладе И.А. Демидовой (Калининград) на материале императивно-волитивных заголовков современных русских и англоязычных газет рассмотрено модальное

поле побуждения, выявлены типологические способы реализации побудительных речевых актов в сопоставляемых языках, установлены внутриязыковые специфические черты. И.В. Островская (Калининград) на основе сопоставления русских средств выражения ситуативной модальности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и соответствующих им средств в английском переводе романа сделала вывод о тенденции к имплицитности в русском языке и к эксплицитности в английском, что свидетельствует, по мысли докладчика, о более высокой модальной емкости русских языковых средств по сравнению с соответствующими английскими репрезентаторами. В докладе С.Я. Гехтляри и Е.В. Шлык (Брянск) на основе анализа текста романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его английского перевода показано, что семантика и структура модального значения достоверности представлены значительным соответствием языковых версий романа и его перевода. Различия же касаются средств выражения категорической достоверности: в русском языке они представлены, как правило, лексикой, а в английском языке используются морфологические средства. Н.С. Новиковой (Москва) на материале русского и английского языков проинтерпретированы результаты анализа субъективной модальности, актуальной при кросскультурном общении. В докладе М.А. Болотиной (Калининград) рассмотрены русские и английские модальные конструкции, характеризующиеся нерасчленностью модусного и диктумного компонентов.

На заключительном заседании участники конференции выразили благодарность оргкомитету за высокий уровень организации конференции, высказали общее мнение о необходимости дальнейшей разработки проблемы модальности на основе новых подходов к ее изучению, достигнутых в ходе работы конференции, и наметили основные аспекты соответствующих исследований.

С.С. Ваулина
(Калининград)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН),
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ – Советская тюркология
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordisk filologi
AO – Archiv orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego
BSLP – Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IIJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
ЈФ – Јужнословенски филолог

- KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
- LaPh – Linguistics and Philosophy
- Lg – Language
- Lin – Linguistic Inquiry
- LM – Les langues modernes
- MM – Maal og minne
- MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
- MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
- MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
- NSS – Nysvenska studier
- NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
- PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
- PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
- RES – The Review of English studies
- RÉG – Revue des études grecques
- RÉSI – Revue des études slaves
- RF – Romanische Forschungen
- RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódzkiej. t-wa naukowego
- RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
- RLing – Russian linguistics
- RLR – Revue de linguistique romane
- RO – Rocznik orientalistyczny
- RS – Rocznik slawistyczny
- SaS – Slovo a slovesnost
- SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
- SL – Studia linguistica
- SMS – Sborník matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu história
- SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
- StO – Studia orientalia
- SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
- TA – Traduction automatique
- TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
- TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
- TIL – Travaux de l’Institut de linguistique
- TPhS – Transactions of the Philological society
- UAJb – Ungarische Jahrbücher
- VR – Vox Romanica
- WW – Wirkendes Wort
- ZAS – Zentralasiatische Studien
- ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
- ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
- ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
- ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
- ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
- ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
- ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
- ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
- ZSL – Zeitschrift für Slavistik
- ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

Ju.D. Apresian (Moscow). On semantic motivation of lexical functions-collocates; P.M. Arkadiev (Moscow). Theory of case marking in the light of two-term case systems; A.M. Pevnov (St.-Petersburg). Linguistic methods for solving the Tungus-Mandchur problem; Yu.V. Adaskina (Moscow). Allocutive forms of the Basque verb; E.A. Sorokina (Volgograd). On the reconstruction of the Old Germanic institute «free» – «dependent»; **From the history of science:** D.V. Sitchinava (Moscow). Synonymy of grammatical markers: theoretical approaches in linguistics of the XX–XXI centuries. II. Post-structural approaches; **Reviews:** A.V. Arkhipov, M.A. Daniel (Moscow). *J. Gippert, N.P. Himmelman, U. Mosel* (eds.). Essentials of language documentation; Vladislav V. Alpatov (Moscow). Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context; V.Yu. Gusev (Moscow). Z. Guençhéva, J. Landaburu (éds.). L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes; V.Yu. Petrova (Moscow). M. Krause. Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker; **Scientific life:** S.S. Vaulina (Kalininograd). International scientific conference «Modality in language and speech: new research approaches».

Сдано в набор 17.06.2008

Офсетная печать

Подписано к печати 13.08.2008

Усл. печ.л. 13,0

Формат 70 × 100^{1/16}

Бум. л. 5,0

Усл. кр.-отт. 14,6 тыс.

Уч.-изд.л. 15,5

Тираж 1104 экз. Зак. 532

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.

в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерperiодика"

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099, Москва, Шубинский пер., 6